Европейский гуманитарный университет

Тема номера:
«19 декабря»

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ **ЖУРНАЛ**

ТОПОС **№2**, 2011

ISSN 1815-0047

Журнал включен в международную базу данных
The Philosopher's Index

Адрес редколлегии:
journal.topos@ehu.lt

Информация о журнале размещена на сайте:
http://topos.ehu.lt

Адрес издателя:
Европейский гуманитарный университет
Tauro st. 12, LT-01114
Vilnius Lithuania

19 снежня 2010 года дзясяткі тысяч людзей салідарна выступілі супраць незаконнага падаўжэння рэжыму Лукашэнкі. Маштаб пратэстнага руху прывёў да неапраўдана жорсткіх дзеянняў з боку ўладаў: пры разгоне мітынгоўцаў пацярпелі дзясяткі людзей, 7 з 9 альтэрнатыўных кандыдатаў у прэзідэнты апынуліся за кратамі, некалькі дзясяткаў палітычных актывістаў прыцягнуты да крымінальнай адказнасці, некалькі сотняў удзельнікаў дэманстрацыі падвергліся адміністрацыйнаму пакаранню. Падзеі гэтага дня выкрылі, што ўлада гатовая ўтрымліваць свае пазіцыі любой цаной, але яны ж явілі беспрэцэдэнтны ўсплёск палітычнай салідарнасці, пульсаванне якога адчуваецца дагэтуль.

Задача нумара – прааналізаваць асаблівасці механізмаў улады ў Беларусі і прычыны, па якіх беларускае грамадства працягвае заставацца пажыўным асяроддзем для палітычнага дыктату.

*****

19 декабря 2010 года десятки тысяч людей солидарно выступили против незаконного продления режима Лукашенко. Масштаб протестного движения привел к неоправданно жестоким действиям властей: при разгоне митингующих пострадали десятки людей, 7 из 9 альтернативных кандидатов в президенты оказались за решёткой, несколько десятков политических активистов привлечены к уголовной ответственности, несколько сотен участников демонстрации подверглись административному наказанию. События этого дня обнажили, что власть готова удерживать свои позиции любой ценой, но они же явили беспрецедентный всплеск политической солидарности, пульсирование которого ощущается до сих пор.

Задача номера – проанализировать особенности механизмов власти в Беларуси и причины, в силу которых белорусское общество продолжает оставаться питательной средой для политического диктата.

*****

On December 19, 2010 tens of thousands of people took to the streets to protest against illegal prolongation of Lukashenko's regime. The scale of protest movement led to unfairly cruel acts of authorities: during the dispersal scores of people suffered, 7 out of 9 alternative candidates for presidency were put into prison, some tens of political activists were prosecuted, some hundreds participants of the demonstration were penalized. The events of this day revealed that the authority is ready to maintain its positions at all costs, but they also showed an unprecedented surge of political solidarity the pulsating of which is felt till now.

The aim of the issue is to analyze peculiarities of the mechanisms of the authority in Belarus and the reasons why Belarusian society continues to remain a nutrient medium for political dictatorship.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

REVIEWS

ЭКСПЕРИМЕНТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...
Интервью с Палом Тамашем

***Пал Тамаш (Pal Tamas)** – один из ведущих европейских специалистов по проблемам социально-политических трансформаций на постсоветском пространстве; директор Центра социетальной политики Будапештского университета Корвинус (Венгрия), бывший директор Института социологии Венгерской академии наук, действительный член Венгерской академии инженерных наук. Выступал с лекциями и участвовал в научных проектах в ведущих университетах США, Канады, Германии и Австрии. В качестве эксперта по реформированию науки и высшего образования сотрудничал с правительствами России, Украины, Грузии, Молдовы, Киргизии, Казахстана, Румынии и Венгрии. Публицист, эссеист, политический комментатор. Работал советником ряда венгерских правительств и премьеров социал-демократической ориентации.*

Татьяна Щитцова: Пал, спасибо, что согласились дать интервью нашему журналу. Тема номера Вам известна, поэтому позвольте перейти сразу к вопросам. И для белорусов, и для международного сообщества реакция властей на протестные выступления 19 декабря оказалась чем-то совершенно шокирующим, никто не ожидал таких брутальных мер. Как Вам известно, в Беларуси с 2008 года начала отчётливо просматриваться тенденция к либерализации, что нашло отражение в определённых успехах и во внешней политике. Предвыборная кампания – по меньшей мере, в её официально-показной версии – также выглядела почти безупречно, поскольку проходила с соблюдением всех основных правил «подлинно демократических выборов». На этом фоне создаётся впечатление, что А. Лукашенко, допустив насильственный разгон митинга, обрубил сук, на котором сидел, – в том смысле, что столь брутальная реакция ставила крест на усилиях самого президента наладить отношения с Западом и создать себе репутацию заслуживающего доверие политика, т. е. политика, с которым *можно* сотрудничать. Как бы Вы прокомментировали этот политический эксцесс?

Пал Тамаш: Я хотел бы отметить здесь прежде всего два момента. *Во-первых*, я просмотрел некоторые описания западных аналитиков и обнаружил там следующую странную вещь: они исходят из того, что раз мы имеем дело с авторитарным и диктаторским режимом, значит, всё решает Лукашенко. Вы, как мне показалось, ставили вопрос в этом же духе. Как политическому социологу, хотя я не эксперт по Беларуси, мне кажется, что дело в другом. В десятимиллионной стране есть элита, которая, по всей вероят-

ности, не гомогенна. Под элитой я имею в виду не культурную или оппозиционную элиту, а элиту при государственной власти. Немецкие эксперты по Беларуси пишут об этих элитах, хотя и очень мало о них знают... В команде Лукашенко есть очень разные люди с разными стремлениями. Есть элита, которая думает, что можно что-то получить от Запада; есть элита, которая думает, что если начать сближение с Западом, то она проиграет; есть промосковская часть элиты и есть те, кто заигрывал бы с национальным вопросом, и т. д. Так вот, я не уверен, что это была просто инициатива Лукашенко. Это, конечно, возможно, но я чётко вижу из анализов, которые я читал, что эксперты, включая оппозицию, не знают этого наверняка. Они не знают, кто их враг. Может быть – Лукашенко, а может быть и не он. И я не знаю. Но, может быть, Лукашенко действительно думал о том, что есть реальная возможность сближения с Западом, а может быть, он так и не думал. Но, кстати, сейчас – и причём не из-за декабрьских событий, а главным образом из-за Каддафи – он знает, что Запад не простит. Если в прошлом году он ещё мог на это надеяться, но теперь – уже нет. С одной стороны, Лукашенко по сравнению с Каддафи – это крупный демократ и европейский деятель, с другой – мы знаем, что начиная с 2002 года шло очень интенсивное сближение Каддафи с Европейским сообществом. Все были довольны, что он остановил поток нелегальных эмигрантов из Африки на юг Европейского Союза и предоставил нефтегазовые концессии западным концернам. Но потом обнаружилось, что есть трещина в его режиме, есть серьёзные внутренние проблемы, связанные с племенными играми. И вот Запад готов забыть все его внешнеполитические достижения, бомбить города и т. д. Выясняется, что его не простили. Десять лет делали вид, что всё хорошо, что сблизились, и всё же, как выясняется, ему не простили его буйное политическое детство. Это должно быть очень важным уроком для Лукашенко, что есть временное сближение, можно получать какие-то товары, люди могут ездить на заработки, но режиму прощения не будет. Всё, что происходит в Ливии, должно укрепить уверенность Лукашенко в том, что Запад – это не его партнёр. Возможно, партнёр временный, но не стратегический. Если он хочет себе спокойной старости, он не будет играть с Западом. Я думаю, что в декабре этого он ещё не знал, но теперь знает чётко.

Во-вторых, я думаю, что ситуацию в Беларуси определяет игра Москвы, о которой мы фактически ничего не знаем. Читая самые разные тексты в интернете, включая тексты оппозиции, я вижу, что у оппозиции нет реальной информации о том, что происходит в российских и белорусских верхах. И это очень важно, потому что понятно, что режим Лукашенко зависит от Москвы, при этом, с точки зрения Москвы, Лукашенко повёл себя не как младший брат. Обоснованно или необоснованно, но он пытался вести себя не как младший брат. И я не помню, чтобы россияне прощали бы комунибудь подобное. Этого не может быть. Конечно, ты наш партнёр, друг, родственник. Но ты должен знать своё место. Если ты забы-

ваешь своё место, карают немедленно. Это геополитика. Россия не простит лидера страны, который вёл себя, по мнению российской элиты, не по-джентльменски. И в этом плане (я знаю это не только из российской печати, я там бываю очень часто) идея, что Беларусь надо поставить на место, очень широко разделяема в Москве. Фактически, её разделяет вся российская общественность, кроме каких-то очень либеральных групп. Либеральные группы считают, что Лукашенко – это опасность, потому что Лукашенко может стать точкой кристаллизации антидемократических настроений. Так что здесь, начиная от крайне правых до крайне левых, существует довольно много разных мнений, но преобладает мнение о том, что «вот этого пацана надо убрать».

Т.Щ.: То есть Вы полагаете, что это жёсткое и беспрецедентное для Беларуси решение исходило не от президента?

П.Т.: Мне кажется, что, поскольку выборы были выиграны, никакой реальной опасности потери власти для Лукашенко не было. Поэтому вполне можно предположить, что определённая часть правящей элиты хотела таким образом сузить поле акций Лукашенко. Ведь после декабря он частично потерял власть, способность маневрировать и по отношению к Евросоюзу, и по отношению к Москве. Если бы он был как Чавес или Каддафи, он мог бы делать, что хотел, но здесь этого нет. И если его поле для маневрирования сужается, тем самым драматически сужается способность режима выживать. Те силы, которые этого добились, хотели не сразу его убить, но, как в больнице, отключить аппарат для поддержания жизни, что и было сделано. И после этого, я думаю, Лукашенко ничего не осталось, как идти навстречу этим людям и силам. Я понятия не имею, кто они, потому что я специально не занимаюсь этим анализом. Но я не думаю, что эти элиты однородны. Насколько можно судить по СМИ, включая оппозиционные сайты и т. д., Беларусь – это не Германия 42-го года: монолит, мобилизация и т. п. Например, в одной из оппозиционных публикаций написано, что в Беларуси велика вероятность повторения сюжета Чаушеску. Но Чаушеску – это не восстание улицы, а инициатива части элиты, которая решила свергнуть диктатора; это путч около диктатора, в партийных и в военных элитах. Это был военный переворот против ненужного диктатора. Примечательно, что в народе о Чаушеску осталась светлая память. Согласно опросам, большая часть населения считает, что при нём был порядок и всё было хорошо.

Если кто-то думает, что переворот может быть устроен с улицы, то он просто наивен. Следовало бы посмотреть, какова вероятность путча и кто может быть путчистом. В любом случае речь будет идти о промосковском, а не прозападном пути. В экономическом плане я вижу, что Москва решила выгнать Лукашенко, создав ситуацию, в которой экономическая система самоуничтожается изнутри (поскольку она зависела от Москвы). Я полагаю, что в такой ситу-

ации, когда сужается западное поле маневрирования и усиливается московское давление, улица не может быть достаточной силой. Кроме того, я не думаю, что это вообще реально в Европе, чтобы миллионы вышли и бросились на «Зимний дворец» Лукашенко. Самый яркий такой эпизод был с Чаушеску, но благодаря демократическим властям Румынии мы сейчас знаем, что народ играл тогда не главную роль, равно как и оппозиционные силы. Да, массовые волнения были, поскольку в стране были реальные голод и холод. Всю зиму не было отопления и нечего было есть, люди были в отчаянии. Когда совпадут голод, холод и жесточайшее угнетение, тогда может произойти крупная вспышка. Но потом появляется армия и говорит: «Время убрать этого дурака». Именно армия и определённые союзники из ЦК убрали Чаушеску.

Т.Щ.: Пал, давайте теперь переместимся на улицы. Размах декабрьского протестного выступления тоже был довольно неожиданным. Даже лидеры оппозиции, которые призывали к выходу на площадь, не были готовы к такому. При этом нужно учитывать, что у нас не было ни единого кандидата от оппозиции, ни лидирующей партии, ни, в принципе, сколь-нибудь продуманной организации митинга. То есть люди, которые шли по проспекту, не следовали никакой внятной политической программе. Что же их мотивировало?

П.Т.: Здесь, я думаю, имело место то, что я называю *эстетическим сопротивлением*. В двухмиллионном городе есть высокие технологии, есть творческая, научная, вузовская интеллигенция, которая по роду своих занятий не изолирована в информационном пространстве, «живёт» в объединённой Европе, у неё есть свои эстетические представления о том, как люди должны говорить, выглядеть, каким должен быть внешний образ государства. Для этого нового среднего класса (то, что называют информационными работниками: вузы, креативная индустрия, сфера масс-медиа), для них Лукашенко – агрессивный сельский мужик, бывший председатель колхоза – не может быть вождём, это генетически чужое. Этот генетически чужой говорит по-чужому и т. д. Поэтому вполне понятно, что в Минске, двухмиллионном городе, нашлось 50 тысяч тех, кому отчаянно надоело всё то, что происходит в Беларуси – эти люди по телевизору, эти съезды и эти флаги... эта эстетика...

Люди вышли на площадь не потому, что им нравились лидеры оппозиции. Насколько я могу судить, эти лидеры оппозиции не очень профессиональные политики. Я читаю всё, что они пишут на своих сайтах, это всё очень красиво. И я сказал бы, что, странным образом, оппозиция и Лукашенко говорят об одном и том же: социальное государство, демократия (хотя понятно, что это разные вещи у одних и у других). Но и те и другие говорят о необходимости социального государства, ответственности за людей. Это прекрасно как концепция, но, как мы знаем, социальное государство в тех объ-

ёмах, как оно существует сегодня в Беларуси, из собственных источников содержать нельзя. Лукашенко демагогически удерживает эту модель социальной ответственности: ты – мой народ, и я тебя кормлю. Но фактически это же говорила и оппозиция. Ярких либералов, которые сказали бы, что с этим пора покончить, нет. Некоторые из тех, кто говорил о независимости, понимали, что для пути социальной ответственности, который нравится населению, нет средств. Беларусь может стать независимой, если сократит общество благосостояния. Единственный путь – это путь жёсткой экономии. Можно начать с армии, можно экономить и на пенсионерах. Но не было таких смелых людей в оппозиции, которые сумели бы сказать народу: ребята, вы живёте в мечте, вы хотите быть независимыми, но вы живёте на средства из чужого кармана.

Т.Щ.: А чем объясняется, на Ваш взгляд, столь длительное существование режима Лукашенко? Каковы здесь основные слагаемые?

П.Т.: Мне кажется, что нынешний режим – это следствие того, что в последние 15–20 лет Лукашенко удалось сделать в Беларуси. И то, что ему удалось и не удалось сделать, важно для всего постсоветского пространства. Всем было понятно, что восстановить Советский Союз невозможно – и не потому, что все ненавидят политбюро. При этом, фактически, у очень многих людей была мечта, что если мы убираем какие-то ненавистные части советской системы и создаём такой СССР-*light*, это тоже будет индустриальный модерн, этакий периферийный вариант государства благосостояния, и каким-то образом это может состояться. Но именно в Беларуси этот вариант всё-таки попытались осуществить. В России, к примеру, больше думали о пространствах, сырьевых ресурсах и т. д. Демонтаж социального государства там произошёл раньше, чем в других постсоветских государствах, и более радикально. Но вот появляется страна – Беларусь, у которой генетически отсутствуют амбиции великой державы. И, с другой стороны, не наблюдается национального, националистического драйва (как, например, в Грузии или Армении, где люди пытались сыграть на национальных мотивациях). То есть это просто часть, оторванная от центра, развитая часть Советского Союза, ничего больше. С этим и связана сейчас бо́льшая часть проблем, так как белорусы не являются пока реальной нацией. И вот на этом оторванном советском острове попробовали реализовать вариант, который был бы более или менее приемлем. Есть частная собственность, нет информационного вакуума, долгое время работал и ваш университет, западные культурные институты, при этом остаётся КГБ, но ведь не забирает людей каждый день. И что получилось? Если быть предельно циничным, в 68-м году, за месяц до Пражской весны, у чехословацких коммунистов была идея – социализм с человеческим лицом. Был очень умный философ, который этот термин придумал, за это и пострадал, но сейчас не о нём.

Так вот, когда задумывался этот белорусский вариант, это был запоздалый на 20 лет социализм с человеческим лицом. Но, как в своё время гениально заметил Маркс, каждая историческая сцена повторяется два раза: один раз как драма, другой раз как комедия. Пражская весна была трагедией, а вот когда в Беларуси попытались повторить попытку, это была уже комедия. Я понимаю, что это не смешно для людей, которые здесь живут, но это уже не социализм с человеческим лицом, а карикатура на него, и именно потому, что для социализма с человеческим лицом (или без него) нужно или богатство, или нефтяные ресурсы, или идеология, или какая-то большая замкнутая система – типа России или Китая. В десятимиллионной стране такую систему построить невозможно. Выяснилось, что в Беларуси нет своих средств для такого полномасштабного эксперимента, а базовым ресурсом является российская нефть. Таким образом начинается диктатура. Эксперимент продолжается, средства убывают, и в этом СССР-*light* проступает всё больше элементов, которые не являются демократическими. Они приобретают системный характер, и всё быстрее восстанавливается вариант СССР-не-очень-*light*. Демократически эту систему поддерживать нельзя, и вы увидите это, когда осенью будет совместная акция российских банков и Международного валютного фонда. Российские банки попросят МВФ высказать свои рекомендации. И вы увидите, что пропишет вам МВФ, который всем – от Латвии до Греции, от Португалии до Ирландии – прописывает жесточайшее уничтожение всего того, что белорусский народ так любит: стабильные пенсии, социообеспечение, бесплатное образование и т. д. Вы увидите, что сама международная финансовая система не подразумевает этого эксперимента.

Т.Щ.: Многие аналитики объясняют существование режима так называемым социальным контрактом между властью и населением.

П.Т.: Это, конечно, так, но я перевернул бы схему. Я это вижу не так, что есть диктатор, который понял, что есть социальный контракт. Я думаю, что социальный контракт был задуман как социальный контракт постсоветского госкапитализма, безусловно, не в западнической культурной оболочке. Но затем выясняется, что социальный контракт трудно соблюдать: нет средств, нет оснований для обещанного вечного счастья. И так как это не жизнеспособный контракт, власти начинают быть заинтересованными в народной пассивности. Тогда-то и начинается диктатура, потому что необходимо навести порядок, чтобы народное недовольство не перевернуло эту систему.

Таким образом, моё мнение расходится с мнением тех экспертов и представителей оппозиции, которые считают, что есть брутальный деспот, который, чтобы не пользоваться полицией каждый день, придумывает социальный контракт. Я думаю на-

оборот. Есть социальный эксперимент, вот этот СССР-*light*, и так как он не получается, приходится с каждым днём быть всё более брутальным. Соответственно, диктатура – это не причина, а следствие.

Т.Щ.: Ещё один вопрос в этой связи. На лекциях Вы говорили, что политические технологии нацелены на социальные низы и что в современных условиях перевороты устраиваются политическими элитами. А как Вы оцениваете значение и место интеллектуалов во всех этих процессах?

П.Т.: Я всё-таки циник в этом вопросе. Я считаю, что властные элиты думают о том, как им обращаться с разными группами населения, чтобы и они были довольны, и страна была стабильна, потому что если люди недовольны и не любят эту страну, в которой живут, и эту систему, они не будут работать творчески. Они будут работать, потому что кушать хочется, но это рабская реакция – так инновации не появятся. Любой дурак, даже околодиктаторский, понимает, что нужно творчество масс, творчество интеллигенции, иначе ты вымрешь, как мамонт.

Насколько я понимаю, в результате случившегося краха белорусские власти оказались перед очень сложным выбором. В нормальном постсоветском варианте (я имею в виду мейнстрим, то, как обычно делают; то же самое имеет место и в Европе) пытаются каким-то образом интегрировать наиболее активную часть среднего класса, интеллигенцию. Власть интеллигенции не дают, и с этим была связана первая волна разочарования перестроечной интеллигенции. Чего, может быть, не было в Беларуси, потому что Беларусь выпала из этого транзита, и поэтому многие вещи в странах завершающегося транзита общеизвестны, а в Беларуси ещё остаются нерешёнными, и с этим связаны какие-то иллюзии.

Итак, когда перестроечная интеллигенция боролась с властью вербальным образом, она всё-таки думала о новом обществе, в котором у этой интеллигенции будет какое-то хорошее положение. Не то, чтобы быть вождем, но были и такие, которые мечтали, что они станут министрами, что интеллигенция будет при власти. Необязательно у власти, но при власти. И потом очень быстро все – от России до Венгрии, от Польшы до Чувашии – поняли, что это было лишь мечтой. Представители интеллигенции к власти не приходят. Власть делается над ними и без них. То есть они были временной заменой для капиталистического класса, пока этот класс власть имущих не состоялся. И так как ты имущества не имеешь, а во власть отбираются по этому принципу, ты туда не попадаёшь. После 95-го чешскому, польскому, венгерскому интеллигенту это было абсолютно понятно. Для белорусской интеллигенции, которая является носителем оппозиционной идеи, это всё является повтором перестройки 1988–89 гг., идеологии, которая в остальных странах уже давно провалилась, к сожалению.

ТЩ: Означает ли это, что все просветительские усилия интеллигенции по формированию гражданского общества, по тому, чтобы вызвать *mind change* у населения, привыкшего к патримониальному государству, – что всё это напрасные утопические старания?

П.Т.: Я думаю, что *mind change* можно организовать в любом обществе, у любой части населения, в любую сторону, но для этого требуется очень тонкая система манипуляции через масс-медиа. И если масс-медиа не в твоих руках, то, таким образом, информационное вмешательство, просветительство, воспитание, если хотите, не в твоих силах. Интеллигенция, которая думала, что она – в России, Польше, Венгрии – сможет что-то сделать, она не получила этот ключ, она не получила масс-медиа. Масс-медиа стали другими, там другие властные системы. Без разветвлённой системы масс-медиа ничего невозможно. Пусть развиваются ещё тысячи гражданских инициатив. Но гражданские инициативы ничего и не перевернули. Тридцать лет назад была польская «Солидарность», очень известная инициатива. Есть большая система социологических исследований (*European Social Survey*), куда входит, в том числе, и Польша. И вот ставятся вопросы о гражданском обществе: что ты сделал последний раз для общества? делал ли ты за последние 6 лет что-то для своего общества, города? участвовал ли ты в какой-либо гражданской акции? Согласно полученным данным, выходит так, что все восточные свободные посткоммунистические страны – Польша, Чехия и т. д. – несоизмеримо менее развиты в гражданском отношении, чем западные страны. И наиболее интересен польский феномен: 30 лет назад у них была «Солидарность», но сейчас Польша на одном из последних мест по гражданской активности. Люди совершенно расхотели делать что-то для соседей, для государства, для общества. Вот вам пример того, что случилось с действительно уникальным в Европе движением масс против режима. Очень важна неспонтанность. «Солидарность» – это же была политическая контрэлита, которая расслабилась в 1980-е, и коммунисты расслабились. Коммунистическая элита понимала, что время играет против неё, и элита гражданская тоже задыхалась от усталости за годы сопротивления. И народу это уже было неинтересно. Его интересовали не гражданские акции, а женитьба, рождение детей и так далее. Вот эти два слабых актора – уже слабая коммунистическая элита и слабая элита «Солидарности» – договорились между собой (ведь всё равно система уже рушилась) и провели круглый стол о том, как делить власть. И была создана демократическая Польша – на основе договора о том, как делить власть. Не как забрать, а как делить власть: у тебя остаётся кусок, и у меня будет кусок, и мы договариваемся о том, что делать дальше. А дальше было сложно.

То же самое и в Венгрии. Круглый стол, коммунисты и антикоммунисты договариваются о том, как делить власть. И для граж-

данского общества в Беларуси я не считаю реальной наиболее розовую версию – так просветить массы, чтобы они понимали, что Лукашенко плохой дядя, и на свободных выборах они будут голосовать против него. Ввод войск НАТО нереален, как и российских. Таким образом, остаётся единственный вариант: делить власть – с участием или без участия Лукашенко. Всё тот же круглый стол представителей власти (госэлиты, силовиков), которые хотели бы контролировать экономику, и за это они готовы договариваться с демократической общественностью.

Т.Щ.: То есть такой мягкий переворот со стороны элит, о котором Вы говорили ранее.

П.Т.: Частично. При определённом участии в этом гражданского общества. Понятно, что решить проблему можно только путём каких-то перетасовок во властной элите. Скорее всего против Лукашенко, потому что он становится символической фигурой, а всегда легче убирать символическую фигуру, поскольку все остальные могут оставаться на своих местах. Такова была основная идея при свержении Чаушеску (у тех генералов, которые выступили против него).

Т.Щ.: Таким образом, интеллектуальные усилия выступают в роли возможного катализатора, но структурно ничего не решают?

П.Т.: Безусловно, они катализаторы. И очень интересная задача – создавать рамки и модели для этого круглого стола. Всё-таки интеллектуалы могут быть посредниками между властью и гражданскими людьми (рабочими Тракторного завода и т. д.). Когда выходит на улицы университетская элита – это прекрасно. Но когда выходит Тракторный завод, это более интересно. И для власти это более важно.

Т.Щ.: Но вряд ли стоит надеяться, что рабочие будут следовать тому эстетическому чувству, о котором Вы говорили выше.

П.Т.: Эстетического чувства не будет, но они могут мечтать о том, что если убрать Лукашенко, будет экономически лучше. Однако экономически лучше не будет. Возможен либеральный поворот, и тогда Беларусь ждёт 10 лет довольно тяжёлого российского – гайдаровского – периода, а без нефти даже Россия не выкарабкалась бы. А годы кризиса обычно очень быстро «пожирают» политическую и интеллектуальную элиту. И в России, и в Америке мы видим это. Рузвельт пришёл после кризиса, до кризиса о нём никто не думал. Появились новые силы. Так что проблема не в том, убрать или не убрать Лукашенко. Его уберут скоро, или он сам уйдёт. Но впереди период «гайдаровских реформ», может быть, не таких драматических, без гиперинфляции, хотя она уже начинается. Правда,

созданный в Беларуси госкапитализм – уже не советский капитализм, и, возможно, такой драмы не будет.

Возвращаясь к интеллектуалам... Интеллектуалы могут, кроме эстетики, думать о структурах. И тогда они будут знать, как разговаривать с потенциальными реформаторами при власти. Одновременно, будучи оппозиционными, они ведь имеют и какую-то связь с гражданскими структурами, которые хотели бы изменения политической ситуации. У посредников всегда очень важная роль, особенно у умного посредника, который может предложить разные варианты торга и этим смягчить переход. Задача демократической интеллигенции – помочь договариваться с социальными силами. Роль медиатора. Не имитатора каких-то социальных преобразований. Если интеллигенция начинает заниматься подобной имитацией, через какое-то время выясняется, что те, кого она хотела представлять, говорят: спасибо, мы тронуты, но сейчас мы будем сами себя представлять. Так произошло и в Восточной Европе. Это биологический, физический, структурный закон. Если бы я жил в Минске и занимался полуполитикой, я начал бы активно исследовать разнородность элит – с кем говорить и на каком языке, с кем не говорить. И если выясняется, что в экономике большие проблемы, что Запад – и Москва, кстати – помогать не будут, элиты должны как-то выделиться, проявить себя. Таким образом начинаются изменения, и если будет хуже, появятся движения рабочих, и тогда ты уже можешь создавать какое-то договорное пространство.

Если говорить о каких-то близких аналогиях, то можно привести в пример ситуацию в Молдове. Там авторитарный режим, но очень мягкий. Президента Воронина, который тоже во власти *два* цикла, не уничтожали, а «сдвигали». Создалась ситуация, в которой Запад был заинтересован в Молдове, а России Молдова не очень нужна. И был один молодой человек при Воронине, очень талантливый реформатор, – этому молодому человеку оппозиция и предложила, чтобы он стал их кандидатом на пост премьер-министра, т. е. не кто-то из своих интеллектуалов, а он. Он согласился, и этим реально изменил соотношение сил, началась серия изменений, не в сторону компартии, это точно.

Т.Щ.: В Беларуси были люди, которые могли вызвать изменения в соотношении сил на политической арене, но они были устранены, они исчезли.

П.Т.: Они исчезли, я не знаю, физически или нет, но повторяю, ситуация может измениться. И очень важно, конечно, учитывать такой момент, как российская геополитика. Беларусь расположена по оси Берлин–Москва. Россия строит империю, и ей не всё равно, где будут потенциальные границы НАТО и Евросоюза – у Смоленска или Бреста. И хотя сейчас отношения России с Евросоюзом хорошие, любому российскому генералу понятно, что наши союзники должны стоять в Бресте, а не в Смоленске. Отпустить Бела-

русь Россия не хочет и не может. Так что быть чистым западником по модели Саакашвили, стремиться сделать из Беларуси Америку – точный провал, военный и финансовый. Я думаю, что здесь играть долгосрочно против России невозможно. Попробовать, конечно, можно, и тогда это будет тестом, насколько Россия в состоянии контролировать вашу страну. Но тест этот будет очень рискованным. Это не значит, что Беларусь однозначно обречена быть колонией и не может быть капиталистической страной. Я не об этом. Беларусь – уникальное место в военно-стратегическом плане, это ворота в Москву, поэтому исключено, чтобы ваша страна, подобно Польше, выступила в качестве верного союзника Запада.

Т.Щ.: Но это ведь «взгляд из Москвы». То, что Вы говорите – в каком-то смысле приговор для национально ориентированной части нашей оппозиции. Эти люди мыслят в терминах возвращения Беларуси в Европу.

П.Т.: Если понимать возвращение в Европу как ношение национальных костюмов и употребление белорусского языка – это сколько тебе влезет. Это хорошо для населения. Я не очень большой сторонник национальных движений в Восточной Европе, я видел, как они причинили очень большой ущерб очень многим. На днях я смотрел белорусскую оппозиционную печать в интернете. Есть сайт *beldigest.info*, где сводится вся оппозиционная информация. Там, по-моему, девять газет, из которых, кажется, восемь на белорусском языке. При этом ведь понятно, что любая революция, гражданское движение берут импульс от городских масс; не село белорусское восстаёт против гнёта, а образованные люди. Но если этот город говорит на русском языке, делать всю эту публицистику на белорусском – это просто смешно, ведь люди не будут читать, это им не нужно. Есть такая остро национальная газета *День* в Киеве, но у неё есть и украинский, и русский варианты. У ежедневной газеты! В Киеве, в Харькове такую национальную газету все читают по-русски. Я спрашиваю эту газету на русском, и когда уже нет этой газеты на русском, её раскупили, киоскер говорит извиняющимся голосом, что осталась только украинская версия. Газета не промосковская, а резко антимосковская, и её читают по-русски. И это при том, что распространённость украинского языка в политической сфере гораздо шире, чем в случае белорусского языка. Так что получается, что если независимость отстаивается таким образом, она оборачивается языковым гетто. И это сигнал всем русскоговорящим: это движение не ваше.

Т.Щ: Да, это очень точное наблюдение. Пал, ещё один вопрос. Лукашенко вызывает симпатию у многих и внутри страны, и за её пределами за то, что Вы в своих лекциях назвали попыткой выйти из системы глобальной экономики. Как известно, есть целый ряд стран, которые пытаются таким образом двигаться по некоему аль-

тернативному пути. Насколько этот путь политически и экономически перспективен?

П.Т.: Таких стран не так уж и много: Венесуэла, Куба, Ливия, какие-то арабские страны, Северная Корея, Иран… Пожалуй, всё. Названные страны имеют характеристики, которых нет у Беларуси. *Во-первых*, это природные ресурсы: Иран, Венесуэла, Алжир, Ливия и т. д. Беларусь не входит в их число. Другая важная черта – крепкая идеология, которая может фанатизировать людей, – например ислам. Но если у тебя нет ислама и нет нефти, тебе в этом клубе искать нечего. Пока есть нефть, в военно-политическом и экономическом плане с этими странами ничего нельзя сделать. Нефть отобрать невозможно. Однако Саддама Хусейна всё же убрали, Каддафи сейчас убирают, на Кубе начинаются реформы сами по себе. Я не знаю, что будет с Чавесом, это более сложно, в каждом варианте свои сценарии. Так или иначе, глобальная система не терпит противостояния. Одно дело, когда вы – французские интеллектуалы, называете себя антиглобалистами, выходите на демонстрации и т. д. И совсем другое, когда целая страна хочет выйти из системы (началось это, конечно, с Сербии). Единственное, что может спасти такую экзотику, даже независимо от нефтяных ресурсов, это наличие ядерного оружия. Если есть бомба, то американцы на тебя напасть не могут. Неслучайно Израиль уже в 1950-е создал свою атомную бомбу. У Лукашенко же нет ни атомной бомбы, ни нефти, ни идеологии, поэтому его очень просто сместить.

Т.Щ.: Но тогда складывается образ этакого заигравшегося диктатора... На что же он рассчитывает, если ничего нет?

П.Т.: Да, реальных ресурсов нет, в военно-политическом плане он не защищён, союзников, начиная с Саддама Хусейна и кончая Каддафи, постепенно удаляют из международной системы. Фактически, из этих 5–6 экзотических лидеров, начиная с Милошевича и Саддама Хусейна, почти никого не осталось. Мировая система, и военно-стратегическая в том числе, предполагает гомогенизацию, и она очень хорошо работает. Система же Лукашенко слишком чётко обозначала себя как внесистемную силу. Я думаю, что если бы власти вели себя тише в этом плане, то и россияне охотнее шли бы на договорённости.

ТЩ: Пал, из того, что Вы говорите, напрашивается вывод, что в Беларуси на сегодняшний день политические элиты, которые имели бы какое-то значение/влияние *наряду* с Лукашенко, очень слабы.

П.Т.: Они слабо видны, но я не думаю, что они слабы. Я думаю, они просто или замаскировались, или не научились себя открывать. Но в ближайшее время они должны себя открыть, потому

что система тонет, а они должны выплывать на берег, и они могут это сделать, только обнаруживая себя. Полагаю, это произойдёт в ближайшие два года. И я не думаю, что в данной геополитической ситуации реален уличный демонтаж власти. Повторяю, что там, где говорят, что это якобы было, этого не было. Саддама Хусейна свергли американским военным вторжением. О Румынии я уже рассказывал. И то, что Лукашенко будет висеть на площади рядом с памятником Ленину, я не считаю реалистическим вариантом.

Т.Щ.: Круглый стол, о котором Вы говорили как о реалистическом варианте, – неизбежно ли в нём участие Москвы?

П.Т.: Да, думаю, более однозначно, чем присутствие Европейского Союза. Что возможно, но это не совсем его геополитическая зона. И, насколько я понимаю, сам Евросоюз не очень хочет расширения своей геополитической зоны. По всему видно, что вестернизация происходит тогда, когда Европейский Союз чётко тебе скажет: мы тебя принимаем, если ты принимаешь наши условия. Но если он говорит (и это видно на примере Украины), что мы тебя не принимаем, тогда заставлять местные элиты принимать европейские правила игры нереально. На Украине Янукович повернулся к России – и не потому, что там газ и экономические интересы. Просто было понятно, что их в Европу не пускают. Демонтажа предприятий (то, что состоялось в Словакии, Чехии, Венгрии) украинцы не хотят и не могут этого делать, соответственно, они должны как-то договариваться, но европейского будущего у них нет. Путь в Европу – в том, что ты будешь, как Польша, как Литва, членом Евросоюза. Однако в обозримом будущем в Евросоюз никого не пустят. Демократическую страну или недемократическую – никого. Какая же может быть тогда европейская инициатива? Разве что в культурном плане. Беларусь пустили в «Восточное партнёрство». «Восточное партнёрство» и придумано для того, чтобы не пустить входящие в него страны в Евросоюз, это замена Евросоюза. Никто не собирается принимать эти страны в европейскую семью. У Евросоюза свои интересы. Можно говорить о чём угодно, но геополитические интересы я вижу очень чётко.

И я не думаю, с другой стороны, что те западные структуры, которые участвуют в финансировании гражданских инициатив в Беларуси, заинтересованы в конфронтации с Россией: в том духе, что мы хотим отвоевать эту территорию у Москвы, и вот мы пустим их в Европу, и тогда границы НАТО будут под Смоленском. В ближайшем будущем таких приоритетов нет.

ФИЛОСОФИЯ И ТЕКУЩЕЕ: ЗАМЕТКА О СОБЫТИИ

Николай Семёнов[1]

Abstract

The focus of this small philosophical essay is on the question whether it is possible to call December, 19 an *event*? Describing structural (ontologic) characteristics of an event, the author underlines that no tectonic shift (which would be the main indicator of the proper event) occurred in national consciousness. In the essay the author also raises the question of the necessity of transcendent – along with empirical – look at the reality that would allow to reveal aprioristic conditions of socio-political life, including its elements such as power, opposition, democracy.

Keywords: event, reflexing observer, a priori, power, opposition, atmosphere of sociability.

Я думаю, человек измеряется тремя мерами: силой его мысли – силой его характера – силой его любви. Добавим, впрочем, и четвёртую – силу его веры. А где же тут гражданские добродетели? Воля и справедливость? Забота об общем благе? Служение отечеству? Надо полагать, они так или иначе связаны с теми мерами, о которых мы только что упомянули. Но общество – и в особенности общество современное, – как и весь мир, пребывает в состоянии текучести. Мир уже не столько жёстко структурирован, сколько пластичен, всё больше освобождаясь от заборов, преград и границ. И поскольку для его описания уже не подходят такие ставшие, в общем-то, привычными понятия, как «информационное общество» или «общество сетевое», «глобализация» и т. п., то возникают и потребность, и необходимость в переосмыслении когнитивных границ самого этого описания. Обо всём этом подробно пишет Зигмунт Бауман в своей книге *Текучая современность* (СПб., 2008). Следовательно, гераклитовское *«панта рей»* сохраняет всю свою мощь и актуальность. Поспевает ли мысль за этой текучестью? успевает ли реагировать на неё? Текущие события и наша рефлексия – либо отсутствие таковой. Осмысленность сообщает жизни новое онтологическое качество. Поэтому нелишне напомнить древний, ещё сократовский императив: недостойна человека неосмысленная жизнь. – Итак, философия и текущее; всё та же тема философии становления (а не тождества), Иного (а

[1] Николай Семёнов – кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения Института теологии имени святых Кирилла и Мефодия при БГУ (г. Минск, Беларусь).

не того же самого). И вот из текущего коснёмся теперь события 19 декабря 2010 г. Но было ли это событием?

<u>Мыслить кожей и мыслить головой</u>. – Мыслить кожей, то есть всей беззащитностью, уязвимостью собственного тела, подставленного под удар. Это глубоко запрятанное мышление – или даже пред-мышление, ибо человеческое тело – мыслит. Не только *res extensa*, но и *res cogitans*. Свидетельства этого мышления иного рода, они телесны, они говорят языком ран и связаны с болью и/или наслаждением. Не аналитическое, не синтетическое, а кинестетическое мышление; и оно не может внимать наставлениям и указаниям «абстрактного мышления». Но в этом заключается и его слабость. Оно говорит: прежде чем утверждать, отрицать и учить, иди и испытай на собственной шкуре. – Итак, да, мыслить кожей, т. е. всем нашим телом, ибо человеческое тело – умное тело. И нет – мыслить прежде всего головой, а не руками, сердцем или ещё каким-нибудь органом. Это телесно-кожное, витальное мышление, столь чуткое к ближайшей среде, лишено, однако, зоркости в отношении дали. Оно не может быть стратегическим. Но где событийность, события, там и стратегия, а где только акции, там достаточно тактики. К витальному мышлению способны все, но головой, к сожалению, сегодня, как и вчера, хотят и способны мыслить далеко не все. Поэтому мы не принимаем упрёка, выражаемого известными словами: «ты там не был, ты этого не испытал, ты не знаешь». Сила, могущество и власть мысли в том и состоят, чтобы (по)знать то, где мы никогда не были и даже в принципе быть не можем. Мысль преодолевает простую вовлечённость и противостоит её непосредственности. Она способна к четвероякому движению регрессии, прогрессии, агрессии и трансгрессии. Таким образом, она пронизывает все временн*ы*е модусы, она проникает и во временное, и во вневременное. Поскольку же и это последнее, то она видит, способна видеть то, что телесными очами невидимо. Чего нам не хватает, так это подобного мышления. А в харизматической витальности вы, ребята, проигрываете. Так выиграйте хотя бы в рефлексивной и аналитической мощи.

<u>Что такое событие</u>. – Но что такое событие? где есть событие? что его удостоверяет в качестве такового? Дадим по меньшей мере двоякое определение: это высокая интенсивность бытия и, в силу этой интенсивности, это также сдвиг. Отсюда вопрос: произошёл ли в силу известных событий 19 декабря сдвиг национального сознания? Если нет, тогда и события не было, ибо не всякий акт (даже если это протестный акт, хотя и не дотягивающий до революционного) есть событие. При этом дело удостоверения события есть его собственное дело; т. е. событие обладает самодостоверностью. Это не экзистенциальный акт; напротив, скорее последний становится возможным через причастность событию. Его онтологический аспект парадоксален, поскольку событие, с одной стороны, совмещает в себе сингулярность и тотальность, а с другой – личностное измерение и общезначимость. Его динамический аспект говорит

нам о том, что происходит некий тектонический сдвиг в национальном сознании. Можем ли мы, выдавая желаемое за действительное, сказать, что такой сдвиг произошёл? Честно говоря, вряд ли. Событие – и, значит, участие, причастность, вовлечённость, призванность, напряжённость, ответственность. Событие прорывает границы прежнего, устоявшегося; освобождающая мощь события. Событие держит тебя в своей власти, включает в собственную границу, собственный горизонт; обязывающая сила события. Ты обретаешь новую свободу – но вместе с нею и новую ответственность. Если событие было, то каковы его скрытые условия? Если события не было, то чт*о* было? Акт сопротивления – говорит одна сторона; акт провокации – утверждает другая. Свидетельства: подозрительная суета властей и какое-то «протестно-жертвенное претерпевание» оппозиционеров. Но здесь стоит упомянуть ещё о двух сторонах конфликта.

Третья и четвёртая стороны. – Кто же они, эти третья и четвёртая стороны? Да не кто иные, как обычные обыватели и рефлексирующие наблюдатели (вроде меня). Спрашивается: в чём заключалась их роль? – Где незримо и молчаливо, но соприсутствует эта третья сторона, появляются как минимум блуждающие смыслы – и тот фон обыденности и рутины, который способен очень быстро сгладить что угодно. Но поскольку он пассивен, на нём-то и разворачивается вовсю обличительно-пропагандистская кампания власти. Безмолвное, равнодушное и незримое присутствие этой третьей стороны на деле является одной из важнейших опор власти. Но есть ещё и пятая сторона; впрочем, мы о ней умолчим. Что касается рефлексирующих наблюдателей, то их своеобразное и, можно даже сказать, виртуальное соприсутствие позволяет увидеть изнанку происходящего, которую не видят непосредственные участники. Внешние наблюдатели – свидетели особого рода; среди клановых, партийных, классовых, идеологических, религиозных и т. д. пристрастий они могут быть относительно беспристрастны. И вообще, то, что каким-то образом и кем-то не наблюдалось, как бы не существовало и не существует. В этом смысле (его, конечно, надо было бы уточнить) наблюдение не является всего лишь познавательным актом, в нём соприсутствует нечто «онтологическое». Прежде всего удостоверяется со-бытие кого-то и чего-то. Не наблюдаемо в принципе – следовательно, не существует (по крайней мере, не существует эмпирически). И сам акт наблюдения добавляет нечто «прибавочное» к наблюдаемому. Красавица, которую никто не видит, её изящные жесты, её роскошные формы и соблазнительные позы – это одно; но та же красавица, которую мы имеем возможность наблюдать (с вожделением, благоговением или эстетическим удовольствием) – это другое. Собственно, на этом построен весь шоу-бизнес – и современная политика тоже. Наблюдение и критикует, и представляет, и сообщает, и сохраняет. Можно сказать и так: оправдание рефлексирующего наблюдателя только в одном – он свидетельствует то, что другие не свидетельствуют. Его

задача (если перефразировать Беккета) в том, чтобы довести социальную незримость до того, что она сама станет вещной – и тогда её можно увидеть и показать. И ещё к этому рефлексирующему наблюдению я применил бы слова Ива Бонфуа о художнике:

> «Художнику необходим другой, более высокий уровень сознательности, тот беспощадный интеллектуализм, который чаще всего – тайный знак предначертанной боли»[2].

Можно, конечно, негодовать по поводу «пустопорожних интеллектуалов», якобы всё превращающих в игрушку своих умственных упражнений. Мы же хотим подчеркнуть упрямую реальность мысли – и напомнить о том зиянии, не заполняемом эмпирической реальностью, которое образовано как раз отсутствием или немощью мысли. Поэтому – буквально несколько слов об эмпирическом и трансцендентальном взглядах на реальность.

Эмпирический и трансцендентальный взгляды. – В отличие от эмпирического, трансцендентальный взгляд обращает внимание не на вещи, предметность, событийность, а на условия самой их возможности – поскольку эти условия должны быть априорными. Что ж, в социальном мире есть свои «априори» (конечно, неабсолютные в метафизическом смысле). В том-то и дело, что социальные «априори» у власти и для власти не те же самые, что и у оппозиции и для оппозиции; равным образом и наоборот. Значит, на этом «трансцендентальном» уровне (т. е. уже на нём, предваряя эмпирическое столкновение) обозначается противоположность разных социальностей – и, кажется, примирить их в этом виде нельзя, невозможно. Однако это означало бы фатальный раскол общества. И если уж и та, и другая стороны говорят о «демократии» (понимая её по-разному), то следует заметить, что у подлинной демократии тоже есть некие позитивные априори, априорные условия. Мы полагаем, что одним из них (и именно тем, которое следует отнести к безусловному – а значит, оно должно быть закреплено в Конституции, и никакие организованные референдумы не могут на него посягать) является то, что один и тот же человек – какими бы выдающимися качествами он ни обладал – не может бесконечно стоять у власти; не может быть несменяемым и «незаменимым». Два срока – и хватит; займись другими делами. Обладание властью – вещь опасная, а если эта власть практически не контролируется общественностью (которая сама контролируется властью), то и сверхопасная. Государство – системная организация, и оно не может, не должно зависеть от воли и настроений одного человека. Когда он властвует десять, пятнадцать, а то и тридцать, сорок лет, это ненормально. Это наносит ущерб и государству (оно достаточно быстро деградирует к авторитарному, патерналистскому типу, при котором всегда процветает угодничество, интриганство,

---

2 Бонфуа И. *Пространство другими словами: французские поэты XX века об образе в искусстве* / Сост., перев., примеч. и предисл. Б.В. Дубина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. С. 186.

коррупция и незаконные привилегии), и гражданскому сознанию (где расцветает и культивируется раболепие), и политике (которая тоже выстраивается соответствующим образом). Человек, который всеми силами и любой ценой цепляется за власть, вызывает в нас не восхищение, а прямо обратное чувство. Это цепляние (показательный пример – то, что происходит сейчас в ряде стран Африки) говорит лишь о том, что без власти такой человек сам по себе – ничто; только власть придаёт ему значимость и некое величие. Что же касается оппозиции с её часто прямолинейными действиями, ей следовало бы задуматься хотя бы над этой фразой А. Мишо:

> «Книги читать скучно. Отклоняться запрещено. Ползи по тексту. Путь проложен, другого нет. То ли дело – картина; всё открыто и разом … Какой там маршрут! Их тысячи. Где остановиться? Выбирай сам … Вот где надо учиться читать»[3].

Читать тексты – нет, картины политических событий. Власть не безобидна; обладание ею имеет свои последствия для человека, любого человека. И хорошо известно, что «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно».

Закономерные парадоксы. – Есть парадоксы неожиданные, их трудно предусмотреть, но есть и парадоксы закономерные, связанные с логикой действий противоборствующих сторон. Власть не хотела (такого развития дел), но воспользовалась (им). Она, таким образом, двойственна. О чём это говорит? – Лукавство власти. Оппозиция хотела, но не воспользовалась. Почему и о чём это говорит? – Потому что слаба и не организована должным образом; и потому что не трансгрессивна. Поэтому ни та, ни другая стороны не были свободны – хотя первая говорила об «ответственности», а вторая – именно о свободе. Таковы их иллюзии о самих себе. Забавно, но каждая из сторон работает против того, к чему стремится и чего хочет. Бесконечными пропагандистскими обличениями и осуждениями власть как раз и превращает саму акцию в событие, хотя и с негативным характером. В то же время наивный пафос и витальное возмущение, заявляющие и предъявляющие «истинный смысл» происшедшего, никак не дотягивают до самой событийности акции. Антиномия такова: каждая из сторон в собственном сознании находилась в согласии с самою собой – и каждая из сторон в собственных действиях не находилась в согласии с самою собой. И каждая не может понять того, что «ведь неприятель – это ещё и раскрепощение, сбрасывание цепей, выход, взлёт»[4]. Можно, однако, сказать ещё о своеобразном эстетическом и вместе с тем политическом жесте власти, посредством которого оппозиция фактически изымается из социально-политической реальности ради самого изъятия, так что отныне черпает своё значение только в факте этой своей отрезанности от социально значи-

---

3 Цит. по: Бонфуа, указ. соч., с. 64.
4 Там же.

мого окружающего. Что ж, она тоже попыталась осуществить свой эстетически-политический жест – и спор может идти о том, удался он или нет. Она относится к этой власти в форме её отрицания – домогаясь власти, то есть относясь к ней как таковой в форме признания. И потому она сегодня у нас не способна к настоящему анатомированию власти – и притом страстно желает, так сказать, нарастить свой вес. С другой стороны, государство (не в своей политической тактике и стратегии, а в самой своей «государственной экзистенции») непредсказуемо, если у него – у государственной власти – нет никакого противовеса.

Атмосфера общительности. – Её-то нам и не хватает. Атмосфера общительности – как её достичь? Как она вообще возникает – или обустраивается? Ибо, по словам Мишеля Деги, она «и есть место суждения, главная инстанция, выносящая решение об истине и реальности, заместившая Страшный суд и любых преторов, древних и новых»[5]. А новые – это кто? Как раз – наши политики, политические комментаторы, чиновники, официальные лица. Теперь они устраивают нам «Страшный суд» и монополизируют «атмосферу общительности», расчерчивая её сетью предписаний и скучнейших квадратов; и не вздумайте, впав в «неуместность, непристойность и некорректность», нарушить их чётко очерченные, но умалчиваемые границы. Поэтому в этой масс-медийной трескотне об «успешности» и «позитивности» мы должны ощутить тоску по открытой во все стороны атмосфере общительности, которой можно наслаждаться, даже не замечая её, ибо она стала привычной, как свежий ветер в середине весны. Но сначала это предполагает борьбу за новую условность (а это всегда то, что меняет отношения между образом и миром); борьбу, которая не может не быть довольно-таки жёсткой, за новые условности, не принадлежащие ни квазисоветскому, ни авторитарному, ни аморфно либеральному, ни национал-патриотическому стилю жизни и политики.

---

5 Бонфуа, указ. соч., с. 299.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЭСТЕТИКА АНТИКОММУНИЗМА

Андрей Горных[1]

Abstract

In the article the author reflects on the vocation of the intellectuals as a specific social group in the East-European historical context. The polemical thrust of the reflection is to outline possible forms of collective project of a new city class in its opposition to authoritarian Belarusian regime as well as anti-communist essence of the latter.

Keywords: intellectuals, art, communist idea, representation, medialization.

Развитие отношений белорусского общества с политическим режимом условно можно разделить на два этапа. В течение двух первых конституционных сроков президента Республики Беларусь политическая жизнь по существу сводилась к конфликтам Лукашенко и оппозиции, под знамёнами национализма разогревавшей недовольство режимом вплоть до лобовых атак на власть. Белорусский телевизионный агитпроп регулярно освежал в памяти рядового избирателя картинки переворачивания демонстрантами милицейских машин на проспекте Скорины, националистов, вступающих в организованное силовое противостояние с милицией в первых рядах протестных колонн, или молодёжи, беспорядочно забрасывающей ОМОН камнями. Большая часть населения присутствовала скорее в качестве зрителя в этом театре политических действий, выдерживая ироническую дистанцию как от популистского президента с его нелепым бюрократическим аппаратом, так и от националистического тель-келизма БНФ, фиксированного на требовании окончательного решения лингвистического вопроса. Очень точным барометром этой третьей позиции конца 1990-х – первой половины 2000-х выступала, например, *Белорусская газета*.

Положение начало меняться на этапе третьего срока президента, когда полуфольклорная фигура Батьки быстро стиралась, оставляя травматический послеобраз узурпации и тирании. Феномен *Площади* 2006 года явился поворотным пунктом – на улицы вышли «иронизирующие зрители» политического спектакля прошлого десятилетия. В каких социологических терминах описать этот новый политиче-

---

[1] Андрей Горных – кандидат философских наук, профессор департамента медиа и коммуникации Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

ский субъект? Средний класс – слишком широкая (и достаточно инертная среда, чтобы рисковать за идеи пусть относительным, но благосостоянием); студенчество, молодёжь – слишком узкие категории. Креативный класс – понятие скорее постмодернистской экономики, чем белорусских социальных реалий. Не является ли эта новая сила формой возвращения *хорошо* забытых традиций интеллигенции – класса образованных, профессиональных людей, ещё не обременённых серьёзной частной собственностью, способных воспринять власть как личное оскорбление и самоорганизоваться в устойчивые гражданские сообщества.

В отличие от сложившегося в другую историческую эпоху европейского городского класса («буржуа»), отечественная интеллигенция (со времен российской империи) играла роль специфического посредника между европейской цивилизацией нового времени и имперскими формами организации социальной жизни к востоку от Европы (существовала даже точка зрения, что интеллигенция как особый социальный класс существовала, главным образом, в России и Турции)[2]. Её социальной миссией было представление европейских ценностей для противоположных сторон параевропейского общества – авторитарной власти и «молчаливого» сельского большинства. Существенным признаком интеллигенции являлась её медиативная функция между властью и народом, находившимися друг с другом в отношении тлеющей или вспыхивающей гражданской войны.

Интеллигенция пуста, как Пушкин. Самые тонкие наблюдения о Пушкине – от замечаний Достоевского о «всемирной отзывчивости» Пушкина до афористического «пустота – содержимое Пушкина» Андрея Синявского (*Прогулки с Пушкиным*) – объединяет тревожное восхищение перед его способностью с лёгкостью вместить в себя совершенно различные содержания (лирические, гражданские, романтические, цинические) и придать им любую форму (эпиграммы, поэмы, сказки, рассказа). Выступая чистым медиумом между литературными формами и историческим бытом, франкофонный Пушкин стал не только «отцом» современной русской словесности, но и универсальным «переводчиком» между различными слоями общества. В феномене Пушкина содержится шифр отечественной интеллигенции, которая, не разговаривая ни на языке власти, ни на языке народа (не живя жизнью ни власти, ни народа), с переменным успехом культивировала способность к разговору между ними, предоставляя себя как «пустое вместилище» их возможной встречи. Народ и власть как трансцендентальные сущности очерчивали границы воображаемого мира интеллигента, делая его фигуру несводимой к категориям среднего класса или городского профессионала. При этом интеллигенция образовывала нечто вроде мобильных городских

2 См.: *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции* (1909), открывающие традицию систематической рефлексии об исторической роли и социальном статусе отечественной интеллигенции.

общин в огромных необитаемых пространствах между Дворцом и Деревней. И залогом эффективности функции медиатора являлась внутренняя солидарность интеллигенции как некой синтетической корпорации, основанной на единстве профессиональных, идейных и вкусовых критериев.

После революции 1917 года отечественная интеллигенция как тонкий слой городского населения прежде всего начала выступать компенсаторным эффектом ускоренной урбанизации в СССР (особенно в Беларуси во второй половине XX века). Классический европейский город XVII–XVIII вв. представлял собой гражданскую общину, в которой, в отличие от сельской общины, человек не был опутан сетями личной зависимости и обладал профессиональной и социальной мобильностью, но ещё не жил в анонимной среде чужаков больших городов модерна. На протяжении нескольких поколений европейский горожанин был включён в устойчивые сообщества – религиозные, профессиональные, соседские. Это определяло его репутацию, ценность его «имени» в качестве существенного фактора экономической жизни. Этот культурный слой не успевал сформироваться в условиях советской «догоняющей» модернизации. Оторванные от традиционалистских устоев вчерашние деревенские жители обустраивали своё личное хозяйство в городе на индивидуалистический лад – выращивали в городских квартирах поросят, обзаводились квазикровной системой «блата» и т. п., – превращаясь в советских мещан, которые конкурировали друг с другом в практиках мелкого накопительства, не сдерживаемых европейскими кодами цивилизованности. Советская государственная идеология примата общественного интереса над частным превратилась в гиперболизированную до абсурда пародию на европейские ценности. Культ абстрактного общенародного интереса вместо культуры групповых интересов конкретных сообществ превратился в важнейший момент идеологического обеспечения тоталитарного политического режима. Реакцией белорусской интеллигенции на разложение советского проекта и альтернативные антимодернистские проекты (возвращения к патриархальному традиционализму, национализму) стал фактический самороспуск, дистанцирование от публичной жизни и замыкание в личных профессиональных проектах.

В первое десятилетие президентства Лукашенко политическая жизнь в Беларуси постепенно превращалась в медиа-феномен. Вывод основных сфер экономической жизни из зоны общественного контроля сопровождался своеобразной «эстетизацией политики». В отличие от Украины и даже России, здесь имела место не просто жёсткая борьба за монополизацию контроля над финансовыми потоками, но систематическое вытеснение всего «неформатного» из культурного поля. Философы, литераторы, художники, музыканты по очереди становились объектами исключения для белорусских властей. Изгнание из Беларуси целого университета (Европейского гуманитарного) в 2004 году явилось одним из самых

заметных симптомов новой ситуации. Власть, открыто бросающая вызов обществу, навязывающая ему себя в качестве несменяемой, начала насаждать с помощью медиа также и определённый *Стиль* – популярное зрелище, рассчитанное на приватное визуальное удовольствие «простого человека». Происходило взаимопроникновение политической идеологии (как формы реализации экономических интересов правящей группы) и телевизионной эстетики (как формы получения удовольствия индивидом от собственного отчуждения). Власть стала «мягко» принуждать к наслаждению от собственного зрелища, коррумпируя и разобщая своих граждан как телезрителей.

Это спровоцировало возвращение вытесненного, традиций советской творческой интеллигенции (нонконформистской по определению), «классовым» признаком которой были, согласно классической фразе того же Синявского, «стилистические расхождения» с советской властью. В этой точке *неприятия режима как Стиля* вошли в резонанс протестные настроения различных поколений. Прежние – частичные и бессистемные – формы политического и экономического протеста на *Площади 2006* вышли на качественно новый уровень. Даже незатронутые прямыми политическими или экономическими репрессиями люди стали воспринимать власть как личное оскорбление. Формирование новой интеллигенции Беларуси связывалось с ощущением того, что в условиях крайней девальвации политических отношений в обществе и превращения граждан в телезрителей восстановление европейских практик общественного диалога, групповой солидарности, института репутации само по себе обретает политическую действенность.

Принципиально важно понять, что белорусский режим – прежде всего режим *анти*коммунистический. Возводящий идею государства в ранг естественного состояния общества. Усматривающий в любом элементе гражданской самоорганизации внешний заговор (вспомним легендарное сталинское «Кто организовал вставание?!» по поводу единодушного спонтанного приветствия залом Ахматовой на её поэтическом вечере). Рассматривающий всех, находящихся вне пределов контроля госаппарата, как более или менее ярко выраженных врагов народа, в конечном счёте стоящих по ту сторону социального вообще. Как не-людей – тварей, крыс, мокриц, трутней и пр. (сталинизм – не будем пренебрегать катарсическим потенциалом парадокса – не просто трагическое азиатское приключение Маркса, а форма антикоммунизма, глубокого неверия в самоорганизующиеся силы общества). Коммунистическая идея – утопический горизонт воображения интеллигенции – уходит корнями в европейский опыт городской общины XVI–XVIII вв. Начиная с *Манифеста Коммунистической партии* тексты Маркса отмечены ностальгией по «независимым городским республикам», «самоуправляющимся ассоциациям в коммуне» и неприятием бюрократического государственного аппарата как «комитета», управляющего капиталом в пользу определённых социальных групп.

Случай белорусского государственного капитализма отягощён низким культурным и образовательным уровнем политической «элиты», откровенно позиционирующей себя как анти-городскую, анти-модерную, и медиализацией власти. Белорусский режим полностью высвобождает дезинтегрирующий общество потенциал телевидения, превращая его в орудие продвижения себя как бренда. С помощью медиа власть вытеснила интеллигенцию как социального посредника. Но, с другой стороны, урбанизация и развитие новых медиа привели к тому, что интеллигентский импульс возродился в среде, которая, *во-первых*, уже не является тонкой социальной прослойкой между властными монополистическими группами и непросвещённым обществом и, *во-вторых*, получила доступ к средствам массовой коммуникации в обход медиа-корпораций. Надежды на будущее могут быть связаны с тем, что новый городской класс Беларуси начинает сам представлять себя, утверждая новую эстетику политической репрезентации.

Раньше я недоумевал по поводу *raison d'être* жанра официальной хроники – из визита в визит, от саммита к саммиту однотипные люди в однотипной одежде обмениваются однотипными общими фразами. Издавали бы спецбюллетень для профессионалов, кто может выловить зерна смысла или перевести на человеческий язык деревянный язык бюрократии. Но потом подумал как минимум об одной причине. Ведь это их жизнь, их политический быт – для всех этих «официальных лиц» политическая хроника есть нечто вроде семейного фото, на котором они видят гораздо больше внешнего наблюдателя. Президент в основном общается с другими президентами и представителями различных «сил», которые политически значимы. Современная политика – это нечто вроде закрытого акционерного общества, клуба активных игроков в реальной политике. Народ – миноритарный «акционер», временный и второстепенный игрок. Но с его помощью в отдельные моменты более слабый может одолеть сильного. Президент, особенно такой «реальный» политик, как Лукашенко, опутан сетью корпоративных и личных отношений с региональными и международными игроками, которыми задаётся его политическое воображаемое. Он искренне негодует по поводу граждан Беларуси, выходящих на площадь, которые таким образом усиливают его конкретных противников, «не понимая, что творят». Реальность политика – реальность его партийно-личностных конфликтов. Народ – средство для того, чтобы обыграть соперника. Народ сам по себе не является антагонистом или протагонистом во властном воображении. Он как пистолет в кинодраке, за который ожесточённо борются хороший парень и плохой парень, попеременно вцепляясь в него и выпуская из рук. Ничего личного к народу у популярного политика нет, как у поп-звезды – к очередному собранному стадиону. Есть закрытый социальный клуб, тусовка, элита, внутри которой он реально живёт и борется за символический и реальный капитал.

Роль народа (электората, целевой аудитории) на самом деле сводится к амплуа меньшего политического брата. Он может подняться, организоваться, но плодами всё равно воспользуется кто-то из игроков в политическом поле. Можно обуздать широкое гражданское движение, возглавив его, предложив идеологию со смещённым в нужную сторону центром тяжести. Можно запугать или купить лидеров движения. Как минимум, на каком-то этапе возникнет необходимость в механизме репрезентации – выделении из протестной массы делегатов, представителей, придающих уличному протесту статус постоянно действующего социального института. Но как только кто-то на долговременной (тем более профессиональной, тем более высокодоходной) основе берётся представлять интересы других – он сам становится субъектом узкобюрократического интереса, входит в альянсы и вступает в компромиссы с уже существующими властными группами, обеспечивая самовоспроизводство власти.

Не пытаясь вклиниться в псевдотрадиционалистский симбиоз «Лукашенко–электорат» и не будучи коррумпирован неолиберальными ценностями индивидуальной «успешности» (читай: высокооплачиваемого поднадзорного одиночества), новый городской класс может организовать новое пространство общественного диалога, параллельное скомпрометированным механизмам политической и медиа-репрезентации. Радикально депрофессионализируя поле политики и журналистики, он может стать коллективным автором саморепрезентаций.

В этой связи уместно вспомнить детали *Площади 2010*. На пресс-конференции сразу после выборов Лукашенко заявил о том, что на митингующей площади находились почти одни подростки. И обронил тут же, что все лица уже идентифицированы соответствующими службами. Был ли это очередной экспромт президента, призванный придать статус объективного факта слишком очевидной идеологической фантазии? Или на площади власти действительно осуществляли тотальную видеосъемку, позволяющую разложить на лица многотысячное уличное собрание? В любом случае это было открытое запугивание общества относительно перспектив любой гражданской активности: каждого, кто будет в ней замечен, идентифицируют и «возьмут на карандаш», никто не спрячется за спинами лидеров и активистов.

Отсюда возникают новые аспекты проблемы медиализации политики. Речь идёт не просто о том, что события «в реале» используются как информационный повод для генерирования различных медиа-картинок, что «политическое» сегодня осуществляется в форме борьбы визуальных репрезентаций. В этом случае за властью можно признать тактическую победу. Она срежиссировала зрелище, использовав активную часть общества, вышедшую на улицу, в качестве массовки для действия провокаторов, которые и выдали на-гора ключевую телевизионную картинку – навязчиво повторяемые кадры битья стекол официального учреждения

(хрупких и транспарентных границ, отделяющих власть от общества, структурирующих само общество) бессмысленной и беспощадной «толпой».

Можно (и нужно) обсуждать, в какой мере и для кого это произведённое белорусским ТВ/КГБ зрелище «легитимировало» ответную бессмысленную беспощадность властного насилия, чей это был умысел, насколько он был реализован, каковы его стратегические цели. Можно (и нужно) находить новые выразительные средства для описания политического режима, низость и жестокость которого давно не являются открытием. Но уже очевидно, что ограничиваться очередным разоблачением власти (как если бы эти разоблачения не являлись частью «облачения», видимости-реальности самой власти) нельзя. Нужно обсуждать будущее гражданского общества не просто как *Площади*, момента политического *Реального*, которое может демонтировать наличные властные структуры общества, прорвав официальную телевизионную картинку (украинская судьба этой «мечты идиота» слишком на виду). Но как *поиск новых форм публичного коллективного действия, которое имело бы свою стратегию медиализации*.

Ведь на примере нынешней *Площади* мы видели, как при помощи видеотехнологий власть дополняет телевизионное фрагментизирование общества его (дез)организацией, нечто вроде тоталитарного *facebook*. И уже недостаточно оперативно вывешивать на «настоящем» *facebook* (или других ресурсах) фрагменты иного взгляда на события (которые всегда-уже запаздывают по отношению к целостному телевизионному образу события). Нужно противостоять самой логике *facebook* постольку, поскольку она становится принципом функционирования власти, превращающей общество в «фотоархив» индивидуальных досье с «визуальным» типом (пассивная саморепрезентация) ассоциирования между ними. В этом смысле для белорусского режима совершенно избыточно снимать каждого участника гражданских акций (были бы сами социальные сети да хорошие аналитики). Но самим участникам следует научиться «снимать» власть и своё отношение к ней. Режиссировать своё зрелище было бы стратегически важно.

Важными темами для размышлений о перспективных формах такой режиссуры могли бы стать следующие.

- Каким может быть *сценарий* массовой гражданской акции в условиях неэффективности политических партий и лидеров?
- Как превратить участников акции из статистов в креативных деятелей (как минимум, не поддающихся на провокации, как максимум, участвующих в разработке и реализации самого замысла)?
- Как объединить в общую стратегию прямого коллективного действия различные тактические средства, связанные с новыми медиа и социальными сетями?

Концепция «киноглаза» Дзиги Вертова сразу же подсказывает один из возможных сценариев активной самопрезентации нового городского класса.

• Участники акции являются операторами, по возможности, режиссёрами, монтажёрами «прямого политического кино» (о своём видении власти и будущего, своём взаимодействии с властью).

• Параллельно – широкий визкультпросвет: от теоретических семинаров, публицистических круглых столов, форумов по проблемам современной медиа-политики и медиа-эстетики до мастер-классов, мини-фестивалей визуальной антропологии и документалистики, флэш-мобов и пр.

• Сама акция планируется и осуществляется децентрализованно, на основании самоорганизации различных сообществ и понимания общей цели и стилистики акции (что и как снимать, чтобы охватить происходящее как своё *Событие*).

• Результаты оперативно выкладываются в интернет для общего пользования и монтируются (лично или группами). Полученные видеопродукты (клипы с комментариями, интервью, анимацией, официальной хроникой и пр.): а) становятся материалом для виртуального кинофестиваля, комментируются, голосуются самой широкой публикой, б) из лучших фрагментов лучших клипов монтируется один фильм как коллективное высказывание по поводу события (в идеале).

Это позволит:

• *во-первых*, повысить степень солидарности и ответственности людей в больших скоплениях (степень страховки друг друга от произвола и насилия, нейтрализация провокаций и пр.);

• *во-вторых*, создать существенные элементы по-настоящему альтернативной по отношению к телевидению медийной политики;

• *в-третьих*, превратить процесс создания эстетического продукта («форму») в прямое и долгосрочное коллективное действие («содержание»).

Цель – «общий фильм», «прямое политическое кино», – таким образом, призвана стать средством для увеличения количества участников акции (что позволит *фактически* дезавуировать официальные результаты выборов демонстрацией количества несогласных и снимет страх перед уже-невозможным насилием). Этот переход эстетической формы в социальное содержание, в конечном счёте, есть способ практического освоения одного из ключевых европейских кодов – утопического опыта общности дела как самоцели (что является лучшей прививкой против всяких авторитаризмов).

Роль искусства здесь не может быть переоценена. Искусство вообще есть форма, в которой индивид получает доступ к представлению того общего, частью которого является. Того же самого, что изначально открывается в сновидении, в котором перед нашими завороженными глазами инсценируется некая истина нашего существования как символического существа. Архаическая жизнь сновидна («мифологична») – вся реальность представляет собой экран, на который групповой образ жизни проецирует свою форму сосуществования как истину. Искусство возникает тогда,

когда сновидения становится уже недостаточно. Когда возникает зазор между «реальностью» (эгоцентричной областью фантазий) и «сновидением» (измерением коллективных фантазмов) и возникает необходимость в дополнительных способах координации социального контроля и процессов индивидуации.

Искусство как форма «самовыражения» – симптом глубокой социальной фрагментации. Современное искусство – форма индивидуальной реакции на коллективные проекты, в которые существенно вовлечён индивид, но сама включённость от него ускользает. Реальность не отличается от сновидения, например, при групповой охоте в архаическом племени. Категории *«я»* и *«мы»* здесь как два сообщающихся сосуда – единство индивидуального и группового интереса, непосредственно общественная значимость индивидуальных действий (отсутствие частной собственности и разделения труда), ритуальная форма «потребления» продукта (как взаимопричащение всех членов группы-общества). При осуществлении больших коллективных проектов в крупных обществах требуются дополнительные воображаемые формы, в которых индивид может представить себе значимость происходящего. От греческого эпоса до современных романных форм, от *Илиады* до *Войны и мира* совершенствовались техники подобной репрезентации как повествования. Когда общество становится слишком большим, «глобальным» – то есть реальностью, более недоступной воображению, – из него изгоняется тотальность коллективного проекта (война становится спецоперацией, праздник – частью маркетинговой стратегии и пр.), который затрагивает индивидов косвенно через медиа или налоги. Искусство кончается, и мы живём на руинах искусства – то в журнале по интерьеру встречаем чеховские описания творения модного дизайнера, то в социальных сетях сталкиваемся с зощенковскими или булгаковскими комментами, то авторский модернистский стиль вплетается в рекламные сообщения. Но искусство как форма коллективного опыта распалось – его материал растаскивается частями, как из античных храмов камни для индивидуальных построек. С его помощью никто не картографирует себя в социальной тотальности. В этом контексте тезис Вальтера Беньямина о политизации искусства звучит плеоназмом: искусству нужно вернуть себе социальную роль, если оно хочет оставаться искусством, не редуцируясь к функциям дизайна. Гражданские коллективные проекты способны дать этот социальный импульс искусству, которое вернёт обществу способность вообразить себя целостностью помимо примитивных идеологических аппаратов.

Здесь важно не утратить интеллигентский импульс, отторгающий власть как систему, как *Стиль*. Не разбиваться на группы по экономическим интересам типа движения «Стоп-бензин» (что может способствовать, наподобие хлебных бунтов 1977 в Египте, смене власти на более «народную», с которой, в конечном счёте, произойдёт то, что произошло). Обе *Площади* 2006 и 2010 годов

имели место в моменты относительного благосостояния – и в этом их важнейшее значение. Сейчас, когда в связи с «публичными гуляниями» по средам, общественный протест приобретает систематический характер, власть, всё больше напоминая комичных полицейских из фильмов Чарли Чаплина (хватая на улице то едоков мороженного, то хлопающих в ладоши, то вообще людей, идущих не поодиночке[3]), обнажает то, против чего борется белорусский государственный капитализм, – саму идею общественной самоорганизации, антимедийную презентацию группового интереса. Нужно защищать общество перед любой властью, которая в наших широтах принимает вид гремучей смеси традиционализма и постмодерна.

Президент Лукашенко подарил нам мечту – пожить в обществе, в котором не будет президента Лукашенко. И вот здесь, чтобы быть реалистами, можно потребовать невозможного: жить прежде всего в обществе, а не в бюрократизированном и медиализированном государстве. И понимать, что уход Лукашенко сам по себе ничего не решит. Что настоящая борьба – постоянная, негероическая, неблагодарная – за защиту интересов общества перед лицом корпоративных структур – впереди.

---

3 См.: http://www.novayagazeta.ru/data/2011/067/00.html

«19 ДЕКАБРЯ» – ИЗ *НЕ*ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Круглый стол с участием Валентина Акудовича, Павла Барковского, Игоря Бобкова, Максима Жбанков, Андрея Лаврухина, Альмиры Усмановой, Ольги Шпараги, Татьяны Щитцовой (модератор)

Т. Щитцова: Коллеги, все мы знаем, что за три месяца, прошедшие после событий 19 декабря, не было недостатка в публикациях: и белорусских, и региональных, и западных. При этом нельзя не обратить внимания на тот факт, что подавляющее большинство из них носит политологический характер. Поскольку дискурсивная рамка, при всех авторских вариациях, остаётся одной и той же, очень скоро замечаешь, что аналитика движется по кругу, поскольку воспроизводятся одни и те же схемы и аргументы: «между Евросоюзом и Россией», период «показной либерализации», отсутствие внятной (программы у) оппозиции и т. д. и т. п. Даже «сценарии на будущее» быстро стали общим местом (для примера: прогностика, напечатанная в *ARCHE*, повторяет варианты нашего будущего развития, которые были озвучены уже в декабрьском выпуске немецкого журнала *OstEuropa*).

Когда мы заявляли этот спецвыпуск *Топоса*, мы исходили из того, что возможна и необходима иная оптика, иной подход, да просто даже способность ставить *другие* вопросы – из *не*политологической перспективы (при этом, конечно же, не *вместо* политологической; у политологии свои задачи, ни принижать, ни оспаривать которые мы не собирались).

І. Бабкоў: Можа быць, тады з самага пачатку абазначыць гэта як праблему? Вось, наконт паліталагічнага дыскурса. Адна з самых такіх цікавых і дзіўных рэчаў, якія для мяне падчас і пасля падзеяў сталіся відавочнымі, гэта адсутнасць паліталагічнага аналізу. Вельмі многа выказванняў палітычных экспертаў. А ўласна паліталогіі ў гэтых выказваннях я не заўважыў. І таму ў мяне складаецца ўражанне, што не толькі філосафы, інтэлектуалы ўвогуле, але і палітолагі ўзялі паўзу і знаходзяцца ў пэўным канцэптуальным чаканні.

Т. Щитцова: А что ты имеешь в виду под «уласна паліталагічным»?

В. Акудовіч: Я таксама пра гэта хацеў запытацца.

І. Бабкоў: Уласна паліталагічны аналіз – г. зн. калі ёсць думка з перспектывы паліталогіі. Калі не проста абмяркоўваюцца падзеі, сцэнары, мэты, сродкі і вынікі, але задаецца пэўная стратэгічная рамка аналізу, у якой мы думаем і якая дазваляе разумець, што адбываецца. Я б нават

сказаў, што характэрнай асаблівасцю гэтай палітычнай кампаніі было тое, што самі яе ўдзельнікі рабілі па максімуму, каб ніхто нічога не зразумеў. Усё, што лётала вакол кандыдатаў – было прамоцыяй, піярам, палітрэкламай, але практычна ніколі аналітыкай альбо рэфлексіяй. Больш за тое, мы неяк пілі каву з А. Глобусам і выявілі дзіўную рэч: шмат каго адмыслова прасілі не выказвацца падчас спектакля, у тым ліку яго і мяне таксама. Прасілі дачакацца моманту, калі спектакль завершыцца, заслона закрыецца, і тады гаварыце, што хочаце.

В. Акудовіч: А хто гэта вас прасіў?

І. Бабкоў: Гэта былі людзі з апазіцыйных колаў, назавем іх паліттэхнолагамі.

В. Акудовіч: Ну, апазіцыйны свет настолькі стракаты, і калі нехта вас папрасіў устрымацца ад крытычнай аналітыкі, дык з гэтага не вынікае, што так думае ўся палітычная апазіцыя.

І. Бабкоў: Валянцін, я не хацеў бы, каб на гэта збівалася ўвага. Асноўнае, што мяне ўразіла, яшчэ раз паўтару, гэта адсутнасць не толькі філасофскага складніка ў нашым палітспектаклі, але і паліталагічнага таксама. Я б нават узмацніў тэзу і сказаў, што ў гэтым новым раскладзе ўвогуле не засталося мейсца для інтэлектуалаў. І гэта можа быць адна з самых дзіўных і вусцішных характарыстык той новай сітуацыі, у якую мы патрапляем.

Т. Щитцова: Ты имеешь в виду, что есть какое-то фатальное запаздывание?

І. Бабкоў: Не, гэта не спазненне. Больш радыкальна. У тым спектаклі, які выйшаў на паверхню падчас і пасля 19-га, ёсць мейсца для піар-менеджараў, экспертаў, для сцэнарыстаў і аналітыкаў, але не для інтэлектуалаў.

В. Акудовіч: А яго і не магло быць. Толькі з іншых падставаў. Калі спадарыня Таццяна прапаноўвала мне прыняць удзел у гэтым круглым стале, я паспрабаваў ад яго ўхіліцца, бо разумеў, што падзея 19-га снежня без астачы ўпакаваная адно ў палітычны дыскурс. Гэта не *Плошча* 2006 года. Гэта ўсяго толькі чарговы *Марш Свабоды*, прымеркаваны да заканчэння выбараў прэзідэнта… Для мяне *Плошча* была падзеяй, якая выломвалася з палітычнага кантэксту ў самыя розныя і больш высокія дыскурсы. Ігар тут амаль канспіралагічную схему выснаваў, што нейкія цёмныя сілы адсланілі інтэлектуалаў ад аналітыкі таго, што адбылося…

І. Бабкоў: Я гатоў патлумачыць…

В. Акудовіч: Прабачце, я хацеў бы закончыць свой пасаж, бо як на мой розум падзея 19-га пачалася з палітыкі і палітыкай заканцавалася. З гэтага хай палітыкі з палітолагамі ў ёй і корпаюцца. Дзе там была правакацыя ўлады, дзе глупота апазіцыі? І таму наша спроба далучыцца да аналітыкі гэтага масавага дэмаршу нічым іншым не скончыцца акрамя таго, што мы тут сябе выявім ў ролі квазіпалітолагаў.

Т. Щитцова: Валентин, но тогда выходит очень странная и какая-то обескураживающая ситуация. Получается, мы, философы,

собрались здесь и опознаём, что произошло весьма травматичное политическое событие, в отношении которого философское высказывание невозможно. Это ведь странное признание...

В. Акудовіч: Ну чаму. Вось п'яны трактарыст зваліўся на трактары ў яму, зламаў там сабе нешта, пабіў калгасную тэхніку. Гэта вельмі траўматычна і для сям'і, і для калгаса, і для медыцынскай статыстыкі, але дзе тут месца філасафаванню?

О. Шпарага: Это очень утрированно!

А. Усманова: Я, возможно, соглашусь с тем, что было сказано, но мне хотелось бы взглянуть на ситуацию с несколько иной точки зрения. Начну с того, что я не считаю происходившее 19 декабря на площади исключительным Событием, которое заслуживало бы отдельного анализа. По отношению к «белорусскому случаю» меня больше волнует не событийность, а, скорее, континуальность. На мой взгляд, следовало бы рассматривать целую совокупность микрособытий, которые можно каким-то образом ранжировать по степени их значимости. И я предполагаю, что то, что *НЕ* произошло на площади 19 декабря 2010 года, или то, что вообще *НЕ* происходит в принципе, является частью общего контекста. Вопросы о пресловутой толерантности белорусов или особом «пути» Беларуси – это вопросы не к 19-му декабря, а ко всей нашей политической, культурной и экономической жизни. Хотелось бы думать, что если мы отойдём от пресловутой политической экспертизы и вообще политической аналитики, что бы под ней ни понималось, и попробуем задаться вопросами, например, антропологического и социологического характера, тогда, может быть, мы смогли бы приблизиться к ответу на вопрос о том, на чём зиждется наша «стабильность» и ни чем не поколебимая лояльность режиму.

Т. Щитцова: Безусловно, речь не идёт о том, чтобы фиксироваться на одном дне как таковом. Это ясно прописано уже в анонсе нашего номера – в формулировке его задачи и основных вопросов, которые вынесены на обсуждение. «Девятнадцатое декабря» – само это словосочетание выступает здесь скорее как маркер, или символ, событий, которые сплелись в один узел и *принуждают* к новому осмыслению механизмов власти, утвердившихся в нашей стране.

М. Жбанков: Я хотел бы всё-таки вернуться к тому, что Игорь начинал говорить. Мне кажется, мы путаем два сюжета. Первый сюжет – это возможности истолкования некоего происшествия, второй – это вопрос о цене наших разговоров. То есть тут дело, если я понял, даже не в том, есть ли повод для разговора, а в том, что мы можем высказать по этому поводу. И не менее важный вопрос: кому это нужно?

Вот что сейчас мы, люди с философским образованием, с опытом публичной работы, научных исследований, можем сказать, что мы можем прибавить к этому событию, которое, на самом деле, тут я соглашусь с Валентином, является банальным. По поводу чего мы будем высказываться? По поводу того, что власть привычно

идиотична? По поводу того, что власть всё дремлет и не проснётся? По поводу того, что нация движется сразу во все стороны и никак не соберётся во что-то связное? По поводу того, что мы здесь существуем где-то на обочине процесса? Можно об этом говорить, но об этом уже много раз переговорено!

Т. Щитцова: То есть нет никакого изменения ситуации?

М. Жбанков: Я не знаю. Я говорю, может быть, о самооценке в первую очередь. Почему мы с вами считаем, что мы вообще значимы в этой ситуации? Мне кажется, когда Игорь начинал говорить, он говорил как раз об этом. Что интеллектуалов в этой ситуации давно уже вытеснили на обочину. Что мы уже в качестве акторов не присутствуем. Что мы сейчас пытаемся вернуть себе эту активную роль. Мы говорим: «Нет, мы можем!» И мы скажем: нет, мы сделаем. А что, собственно, скажем, что сделаем?

Т. Щитцова: Но можно же обернуть вопрос: почему то, что случилось, значимо для нас? Почему мы считаем необходимым так или иначе высказаться относительно случившегося?

М. Жбанкова: Но это вопрос.

І. Бабкоў: Можна паспрабаваць запытацца, чаму мы як інтэлектуалы не прысутныя і не пачутыя.

Т. Щитцова: Где именно мы не присутствуем?

І. Бабкоў: У публічнай прасторы. Калі браць сітуацыю 19 снежня, дык аказваецца, што ў публічны фармат патрапляе Святлана Алексіевіч са сваім лістом прэзідэнту, выказванні пра культурны генацыд Міхалка, альбо вар'яцкі выхад Курэйчыка з нейкай рады, якую насамрэч ніхто не ведае. І гэта для публічнай прасторы аказваецца значна больш важнымі падзеямі, чым інтэлектуальна выверанып дыягназы, альбо нават нейкія асабістыя праўды, якія мы можам засведчыць. І тады наступнае пытанне, якое мы маглі б задаць: што такое адбылося з публічнай прасторай, што яна сёння трывае толькі пэўны тып актораў і пэўны фармат выказванняў.

А. Лаврухин: Игорь, это означает, что мы ведём речь в такой ситуации, в которой нам уже «нет места». И в этой ситуации есть два выхода. Либо мы это просто констатируем, соглашаясь с тем, что нам нет места, и не претендуя на его создание, либо мы говорим: «нам нет места, но эта ситуация нас не устраивает» – и поэтому есть повод и возможность сказать своё слово, тем самым обозначая свою позицию, пусть даже маргинальную. Я предпочёл бы второе, поскольку иначе мы скатываемся в эскапизм, лишая самих себя возможности возвышения голоса. Другое дело – как именно возвысить голос? Что сказать?

Вот у нас, в нескольких метрах, тюрьма КГБ, там по-прежнему сидят люди, продолжаются допросы. В знак протеста одни люди объявляют голодовки, другие уезжают из страны. Есть ряд действий, реакции на происходящее, и нам важно понимать, как мы выглядим в этом контексте, какой резонанс могут иметь наши речи, слова, соображения. Это может быть запоздалая реакция интеллектуалов, которые сидели, и вдруг до них дошло… И это может

быть такая реакция, которая выходит за пределы публицистики, констатации всего того, что «в очередной раз власть продемонстрировала своё лицо» и т. д. и т. п. Мне кажется, есть два сюжета, которые могли бы привлечь внимание в этой связи. Первое – это университет: что с ним происходило в этот раз? И второе – это диагноз, поставленный самой властью: в своей речи накануне Нового 2001 года президент обратился, собственно, к двум категориям беларусов. Он поздравил сначала тех, кто его поддерживает, то есть большинство и, посвятив им одну речь, потом сделал нарочитую паузу и обратился с совершенно другой речью к меньшинству.

Т. Щитцова: То есть одно из следствий декабрьских событий – это признание раскола...

А. Лаврухин: Да, это была официальная легитимация раскола в обществе. И последний момент. Мне кажется, что при всём том, что ничего принципиально нового, вроде бы, мы не увидели, тем не менее, есть какая-то едва уловимая конвергенция между *Площадью 2006* и *19-м декабря 2010*. Повторение, которое имеет существенные инновации, какие-то качественные подвижки, и есть интуитивное ощущение, что они весьма существенны. Ощущения новизны и изменений витают в воздухе, и мне кажется, интеллектуал, если мы говорим о нем в европейском смысле как о том, кто обладает прогностическим чутьём в отношении событий, определяющих судьбу общества, способен ощущать вот такие едва уловимые признаки и бить тревогу задолго до того, как их симптомы станут очевидны для всех. Может быть, на что-то такое мы как раз и способны? Если это так, то, возможно, есть основания надеяться на интерес и понимание почтенной публики.

О. Шпарага: Я тоже, когда сегодня шла на обсуждение, задумалась, о чём мы будем говорить. Когда эти события происходили, мне показалось, что есть отличия. Потому что если в 2006 году это была *Плошча*, то в этом году для меня символом стало насилие. Интересно, что декабрьский номер журнала *Osteuropa*, посвящённый событиям, которые мы обсуждаем, называется «Власть, насилие, бессилие». И если насилие – это центральная тема, то смысл этих событий в том, что выявилась какая-то новая черта беларусской реальности, которую мы ещё не обсуждали философски. Сегодня же, когда прошло некоторое время и я начала думать, что обсуждать и о чём говорить, для меня вдруг эта тема немножко отошла назад – хотя и не потеряла своего значения.

Другими словами, важнейшие социальные и политические события, участниками которых мы становимся, например выборы 2006-го и 2010-го, до этого – закрытие ЕГУ, имеют свою собственную логику, которую мы как философы можем принимать во внимание или игнорировать её. И эти моменты могут нам подсказать, как вообще с этой реальностью работать. Можно сказать: *это не события, другие вехи были событиями*, или *это новое событие*. Вопрос, следовательно, в том, как философская мысль может относиться к разного рода событиям. То есть само соотнесение фило-

софии с этой событийной логикой интересно и заслуживает внимания. Это один момент.

Второй момент – по поводу того, интересно ли кому-то наше философское высказывание. Так как я – редактор сайта, то вижу, как читают интеллектуальные тексты; я убеждена, и вижу по статистике, по её росту, что философские тексты востребованы. В Беларуси есть запрос на философское высказывание – в кругу писателей или, например, театральной публики. Обращение к анализу тех или иных событий придаёт встрече с нашими читателями дополнительное напряжение, потому что их интересует философская интерпретация того, что они пережили как художники или политические активисты. Даже если мы скажем, что это не событие и произошедшее не заслуживает внимания.

П. Баркоўскі: Я трохі запярэчу таму трэнду, які выказаў Валянцін: што тое, што адбылося 19 снежня, – гэта не здарэнне, што гэта банальныя рэчы. І мы нават сёння можам гэта назіраць: на днях ў Азербайджане адбылося фактычна тое ж, што адбывалася ў Менску. Ну, амаль тое ж самае, з жорсткім збіваннем дэманстрантаў, з затрыманнямі, з усімі падобнымі акалічнасцямі. Але пры ўсім тым, я б сказаў, што для нас цікавая не сама падзея – 19 снежня, колькі тое, якую ланцужковую рэакцыю яна выклікае. І ў гэтым сэнсе, як такая сінергетычная точка біфуркацыі, якая спрычыніла нейкі новы парадак рэчаў, нейкую новую логіку. Хутчэй, нават зрабіла яе больш відавочнай, а не тое, каб яе наўпрост спарадзіла.

Я не ведаю, у якім статусе я сам адсядзеў у ізалятары пасля 19 снежня – інтэлектуала альбо проста грамадзяніна Беларусі, які туды патрапіў за выказванне сваіх ацэнак, меркаванняў… Там у мяне была нагода з іншага боку і падумаць над тым, што адбывалася, і расставіць для сабе нейкія першасныя акцэнты. І мне тады было вельмі цікава па-філасофску паразважаць наконт таго, што тут, у дыскусіі, спрабавалі закрануць, а пасля зусім адкінулі на другі ці трэці план. Па-першае, *сацыяльны складнік гэтай плошчы.* Ніхто, здаецца, не правёў добрага сацыялагічнага даследавання на гэты конт, калі гэта цяпер наогул верагодна зрабіць, але калі браць такі, зразумела, неаб’ектыўны, аднак угрунтаваны ў логіку ўзаемных дачыненняў са знаёмымі прыклад апытання, пачынаеш заўважаць, што мы маем зусім не прагназаваную колькасць выйшаўшых людзей, да таго ж выйшаўшых насуперак логіцы падзеяў, прыкладам (па знаёмых я магу разважаць), на *Плошчы* было адсоткаў мо 80 знаёмага кола інтэлектуалаў. І ў гэтым сэнсе, скажам так, вельмі цікава, а чаму яны выйшлі? Ну што, яны не разумелі вось гэтых банальных паліталагічных раскладаў? Вось гэтай банальнай логікі сістэмы, не разумелі, што нічога гэта не зменіць у нашай банальнай паліталагічнай логіцы? І таксама праз знаёмых даведваешся, што там былі досыць паспяховыя бізнесоўцы, там былі і тыя, каго называюць творчай інтэлігенцыяй, там было і шмат людзей сталага веку, што незвычайна бачыць на розных апазіцыйных мерапрыемствах.

Мне цяжка зараз казаць пра якасны сацыяльны складнік тых, хто прыйшоў, але ўскосна гледзячы, па дадзеных, у тым ліку асабістых назіраннях, ён досыць прынцыпова змяніўся нават з папярэдняй *Плошчы 2006* году. Там ён быў значна больш выразны, і калі ноччу стаялі на марозе людзі, можна было адсоткаў на 70–80 з пэўнасцю сказаць, якія сацыяльныя групы яны прадстаўляюць – пераважна, натуральна, моладзь. Паколькі я сам таксама там быў, я магу аб гэтым сведчыць проста. А тут нейкая змена сацыяльнай сітуацыі, і не зразумела, што матывавала людзей вось на такое ўзрушэнне. Што матывавала на тое, каб удзельнічаць у гэтым здарэнні, якое, канешне, мела сваю логіку, якую падкрэслівалі Камітэт ці іншыя там структуры, якую спрабавалі для сябе акрэсліць апазіцыйныя нейкія арганізацыі. Людзі туды прыйшлі, яны туды ўпісаліся, але чаму яны пайшлі на ўсё гэтае і што яны хацелі там здейсніць – вось гэта, бадай, не прааналізавана.

Па-другое, тое, што пасля адбывалася, можна і варта параўнаць з 2006 годам яшчэ ў іншым аспекце. *Там не было такой маштабнай акцыі салідарнасці з палітзняволенымі.* Былі зняволеныя, бо там пабралі з плошчы ўсіх, хто там стаяў, 200–300 чалавек, але неяк гэта пракацілася досыць сціпла, мала хто адгукнуўся. Пасля быў гэты Марш Волі, дзе былі бойкі і зняволены Казулін, і ўсе гэтыя падзеі перахапілі ўвагу і нейкага грамадскага узрушэння ў бок салідарнасці не было. А гэтым разам можна было назіраць узрушэнне ў тым сэнсе, што шмат людзей (і зноў жа, магу разважаць па знаёмых), добраахвотна далучаліся да валанцёрскіх акцыяў па збіранню пасылак для зняволеных; на офісе БНФ пэўны час не ведалі што рабіць з гэтай гуманітарнай дапамогай, якая цягнулася грамадзянамі. Нават калі і быў нейкі спантанны акт, што адбыўся на плошчы, які звязаны з выйсцем людзей, што можна было б патлумачыць эмацыйным узрушэннем, спробай аднаразова выказаць нейкае сваё «фі!» усёй сітуацыі, – гэта пасля пачало трансфармавацца ў тое галоўнае, што ўлада *пачынае заўважаць.* Гэта тое, што адбываецца зараз... Вось раней казалі: «Так, сітуацыя кепская, але большасць падтрымлівае існую сітуацыю, і мы, інтэлектуалы, або людзі, якія мысляць больш па-еўрапейску, мусім з гэтым пагадзіцца. Гэтае балота, яно заслугоўвае таго, што заслугоўвае. Народ заслугоўвае тую ўладу, якую абірае». А зараз неяк у грамадскіх настроях расчыняецца гэтае адчуванне – таго, што больш за 50% галасуе за існую ўладу. Расчыняецца таксама ўпэўненасць у тым, што агучаныя ў навагодняй прамове меншасць і большасць – гэта не нейкая сімуляцыя, дзе ўсё трэба перакруціць наадварот. І вось гэтая разгубленасць, яна адчуваецца і па дзеяннях улады, і па тае нематываванай жорсткасці, якая дэманструецца… Раней без яе дастаткова добра ўсё ладзілася: досыць было нейкіх кропкавых акцый, каб сітуацыю рэгуляваць. Цяпер гэта такі перманентны тэрор. І гэта таксама, магчыма, мала прааналізаваная тэма.

Я не ведаю, наколькі ўсё гэта можа быць філасофскі, сацыялагічна, магчыма і паліталагічна прааналізавана. Я проста

кажу пра тое, што пры ўсім нашым усведамленні гіпербанальнасці сітуацыі – таго, што, сапраўды, ва ўсім свеце нешта падобнае адбываецца ўвесь час, і на Беларусі гэта, здаецца, чарговая палітычная акцыя, чарговы разгон, адно трохі большая колькасць зняволеных, чым звычайна, але бывала і такое, – пры ўсёй гэтай гіпербанальнасці мы ўсе з іншага боку адчуваем (і не толькі праз крызіс эканомікі, які ўжо пачынае рабіцца відавочным), што *сітуацыя неяк якасна змянілася*.

І. Бабкоў: Мне здаецца ёсць сэнс звярнуцца да некаторых агульных схемаў і канцэптаў, якія дазваляюць нам іншае разуменне сітуацыі. Але першае, што я хацеў бы сказаць, – у адрозненне ад Валянціна, для мяне падзея 19 снежня стала падзеяй менавіта інтэлектуальна насычанай. І я патлумачу чаму. З аднаго боку, гэта працяг асноўнай структуры альбо схемы, у якую патрапіла грамадства недзе ад пачатку 1990-х. І якую можна было б назваць супрацьстаяннем альбо барыкадай. І тут першая тэза. Беларускае грамадства не проста падзелена гэтым супрацьстаяннем, а творыцца і паўстае ў выніку як асноўны яго прадукт. Беларуская нацыя – гэта тое, што нараджаецца ў грамадзянскай вайне. І таму вайна, сутыкненне, барыкада з'яўляюцца таксама і пазітыўным момантам, тым, што злучае, а не толькі тым, што падзяляе і руйнуе.

Калісьці, у другой палове 1990-х, ў *Фрагмэнтах* мы спрабавалі абазначыць структуру гэтай барыкады: хто з кім змагаецца і на якіх канцэптуальных пазіцыях стаіць. І тады ў Баярына паўсталі вельмі цікавыя развагі пра постмадэрную дыктатуру і мадэрны супраціў. Ён звярнуў увагу на тое, што беларускі супратыў актыўна карыстаецца метанаратывамі, і што дыскурс свабоды, дэмакратыі і правоў чалавека, у які мы звычайна патрапляем як у нешта натуральнае, насамрэч мае сэнс толькі таму, што за ім стаіць цывілізацыя Захаду як нешта вялікае і легітымнае. У той час як дыктатура абапіраецца хутчэй на дэканструкцыю, яна паказвае ўвесь час, што за гэтым дыскурсам, за гэтымі метанаратывамі стаяць канкрэтныя актары і іх эканамічныя інтарэсы. Баярын тады спрабаваў паказаць, што пры такім раскладзе ніякай перамогі не будзе. Ні ў кога. І не толькі таму, што перамагчы постмадэрную дыктатуру з дапамогай вялікіх наратываў немагчыма. Але і таму, што гэтая структура хутчэй ўзаемададатковая, чым канфліктная.

Што рэальна адбылося ўзімку, дык гэта змена актораў з аднаго боку барыкады. Па сутнасці былі адсунуты ўбок класічныя палітычныя партыі, старыя палітычныя суб'ектнасці, і на першы план выйшлі каманды наёмнікаў. І яны ладзілі свой спектакль гэтак жа сама, на тых жа самых прынцыпах, што і рэжым. Структура палітычнага сутыкнення змянілася. Цяпер мы маем постмадэрнае з абодвух бакоў барыкады. Вось чаму інтэлектуалаў у гэтай кампаніі прасілі не выказвацца, і чаму ў ёй ім няма мейсца. Таму што калі пры змаганні мадэрнага і постмадэрнага яшчэ было мейсца для размовы пра эйдасы, дык у тым палітычным спектаклі, які адбываўся цягам апошніх год, гэтага мейсца ўжо не засталося. Гэтаму тыпу

спектакля патрэбныя капірайтары і паліттэхнолагі, а не мысляры і аналітыкі.

Снежаньскія выбары былі першымі, калі я і большасць маіх сяброў не пайшлі галасаваць. Такога я не мог сабе ўявіць у дзевяностыя. На пытанне чаму, што адбылося, я б адказаў коратка і метафарычна: прыйшоў Гі Дэбор са сваім «спектаклем». І таму асноўная праблема для нас – у нас саміх: якая можа быць роля і мейсца інтэлектуалаў у сітуацыі, калі *спектакль становіцца татальным*. І калі ў гэтым сэнсе няма розніцы паміж апазіцыяй і ўладай. Мне здаецца, што гэта самае важнае, пра што мы мусім думаць.

Т. Щитцова: Уже один тот факт, что у всех нас чрезвычайно разные оценки произошедшего, сам по себе весьма любопытен. Я не разделяю позицию Валентина. Мне представляется, что философская перспектива чрезвычайно востребована в актуальной аналитике декабрьских событий. Мы уже отмечали преобладание политологического дискурса. Анализируются соответствующие стратегии и тактики, взвешиваются самые разные факты, из этого выводятся разные сценарии, просчитываются ошибки. Философское высказывание, если оно получается, располагается перпендикулярно к этому измерению, поскольку философия притязает на то, чтобы в логически объяснённом и просчитанном вскрыть некую небанальную структуру, которая делает банальное небанальным.

В этой связи я хотела бы обратить внимание на один из тезисов Павла: о невозможности вписать произошедшее в какую-то логическую рамку. Политологический анализ пытается ввести логические схемы, которые позволят объяснить произошедшее и выстроить определённую прогностику. Логика и прагматика – вот два ключевых слова для политологического анализа. Нужна смена перспективы, чтобы осмыслить тот избыток, ту алогичность и непрогнозируемость, которые были свойственны событиям 19 декабря. Вслед за Павлом я могу сказать, что в декабрьском шествии меня чрезвычайно впечатлила разнопоколенчатость и социальная разностатусность людей, которые там были. Многие приходили целыми семьями.

И по поводу насилия. Ведь насилие – это ответ. В данном случае это был ответ как раз на непредсказуемый (алогический) всплеск, который лежал в сердцевине протестного марша. Сегодня уже звучало, что не было ни лидера, за которым бы шли, ни партии, которую бы поддерживали. То, что произошло 19 декабря, в этом был элемент непрогнозируемой избыточности. Люди вышли, несмотря на то что не было никакой продуманной тактики действий, никакой организации, никакого сценария.

І. Бабкоў: Калі параўноўваць тых, хто выйшаў на плошчу ў снежні, з удзельнікамі ранейшых пратэстаў, дык на мой погляд, упершыню большасць выйшла не адстойваць свае інтарэсы, свае палітычныя погляды, яны выйшлі паўдзельнічаць у спектаклі. І ў гэтым сэнсе людзі не былі гатовыя да гвалту. Гвалт – гэта вяртанне ў рэальнасць. І таму шок быў такі вялікі. Я бачыў здымкі і відэа, дзе людзі замест

таго, каб змагацца альбо ўцякаць, спакойна шпацыравалі перад АМАПам… Яны былі абсалютна непадрыхтаванымі.

Т. Щитцова: Это мог быть пассивный протест. В любом случае, утверждение, что люди вышли для того, чтобы принять участие в спектакле, кажется мне весьма проблематичным.

М. Жбанков: Слушая Игоря, я подумал про себя, цинично и эгоистично: почему мне так неинтересно читать всё то, что по этому поводу написано? Что бы ни попадалось, ни один текст до конца дочитать не мог. Я подумал, что эта идея о присутствии интеллектуала как отсутствующего актёра многое проясняет. Читать-то неинтересно потому, что самое главное происходило не на словах, а на уровне той самой реальности, которая сквозь наш словарь просто просачивается, и мы не способны с его помощью её поймать. И мне кажется, что очень приятно отслеживать какие-то глобальные тенденции и говорить о том, что есть сдвиги и что-то радикально меняется. У меня такого чувства нет, возможно, потому что я не прошёл через ваш, Павел, репрессивно-депрессивный опыт, но я хочу сказать о другом.

Вот чем мы сейчас занимаемся, когда ищем какие-то тенденции, какие-то схемы? Мы занимаемся тем же, чем и всегда: пытаемся каким-то образом укротить реальность, пытаемся её осознать, превратить в те самые схемы. Одна из самых популярных легенд о 2006-м, что там все шли за Милинкевичем. А это абсолютно не так. Я знаю, потому что имел и свой личный опыт, и разговаривал с массой людей, которые там были. Поэтому не соглашусь с Игорем: то, что произошло 19 декабря, можно читать как отказ участвовать в том спектакле, где все роли распланированы. То есть, мне кажется, что интеллектуальная энергия несогласия, которая не смогла найти легитимного воплощения во всей предвыборной кампании (и тем более в ситуации выборов), нашла своё выражение не в лозунгах, не в брендах, не в вывесках, а в определённом действии, движении. То есть реакцией на девальвацию слова стала реанимация социального действия. Я как раз в тот день приехал из Вильнюса, мы забросили домой багаж и поняли: надо идти. Всё было ясно. Без расчёта на какие-то победы и триумфы. И на спектакль. Просто это было делом чести. Важно, на мой взгляд, понять эту новую интеллектуальную интенцию, которая проявляется не в теоретических семинарах и печатных текстах, а в реальном действии. Выйти и увидеть глаза тех, кто рядом с тобой. Возможно, именно в этом и есть выход из нашего тупика: попытка действием обозначить своё присутствие там, где тебя не ждут.

Т. Щитцова: Мне кажется, этот порыв тем и значим, что он не осуществляется по линии какой-то программной политической установки или инструкции.

М. Жбанков: ...у него нет модератора…

А. Усманова: Я попробую высказаться по поводу тезисов, прозвучавших в высказываниях выступавших до меня коллег. Сначала по поводу «спектакля». Мне кажется, что все присутствующие – не-

гласно – выбрали для себя две возможные интерпретации понятия «спектакль»: постановочность и зрелищность. Я для себя на этот вопрос ответила в 2006 году, когда мы делали специальный выпуск *Топоса* на тему «Выбор и выборы». В своём тексте для этого номера я попыталась именно с помощью понятий «спектакуляризация» и «ситуация» проанализировать то, что происходило тогда. Сравнивая стратегии французского ситуационизма 1960-х с политическим акционизмом в Беларуси в 2006, я размышляла над тем, каким образом политика как область коллективных действий подменяется «искусством обходного манёвра». С тех пор, на мой взгляд, ничего радикально нового не произошло.

Что-то новое и необычное, по-моему, сейчас происходит совсем в других пространствах. Например, давайте посмотрим на «непроисходящее» у нас через призму глобального «акционизма», разворачивавшегося на «наших глазах» благодаря телевидению и интернету в течение этих трёх месяцев. Мы имели возможность быть удалёнными свидетелями рождения коллективного субъекта в самых разных точках мира – например, я имею в виду то, что происходило и всё ещё происходит в арабских странах. А можно соотнести нашу «ситуацию» с другим типом «политического акционизма», который ещё более рельефно показывает, как свершаются «спектакли» сегодня – и в какой мере опосредованность социальных отношений образами (а именно этот смысл в дефинициях «спектакля» я считаю центральным у Дебора) оказывается важной для обозначения своего места в политике. Если полуобнажённые девушки из группы *ФЕМЕН* выходят на улицы Киеве, в разгар рабочего дня, с лозунгами «Украина – не бордель», привлекая к себе внимание и прохожих, и журналистов, и власти, то с этим кратким лозунгом и перформативной политикой телесности, а не с потоком обесцененных слов, они обеспечили себе место в публичном пространстве своей страны. А каково наше место в публичной сфере у нас в стране?

Теперь относительно того, зачем люди пошли на площадь 19 декабря. Один несомненный и искренний мотив – проявление солидарности с коллегами, друзьями, всеми другими инакомыслящими людьми. Вторая причина, по которой, мне кажется, люди пошли на площадь, это потому, что было очень важно выйти за пределы той медиальной среды, которую создал белорусский режим. На площади, скорее всего, не было тех, кто смотрит БТ, но в любом случае достаточно массовый *coming out* был связан с усталостью от бесконечной лжи и манипуляций общественым мнением.

Последняя моя реплика касается политологии, то есть я хотела бы вернуться к самому началу нашего разговора. Политологи часто исходят из предпосылок о наличии целеполагания и возможности импликативных высказываний в сфере политического прогноза (если есть исходные данные, то можно предложить три сценария развития будущего, и т. д.). Что в итоге происходит? Что, в общем-то, раз за разом политологи терпят фиаско. По сути то, что они пы-

таются сделать, – это предсказать то, что завтра… не сработает. Странная на первый взгляд аналогия между цунами в Японии и событиями на Ближнем Востоке уместна в том смысле, что как метеорологи, так и политологи оказались в конечном счёте в одной яме…

И последнее. Мне вспомнился один очень известный эпизод из советского фильма «Одна» (1931): девушка, у которой судьба решается с распределением на работу и она не хочет ехать на далёкий Алтай работать учительницей на селе, в растерянности выходит на улицу, и вдруг с ней заговаривает громкоговоритель. И этот медиальный голос власти спрашивает её: «Что ты сделал? Что ты делаешь? Что ты будешь делать?» Так вот, мне кажется, что в наших взаимоотношениях с властью и с самими собой мы всё ещё пытаемся ответить на эти три вопроса, заданных в фильме Козинцева и Трауберга в 1931 году…

П. Баркоўскі: Мая рэпліка распадзецца на дзве часткі. Першая, звернутая да Ігара, таму што здаецца, нібыта ў нас супярэчныя пазіцыі. Тое, што назіраецца суцэльны спектакль… Я сам пісаў тэкст, мо год таму, пра постпалітыку, спектакль, дзе выказваліся падобныя думкі. Адзінае, у чым мы з Ігарам разыходзімся, гэта наконт мейсца інтэлектуалаў у гэтым працэсе. Гэта як у неамарксістаў пытанне: ці павінен пралетарыят сам выйсці на рэвалюцыю ці яго павінен нехта падштурхнуць. Я ў сябе такі дыягназ зрабіў, што калі сапраўды губляецца рэальнасць, палітычная рэальнасць, – па сутнасці губляецца сэнс. Вось тыя вялікія мадэрныя сэнсы згубіліся. Што такое свабода і што такое дэмакратыя?.. Зараз Аляксандр Лукашэнка можа павучаць карэспандэнта *Washington Post*, што такое сапраўдная дэмакратыя і чаму яе нестае ў Амерыцы, але яна ёсць у Беларусі. І навучае! Нават нашыя палітолагі кажуць: пасля гэтага пачалі фінансаваць беларускія паліталагічныя праграмы амерыканскія фонды, бо Аляксандр Лукашэнка ім давёў, што іх саміх няправільна вывучаюць.

Сэнсы губляюцца, і людзі ўжо не могуць апеляваць да такіх сталых структураў у сваіх паводзінах і мысленні. І сапраўды, калі ўсе разумеюць, што 19 снежня адбываецца спектакль і ўсе папярэднія крокі – галасаванне, медыякампанія, дзе нам нават як гледачам не застаецца месца, нават не як акторам, – дык тут застаецца пытанне, якое трапна ўзняў Макісм. Як нам рэагаваць? Не проста як нам рэагаваць як інтэлектуалам, а як чалавеку рэагаваць у гэтых абставінах. І спрабуюць рэагаваць менавіта голай дзеяй. Нейкім выйсцем, нейкай спробай зрабіць хаця б нешта, нейкі індывідуальны перформанс, у паасобных выпадках калектыўны. Тут пытанне насамрэч да інтэлектуала. Ці зможа ён на гэтым новым падмурку ўпісацца ў працэс стварэння таго, што заменіць гэтую старую і скампраметаваную рэальнасць? Што мы можам дадаць такога інтэлектуальнага, што магло б гэтаму чалавеку, які зразумеў усю абсурдовасць гэтага спектакля, дапамагчы не проста неяк зрэагаваць, выйсці на плошчу ці выйсці з плошчы, хаця б нешта зрабіць, – а рэагаваць неяк сістэмна? Вось гэта адно пытанне.

А другое, што хацелася б падкрэсліць у кантэксце таго, што сказала Альміра, гэта тое, што мы, звяртаючыся да гэтага здарэння, шмат размаўляем пра тое, што было, шмат спрабуем сказаць пра тое, што адбываецца з намі зараз, але вельмі мала разважаем пра тое, што будзе. Мала хто, я ўжо не кажу пра экспертаў, мала хто з нас можа сказаць, што мы будзем рабіць, калі дыктатура нарэшце падзе, і што будзе адбывацца тады ў Беларусі. Дзе тут нашае мейсца? На якіх сэнсах мы ўсе гэта будзем усталёўваць? Ці ёсць у нас гэтыя сэнсы? На чым зараз спекулююць у гэтых афрыканскіх канфліктах? Мала хто разумее, што там адбываецца з пункту гледжання сэнсу. Адна логіка, логіка мадэрнага гвалтоўнага дыктатарскага рэжыму, павінна саступіць нейкай новай логіцы, але што ў гэтых логіках утрымліваецца? Ісламскі радыкалізм ці нешта іншае? Мы мала разважаем аб тым, што будзе ў Беларусі і з намі ў Беларусі, калі сітуацыя кардынальна зменіцца. І гэтая разгубленасць перад будучыняй… Мы не пралічваем. Будзе, што будзе.

В. Акудовіч: Як я і казаў, у нашай гаворцы мы не выблытаемся з уласна палітычнага дыскурсу. Вось Павал нас зноў туды скіраваў. Добра, палітыка – дык палітыка. Дваццаць першага студзеня мы сядзелі ў кавярні з адным досыць вядомым замежным інтэлектуалам. Ён прыехаў у Беларусь спецыяльна, каб на свае вочы пабачыць, што і як тут будзе адбывацца. Сярод іншага, мы паспрабавалі з ім прааналізаваць структуру натоўпу, які па праспекце перарушыў з Кастрычніцкай на плошчу Незалежнасці. Досыць хутка мы вылучылі тры асноўныя групы. Першая, і самая малая, гэта палітычная апазіцыя. Не думаю, што колькасна яна мела больш за дзве тысячы. Другая, трохі большая, звычайны пратэстны электарат, які і ў самыя спрыяльныя для грамадства часы набірае, як сцвярджаюць сацыёлагі, не менш за 8 адсоткаў. Але асноўную масу склалі тыя, хто за апошнія 20 гадоў сфармаваўся (ці перафарматаваўся) у сітуацыі камунікатыўна адкрытай прасторы, дзе дамінуюць каштоўнасці, зрэпрэсаваныя ў сучаснай Беларусі. Ігар тут, канешне, прыгожа, прышпіліў Гі Дэбора, але я з Максімам салідарызуюся: 19-га снежня на праспект пераважна выйшлі ўжо гэтыя, іншыя, беларусы, і выйшлі толькі каб сказаць: мы не згодны з тым, што ёсць. Прычым тут вельмі істотна зразумець тое, чаго не зразумелі палітычныя лідары. Гэтыя людзі прыйшлі на плошчу зусім не змагацца з уладай, а толькі каб засведчыць сваю пазіцыю. Але і ўлада гэтага не зразумела і пагнала на людзей АМАП. І вось тут Ігар вельмі добра сказаў: разявіўшы рот, не маючы досведу, глядзелі, як АМАП на іх насоўваецца. Няма чаго на АМАП глядзець, калі ён на цябе насоўваецца як чорная лавіна – ад яго трэба ратавацца. Павал, гэта досвед яшчэ і для вас цяпер. Але гэта «палітычны» досвед, і я не ўяўляю, якую «філасофію» з яго можна выснаваць.

А. Лаврухин: У меня такой тезис: во-первых (и это исходная пропозиция), смысл в этом есть. События 2006 года выключали интеллект и заряжали эмоциями и солидарностью. Всё произошло вдруг, и все потеряли голову. Я вспоминаю, как мы сидели здесь с

Игорем Логвиновым и делились ощущениями какого-то срывающего крышу вдохновения грядущими переменами. А вот в 2010 эмоции в большей степени всё-таки были под контролем, и поэтому поводов и оснований для рефлексии стало больше, чем прежде. Ведь это дежавю, уже не первый раз – такое вот дежавю со стажем. Мне видится оправданность осмысления вот в чём (и это мой второй тезис). Нам нужно подходить к 2010-му исторично. В каком плане? В плане большой истории и внутренней, нашей, беларусской истории. В плане большой истории события такого рода происходили в Европе, и здесь я ориентируюсь и на восточно-, и на западноевропейский контекст. События, в которые каждый раз были включены интеллектуалы. Вот интересно, как они были включены тогда и как они включаются сейчас. Что произошло, например, в Чехии, когда Ян Паточка был так или иначе включён в протестные движения. Как это происходило и как это происходит здесь? В чём разница?

В. Акудовіч: У 68-м годзе ў Парыжы Фуко быў на барыкадах, а Сартр бегаў па студэнцкіх інтэрнатах. Калі б нешта падобнае здарылася ў Парыжы праз год дзесяць, дык я не думаю, што і Фуко, і Сартр паўтарылі б свае шляхі.

А. Лаврухин: Вот и возникает вопрос: почему? Что изменилось? Почему тогда это было возможно, а сейчас – нет? Это первое. Очевидно, что тут есть констелляции, связанные со статусом самого интеллектуала, что он поменялся и так далее. Второй момент связан с историей внутренней. Очевидно, у нас уже есть история протестного движения. Все вспоминают 1990-е, когда степень брутальности протеста была несопоставима. В этом тоже есть своя история. Можно, конечно, сказать, что вообще ни в чём нет логики. Но что тогда делать в этой ситуации? Можно, конечно, быть этаким стоиком, включить установку атараксии, апатии и просто претерпевать всё, что бы ни произошло, потому что всё равно всё алогично, и мы ничего не можем с этим поделать.

Но есть и другая позиция – попытаться осмыслить «логику» произошедшего и сейчас происходящего, задаться вопросом о том, как это происходило в 1990-х, 2001-м и сейчас. Тем самым мы намечаем опорные временн*ы*е точки, размечаем исторический горизонт. И если задать такой горизонт рассмотрения, то наш взгляд, наша перспектива на события 19 декабря выйдут за пределы простой публицистики, которая появляется так же быстро, как и исчезает. Это, конечно, потребует немало времени и усилий, но оно стоит того. Ведь совершенно очевиден дефицит рефлексии по поводу всего того, что с нами всё это время происходит. Вольно или невольно мы вовлечены в борьбу за свободу в течение как минимум 20 лет! Эта ретроспективная рефлексия могла бы помочь нам разобраться с самими собой.

М. Жбанков: Мне кажется, что то, что предлагает Андрей, – это откат на заранее подготовленные позиции. Что мы делали прежде? Говорили и писали книжки. Что нам дальше делать? Говорить и писать книжки. Фактически это возврат к привычному формату, про-

стому воспроизводству набора концептов. Но мы-то пытались говорить о том, что возникает ситуация переломная, после которой привычные наши форматы уже малоэффективны и неуместны...

А. Усманова: Во-первых, по поводу прогноза на будущее, о чём говорил Павел, мне кажется, это очень любопытно, что выборы 2001, 2006 и теперь уже 2011 подтверждают, что пока никакой альтернативы в белорусском политическом поле нет: многочисленные и несправедливо пострадавшие кандидаты в президенты на декабрьских выборах меня ни в чём не убедили. Не убедили в том, что они имели хоть какой-нибудь интересный или перспективный с точки зрения последующих 10 лет план действий.

И во-вторых, касательно того, что мы как философы и интеллектуалы собрались здесь и зачем-то разговариваем на околополитические темы. А что, собственно, мы ещё умеем делать? Мы действительно разговариваем, пишем книги и преподаём. Если мы это делаем хорошо, то результаты сказываются спустя 5 или 10 лет на обществе в целом. Но вот когда я размышляю о том, чего действительно не хватает по части какой-то аналитики или исследовательской работы, то, по-моему, у нас есть острая нехватка в исследованиях микропрактик. Как философы, мы можем ретроспективно присвоить некоторую рациональность каким-то событиям, которые на тот момент мы не понимали. Но как философы мы, к сожалению, не переходим к анализу тех микропрактик и тех микропространств, в которых это всё и происходит.

Приведу несколько примеров. Три года назад у нас в гендерной магистратуре Александра Дынько написала очень интересную диссертацию, посвящённую анализу стратегий и тактик женского диссента в белорусской оппозиционной среде. Ведь это очень важно – показать, каким образом гендерное измерение присутствует во всех этих практиках сопротивления или «недеяния», начиная от того, что делают женщины как жены или матери оппозиционеров, или как участницы на площадях. Или другой пример. Только после того как вышли, спустя 10 дней, те, кого посадили 19 декабря, начался разговор о содержании в тюрьме как о пытке. Так эта пытка, собственно говоря, применяется к такому количеству людей, независимо от того, были они замешаны в политических событиях или нет. То есть, в принципе, вся нынешняя система судопроизводства, равно как и содержание в камерах, – это действительно пытка. И эту бесчеловечную систему необходимо либо описывать литературно, как это сделал Солженицын, либо исследовать с помощью антропологического и социологического инструментария. Ну и так далее. Я хочу сказать, что помимо экспликации общей логики, которую мы пытаемся усмотреть в белорусской ситуации, необходим кропотливый, тщательный, детальный анализ маленьких тем, которые связаны с нашей повседневностью, с тем, что мы делаем, когда мы не на площади.

О. Шпарага: Небольшая реплика. Мне кажется, что одно из центральных понятий, которые появились, – это понятие социаль-

ного действия, но в каком-то новом понимании, поскольку, как мне кажется, в палаточном городке 2006 года родился, благодаря новым технологиям, новым поколениям, исток для нового социального действия и взаимодействия. И за два последних года мы начали действовать на каком-то ином уровне. Я очень много модерировала круглых столов, работала с театральной средой, с художниками. И очевидно, что люди уже хотят по-другому действовать в Беларуси, в беларусском контексте. Нужно что-то с этим делать. И эти же люди выходят на площадь. С этой идеей социального действия коррелирует и идея микропрактик, и с понятием спектакля можно попробовать тут поработать. Можно спросить, как коррелирует этот новый субъект социального действия с этой новой констелляцией спектакля?

М. Жбанков: Есть интересный момент: появление принципиально иной системы приоритетов. Привычное деление на культуру власти и культуры диссидентства с политической составляющей в качестве основного стержня меняется. Сейчас, напротив, уже политика становится одной из составляющих этих культурных практик – эстетических, социальных и так далее. Она как бы поглощается иными практиками. И перестаёт быть самодостаточной.

Т. Щитцова: В ходе нашей дискуссии тезис о том, что декабрьское протестное выступление было спектаклем, всё-таки поставлен под вопрос. И это существенно.

Но я хотела сказать о другом. Одно из самых провокативных суждений, которое сегодня звучало, – это суждение о неуместности и невостребованности интеллектуалов в том, что произошло. Мне кажется, что именно небанальное ядро произошедших событий (я имею в виду тот абсолютно не просчитываемый выплеск на улицу людей, которые посчитали невозможным не пойти) позволяет опознать и возможную миссию и задачу интеллектуалов. Их востребованность заключалась бы в том, чтобы через конкретные практики и тексты культивировать вот эти самые элементы непросчитываемого, «избыточного» действия – того, что не может предусматриваться и регулироваться властью. Здесь нельзя не отметить некоторой бедности нашего культурного поля (например, по сравнению с весьма разнообразной, многослойной и даже агональной культурной жизнью в России, прежде всего, конечно, в Москве и Питере). Это и есть поле для работы интеллектуала: содействовать наращиванию культурных практик, которые разворачивались бы по контрасту с тем, что контролируется медийно или на уровне официальных директив.

А. Усманова: Вообще-то, проявление солидарности возможно не только и не столько на площади, но для этого необходимо производить как можно больше публичных пространств. Это часть наших обязательств как интеллектуалов. И последняя ремарка. Таня, я, конечно, была бы рада подписаться под твоей страстной речью, отстаивающей небанальность того, что произошло, но небанальным, на мой взгляд, оказался как раз Лукашенко. Потому что выход на

площадь многих людей, включая интеллектуалов, он-то как раз был предсказуем. Гораздо менее банальным – как в дискуссии с журналистом из *Washington Post* – оказался именно президент. Это не интеллектуальная небанальность, возможно, это небанальность другого рода, но здесь он опять всех переиграл. И самое последнее: мы не обсуждали сегодня вопрос о том, что происходило в белорусской академической среде, каким образом реагировали те интеллектуалы, которые по своему институциональному статусу в Беларуси тоже могли бы выполнять интеллектуальную функцию. По-моему, это одна из самых серьёзных проблем.

А. Лаврухин: Мне кажется, что был элемент непредсказуемости со стороны тех, кто пришёл на площадь. Я, например, был уверен в том, что разочарование после невыполненных ожиданий площади 2006 способно многих погрузить в скепсис, апатию и бездействие, демотивировать даже самого большого оптимиста идти на площадь. Ведь 2006 год имел очень негативный резонанс в последующем. В этом плане появление такого большого количества людей в декабре 2010 было совершенно неожиданно. Как это ни удивительно, сегодня память об атмосфере приподнятости и вдохновения свободой пересиливает горечь неудач: и в 2006, и в 2010 мы получили глоток свободы, который уже не сможет отменить никакая директива.

И мы преувеличиваем, когда говорим, что президент нас удивляет. Он зависимый человек, он реактивен. Он не создаёт события, а лишь паразитирует на них. Он, конечно, удачно перехватывает новые содержания и тенденции благодаря большому административному ресурсу. Что там на самом деле произошло и насколько это к нему имеет отношение, совершенно неизвестно. Это закрытая тема. Мы этого ничего не видели. Зато мы видели людей, которые вышли на улицы. И они нас удивили.

Т. Щитцова: Коллеги, мы беседуем уже почти два часа. В ходе разговора стало очевидно, насколько разными могут быть оценки людей, принадлежащих, в общем-то, к одной культурной среде. Мы далеки от того, чтобы подводить какие-то итоги, в сущности, только начавшегося обсуждения. Одно мне кажется определённым (я говорила об этом, когда мы только планировали нашу встречу): принимая во внимание интеллектуальную историю последних двух десятилетий, сам факт нашего сегодняшнего обсуждения кажется бесспорно значимым.

НЕЗАКОНЧЕННОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ КРОХАМ

Андрей Лаврухин[1]

Abstract

The article is dedicated to comprehension of theses, ideas and positions of the participants of the round table «*December, 19* – from non-politological perspective». The author puts forward the thesis about the intrinsic interrelation between University community (academic corporation) as «social residence permit» of an intellectual and his/her socio-critical function in the society. The article thematizes a question of the extent and character of participation of University and its representatives in the political life of the society, as well as the question of civil and professional spheres parity, and the presence of Belarusian intellectuals in public space.

Keywords: intellectuals; academic corporation; public space; power; citizenship; social and political role of the University.

Как это обычно бывает, не все мысли приходят в момент обсуждения. Но и не все мысли уходят после него. Скорее, напротив, дискуссия является тем катализатором последующих раздумий, которые ищут собеседника, но, увы, уже не находят его. Такой «эффект лестницы» прошедшего круглого стола «*19 декабря* – из *не*политологической перспективы»[2] явился причиной предложенных вашему вниманию набросков и соображений – незаконченных, тезисных, возможно, слишком провокативных, слабо аргументированных, но, надеюсь, сохраняющих живость и запал живой дискуссии...

Прежде всего, хотелось бы обозначить место интеллектуала, несмотря на то что говорилось (Игорем Бобковым, Валентином Акудовичем и Альмирой Усмановой), будто интеллектуалу нет места в Беларуси. В этой связи хотелось бы заметить, что классическую социальную прописку интеллектуала никто не отменял, а именно – университет (при этом я опираюсь на незатейливое, но убедительное определение Ле Гоффа: *«Так именуют тех, чьим ремеслом были мышление и преподавание своих мыслей»*[3]). Конечно, можно сказать, что есть фрилансеры, свободные художники и прочие индивиды, ведущие интеллектуальный образ жизни. Но их социальная

1 Андрей Лаврухин – кандидат философских наук, доцент департамента философии Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

2 См. стенограмму указанного круглого стола в наст. изд.

3 Ле Гофф Ж. *Интеллектуалы в средние века*. СПб., 2003. С. 4.

ответственность целиком и полностью в их и только в их руках: они могут живо откликаться на все события или вовсе ничего не говорить. Другое дело, когда социальная роль интеллектуала определяется его социальной пропиской – *он не может не преподавать свои мысли студентам*. Отвлечься от политики здесь можно лишь в том случае, если сам этот институт выведен за пределы политического, не вовлечён в политику, которая ему (институту) не интересна, и, с другой стороны, самой власти университет тоже не интересен (т. е. она не рассматривает университет как политического актора). И в этой связи возникает вопрос: насколько 19 декабря и предшествующая этому дню серия политических событий 2001–2006 гг. затрагивают университет? На мой взгляд, беларусский университет является политическим актором как минимум с 2004 г. Наиболее очевидным образом вовлечённость университета в политическую жизнь проявилась в момент изгнания Европейского гуманитарного университет (ЕГУ) из Минска (власть открыто признала университет политическим актором), а затем – во время баллотирования Александра Козулина (ректора Белгосуниверситета) кандидатом на пост президента: и в первом и во втором случае университет начал представлять реальную угрозу для власти.

Тем не менее, первые признаки вовлечения университета в политику проявились ещё раньше: как свидетельствуют «недостоверные источники», после выборов 2001 г., когда многие студенты Белгосуниверситета проголосовали против действующего президента. *Именно поэтому университет и все, кто составляют академкорпорацию, не могут не быть политически задействованными: как члены корпорации, они вовлечены в политику поневоле* (действием или бездействием, сотрудничеством с ЕГУ или отсутствием такового, способностью вести разговоры со студентами о политике или умением обходить скользкие темы, наконец, отношением к массовым увольнениям преподавателей, отчислениям студентов и «промывке мозгов» сотрудниками КГБ).

Однако, увы, эта политическая мобилизация извне до сих пор не очевидна для самого академсообщества – несмотря на бесцеремонные действия властей в отношении отдельных его членов, в отношении самого университета (насильственная политизация университета путём введения кафедр идеологии, рекрутинг на «общественно полезные мероприятия», выборы, оправдание насилия, шельмование достойных студентов и преподавателей и пр.), академсообщество по-прежнему делает вид, будто оно к политике не имеет никакого отношения. То, что возможна иная реакция на политизацию извне, нам красноречиво демонстрирует другая, более консолидированная, солидарная и потому вызывающая всяческое уважение (и, признаюсь, даже зависть) корпорация журналистов (БАЖ). Если журналисты давно уже бьют тревогу о нарушении свободы слова, то представители академсообщества с завидной регулярностью отмалчиваются. Даже у представителей академической номенклатуры (ректоров) теперь появилось понимание необходи-

мости позиционировать себя в публичном пространстве хотя бы по одному из двух вопросов: а) сгоняли они или не сгоняли на выборы (определиться в этом вопросе требует власть) и б) выгоняли они или не выгоняли (определиться в этом вопросе требует европейский имидж)? А рядовые представители профессорско-преподавательского состава? Как они видят свою позицию в университете? Что изменилось за последние 4–5 лет (с тех пор как изгнали ЕГУ и А. Козулин баллотировался в президенты)?

Между тем нынешняя ситуация радикально переменилась именно в отношении степени вовлечённости представителей университетского сообщества (т. н. «интеллигенции»). Если в 1996–1998 гг. выступили рабочие, то уже в 2001 и, особенно, в 2006-м на политической арене появились студенты.[4] Это и была интрига 2006 года, колоссальный вызов академкорпорации – и как же она отреагировала на него? Показательна в этом плане полемика в интернете после закрытия ЕГУ. Очень точно позицию академсообщества выразила проф. Румянцева: это сообщество стремится не втягивать студентов в политику, как и члены самого сообщества её сторонятся во имя благой цели – сохранения чистоты идеалов, устремлений и миссии университета (искать истину, воспитывать молодёжь, формировать гармонично развитые личности и т. п.). Но, увы, этому тезису невозможно следовать – преподаватели и университет в целом не могут не рекрутировать студентов на выборы (примеров такого рода отказа университетов участвовать в политике не было), они также не могут сопротивляться увольнениям неблагонадёжных преподавателей и студентов. Словом, чего только они не могут. Зато могут зарабатывать очки на увольнениях (перед властью, с одной стороны, и перед Евросоюзом – с другой), либо упражняться в умелом манкировании сферы политического: и при рекрутинге университета властями, и при рекрутинге его оппозицией. И, пожалуй, самой распространённой ответной реакцией университетских сообществ на внешнюю политизацию явилось привычное для подавляющего большинства граждан Республики Беларусь манкирование политическим участием. И вот здесь возникает вопрос: чем же тогда такая форма участия отличается от формы участия представителей других социальных институтов? То есть чем такой «интеллектуал» отличается (в плане своей гражданской позиции) от продавца, бизнесмена, чиновника или служащего? Видимо, ничем. А вопрос о высокой миссии университета, просвещённых умах и светлых идеалах образования остаётся открытым.

В отличие от самого университета, власть осознала угрозу, исходящую от университета как потенциального политического актора, гораздо раньше как оппозиции, так и самих университетских интеллектуалов, самого академсообщества. Свидетельство тому – наш сегодняшний разговор, когда мы можем размышлять об обществе спектакля, сетовать на дефицит смысла в политических собы-

[4] Спонтанные, самоорганизующиеся через социальные сети протесты – ещё одно яркое тому подтверждение.

тиях, говорить о том, что нужно действиями, а не словами менять мир, и т. д. Между тем из университетов выгоняют студентов, преподавателей, уже выстроен новый академический паноптикум с его соглядатаями, доносителями, номенклатурным репрессивным аппаратом и пр. В отношении всего этого мы «слепы», поскольку сами являемся членами этой корпорации – спор члена корпорации с самой корпорацией чреват увольнением или отчислением. Исключение здесь, конечно, составляют фрилансеры (Максим Жбанков, Валентин Акудович, Игорь Бобков), но ведь и они не лишены академической жизни – все мы преподаём. И в этом плане, так или иначе, все мы вовлечены в жизнь того института, который по-прежнему, несмотря на все выпавшие на долю университета перипетии, является местом обитания интеллектуалов. И я уверен, что едва ли кто-либо из присутствующих откажется от этого своего места обитания с радостью. В этом смысле своими действиями в академии (преподавание, отношения со студентами и коллегами по кафедрам, с университетской номенклатурой, исследовательская работа) мы вовлекаемся волей-неволей в социальную жизнь, причём в гораздо большей степени, чем мы об этом думаем. В нашей ситуации социальный резонанс от социального поведения членов университетской корпорации вне- и внутриуниверситетского пространства значительнее, чем резонанс отдельно взятого (т. е. не принадлежащего ни к какой корпорации) гражданина, вышедшего на площадь.

В превращении университета в политического актора содержится и ответ на вопрос, о чём мы можем писать (в отличие от политологов), есть ли что-нибудь такое в событии 19 декабря, что могло бы стать предметом рефлексии интеллектуала, и какова его роль в происходящем – эта роль уже определена его социальной пропиской, и хочет он этого или нет, он уже позиционирует себя как представителя университета, и университет в его лице позиционируется в политическом поле. Поэтому все речи о высокой миссии и аполитичности университета – это чистейшей воды ханжество. И когда говорят, что событие 19 декабря не интересно с философской точки зрения или же интересно, если это Ги Дебор, то нетрудно себе представить реакцию простого человека, необременённого поисками глубоких или изящных смыслов, не ведающего ни Ги Дебора, ни иных властителей европейских дум, но, несмотря на всё это, слава Богу, не утратившего здравый смысл и элементарные моральные самоощущения. *Я думаю, что нам, интеллектуалам (или как нас там ещё можно назвать), потому и нет места в пространстве Беларуси, что мы скрываемся от реальности, а не отвечаем на её вызовы.* Ведь дефицит смысла (и далеко не в последнюю очередь морального) – это как раз то, что характеризует настоящую ситуацию, когда люди оказались заложниками вот этой беспардонной и деморализующей силы с её посадками в тюрьмы, изгнаниями, сроками заключения, пытками и пр. И получается так, что люди оказались предоставленными самим себе: оппозиция по тюрьмам или ведёт себя так, будто никто и не выдвигал никаких

притязаний на власть и политическое лидерство; власть спекулирует на этом бессилии и безликости оппозиции, а интеллектуалы, которые могли бы в этой непростой ситуации восполнить дефицит смысла, морального чувства и воли, дать хоть какое-то осмысленное разъяснение ситуации, либо говорят о том, что ничего особенного не произошло, либо указывают на необходимость интерпретации через метафору общества спектакля Ги Дебора... Я думаю, неудивительно, что нам нет места в этом обществе – не только потому, что оно невнимательно к словам и сложным мыслям интеллектуалов, но и потому, что нам самим нечего сказать ему, мы в принципе не хотим участвовать с ним в диалоге.

В этом плане, несмотря на то что я никак не могу согласиться со Светланой Алексиевич в её видении роли интеллигенции (на мой взгляд, интеллигент как социальный тип советской поры медленно, но верно исчезает из социального поля в силу новой стратификации), её публичная позиция вызывает уважение, она более понятна и оправдана – известный человек написал открытое письмо президенту и недвусмысленно выразил то моральное самоощущение, которое, несмотря на все интеллектуальные, вкусовые, социальные, экономические, политические и прочие различия, в латентной форме (конечно, у каждого по-своему) зрело в сердце и уме каждого небезучастного гражданина Беларуси. Теперь мы, конечно, можем разбирать это письмо по косточкам, находить плюсы и минусы, но событие сообщения уже состоялось, и, на мой взгляд, оно было вполне адекватно сложившейся ситуации.

При этом я хотел бы быть правильно понятым: *я никоим образом не обвиняю никого в аморальности, бесчувственности или безразличии к проблемам общества.* Более того, уверен, что все мы болеем за него не меньше, чем те, которые кричат о своей заботе на улицах и партсобраниях. Проблема в другом. Прежде всего, в том, что у нас нет опыта публичной жизни, мы не знаем и не умеем общаться в медиа-пространстве, мы не можем воспитывать журналистов (как это делал, например, Фуко, ломавший банальные заезженные сценарии и создававший новые формы интеллектуального медиа-сообщения), мы не знаем, как отзывается наше слово в умах и сердцах его потенциальных потребителей. И всё это не только потому, что у нас не было и, по большому счёту, нет опыта общения в публичном пространстве, *но и потому, что нам самим это не интересно.* Мы не видим смысла в этом общении с почтенной публикой. В этом плане позиция современного интеллектуала в Беларуси преимущественно (за редким исключением) и по сути не отличается от позиции любого беларуса/беларуски – это позиция социально подавленного, запуганного, бессильного и аномичного индивида: я ничего не делаю, потому что ничего не изменить (успех сомнителен), но при этом можно много потерять (потери очевидны); именно поэтому я лучше буду тихо заниматься своим любимым делом (копать картошку или писать книги) и не ввязываться в рискованные и сомнительные мероприятия. Между тем

интеллектуал в самом банальном и нормативном европейском его понимании – это тот, кто, несмотря на все страхи, непредсказуемость и сомнительность дивидендов, идёт на этот риск и в нужное время способен сказать то, что он думает, возместив дефицит смысла и морального самоощущения. Причём сказать так, чтобы это стало понятно всем, то есть он способен не только на решимость рискнуть, но и на, как минимум, участие в создании медиа-сообщения в публичном пространстве, а значит – на созидание самого этого публичного пространства. Именно поэтому я уверен, что если мы не будем создавать публичное пространство в масс-медиа и не будем видеть смысл в таком опыте риска (очень негативный, очень затратный, очень неприятный и как правило, действительно, неблагодарный труд), наш удел – оставаться странными маргиналами, забавными чудаками и диковинными экземплярами рода человеческого.

И в завершение пару мыслей *к вопросу о разграничении гражданской и профессиональной позиций*. Разграничить их можно (есть масса тому примеров), вопрос в другом – нужно ли это делать? Приведу пример разграничения: Армен Джигарханян в одном из интервью оправдывает А. Лукашенко и путает Беларусь то с Литвой, то с Латвией, то с Польшей и др. государствами. Такая политическая ангажированность и географический идиотизм Джигарханяна как гражданина, конечно, не отменяют его бесспорных заслуг в искусстве – он был и остаётся великолепным актером, сыгравшим нетленные роли. Но(!) теперь, когда я смотрю фильмы с его участием, невольно вспоминаю этот его спич во славу власти вообще, вне зависимости от её государственной принадлежности. То есть осадок остался. И он тем сильнее, чем больше известный актер, писатель и пр. выходит в публичное пространство (рассказывает о себе, своём творчестве и пр.).

Иными словами, если вы не отказываете себе в публичности, неизбежно придётся иметь дело со всеми аспектами и социальными ролями, в которых вы как публичная личность выступаете. Если же вы не выдвигаете такого притязания и принципиально воздерживаетесь от публичности, вы можете совершенно спокойно (то есть, отвечая лишь перед самим собой) быть отдельно писателем, отдельно гражданином, отдельно отцом, отдельно членом партии и т. д. Хотя вопрос остаётся: нужно ли это делать? Ведь сознательно отказываясь от публичности, в своём лице мы отменяем публичное пространство как таковое…

СУВЕРЕННАЯ ВЛАСТЬ И РАДОСТЬ ЖИЗНИ

Татьяна Щитцова[1]

Abstract

The article analyses affective grounds of political solidarity shown by Minsk citizens during the protest action of 19 December, 2010. The author's main thesis is that in order to understand the social and political situation in Belarus one needs to start with structural analysis of the prevalent here triple constellation where the type of power, that is used in practice, is directly connected with approval of one way of life (which is marked by the concept of *social contract*) and denial of the other (which is indicated through the aesthetic protest of «unsuitable» elements).

Keywords: joy of life, way of life, aesthetic protest, social contract, sovereign, nation-as-population, vertical power structure.

> Когда государством управляет техник, переделывающий его в соответствии со своими идеями, конфискация грозит не только эстетическим и метафизическим экскурсам, но и чистой радости жизни.
>
> *Э. Юнгер*

> Once again in postmodernity we find ourselves in Francis's situation, posting against the misery of power the joy of being.
>
> *M. Hardt, A. Negri*

> Главное – безопасность людей, спокойствие и порядок в стране.
>
> *А. Лукашенко*

Между утверждением Юнгера и цитатой из Хардта и Негри почти столетие. Их высказывания отсылают к существенно разным политическим реалиям, разным эпохам: расцвет Третьего Рейха, с одной стороны, формирование глобальной «Империи» – с другой. И всё же проблема, которую они затрагивают, примечательным образом одна и та же – это противостояние «радости жизни» и власти. Власть угрожает радости, радость может стать антидотом против

[1] Татьяна Щитцова – доктор философских наук, профессор департамента философии Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

власти. Трудно отрицать туманность этой интуиции. Если с властью можно вполне объективным образом разобраться (проанализировать практики, выявить структуру и т. п.), то как верифицировать её странный *counterpart*? Чем обосновать объективность – интерсубъективность – радости? В каких терминах её толковать? Является ли она – будучи *оппозицией* власти, – политической категорией *sensu stricto*?

1.

При всей теоретической туманности интригующее противостояние власти и радости жизни не лишено, тем не менее, интуитивной практической очевидности: Бахтин назвал бы её эмоционально-волевой, феноменологи – очевидностью «переживания» (*Erlebnis*). Идёт ли речь о неумолимых «техниках власти» юнгеровской эпохи или глобальном диктате корпораций как агентов децентрированной «биовласти», критическая (рефлексивная) дистанция по отношению к соответствующим формам власти коренится в первичной идиосинкразии по отношению к практикуемому в данном конкретном обществе принуждению. Эта идиосинкразия есть первая форма протеста; и поскольку направлена она не на отдельный фрагмент жизненного окружения индивида, а на форму политической жизни как таковую, местом её демонстрации и (возможного) изживания является не кабинет психолога, а публичная сфера (даже если таковая редуцирована до приватного островка кухонного разговора). Радость жизни – это та позитивная ценность, в горизонте и в интересах которой мы идиосинкратически отторгаем навязываемый нам властью режим существования. Это «мы» не абстрактно, оно формируется в результате эмоционально-волевого разделения определённой формы жизни, пускай даже последняя определяется пока исключительно негативно, т. е. *через отрицание* той формы жизни, которая диктуется сложившимися механизмами власти, – будь то декларативное «так дальше жить нельзя» или же требовательное «уходи!», адресованное лицу, символизирующему установившийся политический порядок.

В публикациях, посвящённых событиям 19 декабря, не раз указывалось на то, что столь массовый марш протеста оказался неожиданностью и для официальных властей, и для «официальной» оппозиции. Если ещё добавить к этому отсутствие сколь-нибудь внятной программы действий, равно как и опознаваемого лидера, нельзя не задаться вопросом о том, что же обеспечило такую «явку»? Не должны ли мы признать, что солидарность протестующих опиралась в первую очередь (а возможно, и единственно) на разделяемую идиосинкразию по отношению к политическому *status quo*; что единственной «оппозицией», которая оказалась способной объединить и вести десятки тысяч людей, была опровергающая всесилие власти «радость жизни»; и значит, всё, что двигало нами, всё, «от имени чего» *мы* выступали, было эмоционально-во-

левое требование *иной* формы жизни? Конечно, можно ещё добавить: иной формы жизни *здесь*, в Беларуси. И тогда то, *за что* мы выступали, вырисовывается с не меньшей отчётливостью – за *другую* Беларусь.

Однако эта локальная привязка могла бы выйти за рамки простой тривиальности, а обозначенный телос – перестать быть простым формальным указанием только в том случае, если бы декабрьское выступление опиралось на артикулированную идею национального самоопределения, соотв. на программу (партию), поддержка которой свидетельствовала бы о кристаллизации национального самосознания.

Вопрос теперь не в том, мало это или много – быть связанными общей идиосинкразией по отношению к правящему режиму. (Ответ в любом случае не однозначен: мало, раз это не привело к перемене режима; много, раз президенту пришлось официально признать, что есть *«другая* Беларусь» – *NB*: не кучка «отморозков» и т. п., а весомая часть граждан, единодушно не вписывающихся в регулируемое властью форматирование нашей жизни). Более важным является вопрос о том, как связаны продемонстрированная нами аффективная солидарность (солидарность во имя «радости жизни») и так и остающееся задачей формирование политических сил, способных объединить нацию ради *«другой* Беларуси»? Примечательно, что идея гражданского национализма, активно обсуждаемая в нашей стране, допускает предположение о том, что сама по себе смена режима может стать своего рода национальной идеей, то есть – возвращаясь к нашему вопросу – катализатором национального самоопределения может выступить аффективная устремлённость к иной форме жизни, «программное» артикулирование которой было бы тогда задачей не только политических партий, но и публичной сферы как среды, в которой формируется и через которую заявляет о себе гражданское общество. Независимо от отношения читателя к идее гражданского национализма, в очерченном сценарии важен намеченный мостик между чисто негативным (протестным) аффектом и позитивным установлением новых принципов жизни: возможность открытого непрофанированного обсуждения этих принципов сама *уже* является конститутивным моментом искомой альтернативы тому порядку, на который мы отвечаем патетически-категорическим «так жить нельзя».

Я пытаюсь апеллировать к очевидности разделяемой эмоции, которую нельзя назвать «слепым аффектом», поскольку она указывает на вполне осознаваемое предпочтение иной формы жизни. Если мы оскорблены ложью, цинизмом и возведённым в норму хамством, которые ежедневно и, как говорится, «в порядке вещей» выливаются на нас с белорусских телеканалов, то наше неприятие *такой* реальности утверждает – *ex contrario* – ценность *другого* сообщества *прежде,* чем мы сможем определить и выстроить его дискурсивно. Если это и аффект, то такой, который несет определённый смысл, создаёт условие для консолидации. Это «куль-

турный аффект», как бы парадоксально это ни звучало, и раз так, то он сам подлежит культивированию. Такого рода вывод мог бы, видимо, заинтересовать нас в ситуации, когда единственной действительно эффективной консолидирующей силой оказался бы общий эмоционально-волевой настрой. В стенограмме опубликованного в этом номере круглого стола эта ситуация зафиксирована предельно просто: на выборы не ходили, а не пойти на площадь не могли.

Предшествование, выраженное в предлоге «прежде», указывает не на случайную эмпирическую последовательность и не на каузальное отношение, а на то, что современные философы определяют как «фактичное *априори*», подразумевая под этим необходимое условие – *условие возможности* – определённого опыта, которое само при этом (в отличие, например, от кантовского априори) принадлежит порядку действительности, воплощено. Культурный аффект, который заставил нас выйти на площадь 19 декабря, является, таким образом, фактичным априори, или условием возможности, опыта радикальной политической трансформации, которая предпринимается не ради смены одного «кабинета» другим (своего рода косметической операции в сфере политики), а ради смены санкционированной властью формы жизни как таковой. Разумеется, сам по себе этот сплачивающий эмоционально-волевой настрой ещё не гарантирует организованную политическую практику. Будучи необходимым, но отнюдь не достаточным условием, он, как уже отмечалось, не снимает вопроса о путях формирования альтернативных политических движений и программ. Однако в этой статье мне хотелось бы сосредоточиться не на политической активности как таковой, а на уже не раз звучавшем понятии формы жизни, которое располагается за рамками того, что понимает под политическим (политической сферой) политология.

2.

Очевидно, что без дальнейшего разъяснения понятия «форма жизни» нам не достичь ясности и относительно «радости жизни», изначально заявленной в качестве первичного оппонента существующей власти. Интуитивная понятность этого чувства для тех, кто разделял его во время протестного шествия по проспекту, не отменяет необходимости в формулировании ряда вопросов, без ответа на которые едва ли можно надеяться на дальнейшее культивирование этого «оппозиционного аффекта» у наших соотечественников. Разве люди, поддерживающие режим, или, например, те, кто приспособился к нему и не имел достаточной мотивации, чтобы «выйти на площадь» (где бы таковая ни находилась: в Минске, Гомеле или любом другом городе Беларуси), – разве они лишены «радости жизни»? И если нет, то почему мы должны предпочесть одну «радость» – другой? Тем более что, *если* верить нашему президенту (и иже с ним: избирательной комиссии и государственным медиа), вторых как раз большинство.

Чтобы выйти из ловушки релятивизма, исподволь расставляемой этими вопросами, вспомним, прежде всего, что радость, о которой идёт речь, – это не случайная позитивная эмоция по поводу отдельных приятных обстоятельств жизни (вкусный ужин, тёплый вечер, премия...). Другими словами, это не биографическая радость. Мы вели речь о радости как эмоциональном выражении и утверждении определённой формы жизни. Наш тезис заключался в том, что протестное выступление 19 декабря, не имея чёткого политического профиля (в виде поддержки определённой программы, партии), было направлено против той формы жизни, которая культивируется при нынешней власти, поддерживается ею, отвечает её интересам. Хотя главным адресатом лозунгов выступал действующий президент (что вполне объяснимо, и далее мы ещё остановимся на этом моменте), интерпретация декабрьских событий в терминах конфликта разных форм жизни позволит избежать непродуктивного, на мой взгляд, зацикливания на личности А. Г. Л. как таковой (какие бы таланты, харизмы, а также психические особенности ему ни приписывались). Если власть (её структура, механизмы) является инструментом, обеспечивающим и поддерживающим определённую форму жизни, и если, с другой стороны, насилие, необходимое для сохранения самой власти и составляющее поэтому её неотъемлемую часть, наталкивается на эмоционально-волевой протест, который, словно трава сквозь асфальт, пробивается сквозь *официально одобренную* белорусскую реальность, то ***анализировать нужно саму эту тройственную констелляцию, в которой практикуемый тип власти связан с утверждением одной формы жизни и исключением другой***.

На языке власти проводимое ею форматирование нашей жизни получило название *социально* ориентированного государства. Как точно подметил С. Букчин, субъектом такого государства является не народ (нация), а *население*.[2] «Население республики заслуживает того, чтобы жить дольше и лучше»[3] – оборотной стороной этой программной фразы белорусских властей является не что иное, как форма жизни, разделяемая этим самым населением и предполагающая строгую комплементарность между принципами отправления власти (политическим режимом) и базовыми ценностными установками, опираясь на которые население выстраивает свою жизненную стратегию. В сущности, речь идёт как раз о взаимообусловленности типа власти и формы жизни: если первый, маркированный словом *вертикаль*, берёт на себя ответственность за то, чтобы обеспечить приоритет *социальных* ценностей, определяющих основания соответствующей формы жизни, то таковая, поскольку она демонстрирует устойчивость и обретает силу габитуса, содействует, со своей стороны, закреплению названной структуры

---

2 Букчин С. *Когда же придёт настоящий день?* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.nv-online.info/by/141/politics/25856/Семен-БУКЧИН-Когда-же-придёт-настоящий-день.htm.

3 http://minsk.gov.by/ru/freepage/assembly/fourth.all.belarus.project/

власти. Подобную взаимообусловленность принято интерпретировать в политологической и социологической литературе в терминах *социального контракта* – своего рода неписаной договоренности между властью и населением, согласно которой *народ-как-население* обретает скромное благополучие и стабильность в обмен на политическую пассивность.

Понятие социального контракта может ввести в заблуждение, если ориентироваться на традиционное (юридическое) значение слова «контракт», предполагающее одноразовое заключение договора между сторонами, в равной мере артикулирующими своё решение. В соответствии с таким пониманием принято различать сам акт заключения договора и ход/период соблюдения/действия договора. Ещё одной отличительной чертой юридического (а также повседневного) понимания договорных отношений является преданность субъектов («лиц»), заключающих договор. Ход соблюдения договора лишь подтверждает (или же проблематизирует, опровергает) надёжность каждой из сторон как субъектов, берущих на себя (*под*писывающих) определённые контрактные обязательства. В отличие от этого привычного видения, социальный контракт между властью и населением не может быть привязан к фиксированному (в пространстве и времени) акту, но сам по себе носит *процессуальный* характер, т. е. формируется и удостоверяется по ходу того, как подкрепляются взаимные ожидания власти и населения по отношению друг к другу. В этом смысле социальный контракт – это нечто, что *per definitionem* находится в «подвешенном состоянии», что обусловлено, в свою очередь, иным статусом субъектов контракта. Если исходить из того, что субъектами социального контракта в Беларуси выступают власть-структурированная-как-вертикаль, с одной стороны, и народ-как-население, с другой, то их субъектность не является преданным основанием для заключения контракта, но сама конституируется в результате исполнения описанного выше круга взаимообусловленности. Другими словами, власть закрепляет*ся* как вертикаль постольку, поскольку народ подводит*ся* под категорию населения, и наоборот: народ позиционирует*ся* как население постольку, поскольку власть утверждает*ся* вертикально. В соответствии с принципом взаимообусловленности возвратную частицу *«ся»* во всех указанных случаях следует прочитывать в двух модальностях одновременно: пассивной и активной.

Именно процессуальный, или *перманентный*, характер социального контракта, требующего постоянного воспроизведения описанной выше системы взаимообусловленности (этой круговой поруки авторитарной власти и политически пассивного народа-как-населения), позволяет выявить заявленную ранее тройственную констелляцию, означающую, что в деле присутствует третий игрок, а именно альтернативная форма жизни, системное исключение которой из круговой поруки власти и населения является непременным условием поддержания существующего социально-политического порядка. Таким образом, сам этот акт исключения носит

перманентный характер и осуществляется одновременно с двух сторон: со стороны власти (с помощью официальной пропаганды и, по мере необходимости, разнообразных мер принуждения) и со стороны народа (на *дополитическом* – т. е. не связанном с рефлексивным выбором – уровне). «Дополитический» не означает здесь, однако, иррелевантный по отношению к политическому измерению, ибо аффективное одобрение санкционируемой властью формы жизни – одобрение, оборотной стороной которого «по умолчанию» является указанное исключение, – и есть тот акт, тот «политический выбор», посредством которого народ (этот субъект истории) являет себя в качестве населения, *не являя* себя тем самым в качестве «сознающей свою силу нации» (С. Букчин), т. е. нации, способной выступать «конституирующей властью» (Е.-Ж. Сиез).

Подобного рода «самоопределение» народа-как-населения политически релевантно, поскольку оно участвует в установлении совершенно определённой структуры власти. Соответственно, последняя будет стремиться не только материально/социально стимулировать отрадное чувство довольства жизнью («у нас всё хорошо») у населения, но и культивировать аффективное одобрение символическими/идеологическими средствами. Патетика предвыборных лозунгов, и в частности серии плакатов *«Вместе мы Беларусь»* и *«Победа в наших сердцах*!» (которые пришли на смену не менее чувственному *«Я ♥ Беларусь»*), равно как и телевизионная жизнеутверждающая суггестия регулярных интервью с «простым народом», красноречиво свидетельствуют о том, насколько власть «завязана» на аффективные инвестиции, обеспечиваемые «довольным», позитивно настроенным населением. Это сродни тому, что психологи называют *binding*, характеризуя взаимоотношения матери и ребёнка. Благодарно принимая пищу, ребёнок подтверждает статус матери как дающей инстанции; давая, она сохраняет свой статус постольку, поскольку ребёнок «доволен» – без этой аффективной отдачи она начала бы терять в себе уверенность как в «хорошей матери». Конечно, социальный контракт не симбиоз. И всё же, насколько позволяют рамки этой аналогии, нельзя не констатировать, что Лукашенко довольно долго удавалось играть в «хорошую мать»: Бацька, «кормящий грудью» собственный народ, который в свою очередь отвечает ему аффективным признанием.

3.

Как уже отмечалось, альтернативная форма жизни вовлечена в политическую стратегию властей в модусе перманентно исключаемого/маргинализуемого *неуместного* элемента – этого *atopon*, негация которого (от осознанного игнорирования до агрессивной дискредитации) является условием поддержания стабильного социально-политического порядка. Чтобы наметить контуры этой альтернативы, необходимо прояснить сам принцип различения, в соответствии с которым граждане одной и той же страны могут

располагаться по разные стороны авторитарной власти, точнее говоря – находиться в разном отношении к/с ней. В европейской интеллектуальной традиции существует как минимум два подхода, отслеживающих логику политически имплицированного расхождения/противопоставления разных форм жизни. Один разворачивается по линии Кант[4]–Арендт–Рансьер и связан с представлением о том, что интегрирующим принципом в формировании сообщества может выступать «суждение вкуса», единство эстетического восприятия, разделяемый стиль. При этом и понятие стиля, и понятие эстетического не сводятся к специальной сфере оценки «эстетической продукции» в узком смысле слова (произведений искусства). Скорее, они выступают как концепты, через призму которых может быть прочитан тотальный социальный опыт индивида/группы, участвующих в культивировании определённой формы жизни. В этом смысле протестный марш 19 декабря вполне можно назвать *эстетическим протестом*,[5] предполагая тем самым, что *план выражения,* который свойствен режиму правления в Республике Беларусь и который включает в себя целый ряд коррелирующих друг с другом чувственно воспринимаемых моментов (особенности риторики, манера поведения, преобладающий антропологический тип представителей власти, лицемерие официальных медиа и т. д. и т. п.), – это не некий случайный («привходящий») довесок к режиму, а действенный канал для его самоутверждения, который, подобно лицу человека, в достаточной мере информативен, чтобы по мере знакомства вызывать ту или иную реакцию. С этой точки зрения внутренняя ситуация в Беларуси характеризуется нарастающим эстетическим конфликтом, ибо в то время как часть народа-населения, находясь под аффективным политическим обаянием «кормящей мацькі», приемлет «лицо» власти, другая часть, структурно принадлежа к перманентным изгоям/маргиналам, встречает его хронической идиосинкразией.

Как всякая схема, очерченная эстетическая поляризация белорусского общества страдает определённым упрощением (соотв. «схематизмом»). Вместе с тем она обладает и соответствующей эвристикой, позволяя заострить внимание на том, что форма жизни (понимаемая как совокупность коррелирующих друг с другом ценностных установок и норм, которые разделяются и реактуализируются определённым сообществом) и режим власти, устанавливаемый на государственном уровне, – это два измерения социально-политической жизни, которые, будучи не сводимы друг к другу, тем не менее неразрывно переплетены, взаимообусловлены. Введённая нами бинарная логика не противоречит тезису о плюральности форм/стилей жизни, развиваемому современной социальной теорией. Таковой, как известно, формулируется в концептуальных рамках, опирающихся на определённые либерально-демократические ценности – культуру различий, толерантность, признание и

4 Имеется в виду третья *Критика* Канта.
5 См. в этой связи также интервью с Палом Тамашем в данном номере.

т. п. Мы знаем также, что подобный дискурс вполне успешно используется в политической риторике белорусских властей, не отменяя и даже никак не проблематизируя авторитарный характер правящего режима. Отслеживаемое нами противопоставление двух форм жизни осуществляется, соответственно, в другой системе координат – другой по отношению и к либерально-демократической оптике (ибо у нас всё-таки *не* демократическое государство), и к спекулятивной апроприации либерально-демократического дискурса в рамках авторитарного режима. Как было показано выше, напряжённое отношение между двумя очерченными формами жизни – это не вопрос соблюдения правил политкорректности, разрабатываемых как раз в рамках дискурса «культуры различий», а вопрос утверждения определённой структуры власти, в связи с чем мы и говорили о тройственной констелляции.

Теперь настало время обратить внимание на то, что поляризация форм жизни, выявляемая в рамках предложенного структурно-функционального подхода, характеризуется совершенно специфической генерализацией (логикой обобщения), ибо на одном полюсе (в до/политическом «симбиозе» с властью) у нас оказывается *homo economicus*, а на другом (в качестве экстрадируемого элемента системы) – *homo politicus* (в том особом, опять же структурном, смысле, что разделяемая им альтернативная форма жизни, для того чтобы стать *нормой*, предполагает устранение круговой поруки между авторитарной властью и народом-как-населением, соотв. изменение самой модели управления государством). Такого рода поляризация прямо отсылает нас к философии Аристотеля, которому и принадлежит разработка заявленного ранее второго подхода, выявляющего политическую релевантность противопоставления различных форм жизни. В *Политике* Аристотель проводит парадигматическое различие между тем, чтобы быть просто хорошим человеком, и тем, чтобы быть гражданином, соотв. – между жизнью как таковой и государственной жизнью.

> «...не всякий хороший человек в то же время является гражданином, но гражданин только тот, кто стоит в известном отношении к государственной жизни, кто имеет или может иметь полномочия в деле попечения о государственных делах или единолично, или вместе с другими» (1278b, 1–5).

> «...ведь, пожалуй, и жизнь, взятая исключительно как таковая, содержит частицу прекрасного, исключая разве только те случаи, когда слишком преобладают тяготы. Ясно, что большинство людей готовы претерпевать множество страданий из привязанности к жизни, так как в ней самой по себе заключается некое благоденствие и естественная сладость» (1278b, 25–31).

Устанавливаемое Аристотелем различение самым непосредственным образом связано с тем фактом, что в древнегреческом языке не было однозначного синонима для нашего слова «жизнь»,

поскольку греки использовали в этой связи два разных слова: *zoē* и *bios*. Современный итальянский философ Дж. Агамбен, отталкиваясь от этих архаических оснований европейской мысли, предложил весьма *sofisticated* концепцию, согласно которой теоретические и практические тупики, в которых оказалась сегодня западная политика, обусловлены не чем иным, как изначальным дуалистическим истолкованием жизни, противопоставляющим простой/естественной *zoē* (с её естественными радостями, общими для всех живых существ) качественно отличающуюся от неё *bios* – жизнь в смысле совершенно определённого способа, или формы, жизни, характерной для индивида или группы.[6] По мнению итальянского философа, само противопоставление натуральной, или простой (*bare*), жизни и жизни политической (здесь – в широком, аристотелевском, смысле, в соответствии с которым человек характеризуется как «политическое животное», т. е. существо, чья жизнь связана с определением норм и принципов совместного проживания с другими людьми) является парадигматическим ходом, обусловившим *всю* историю западной политической мысли: последняя, таков ключевой тезис Агамбена, основывается на *исключении* (*exceptio*) простой жизни (в какой бы форме это ни выражалось)[7].

> «Западная политика не преуспела в конструировании связи между *zoē* и *bios*... Простая жизнь остаётся включённой в политику в форме исключения, то есть как нечто, что включено единственно через исключение».[8]

Здесь не место обсуждать подробнее концепцию Агамбена. Хочу лишь заметить, что белорусская политическая реальность представляет собой такой *case*, который потребовал бы дополнительных интерпретативных усилий для того, чтобы сохранить консистентность агамбеновской теории.[9] Возвращаясь к заданной Аристотелем логике, можно увидеть, что форма жизни, предполагаемая белорусским социальным контрактом, представляет собой определённый способ *политизации zoē*. Последняя имеет два измерения: *во-первых* (в ближней оптике, так сказать), речь идёт о формировании сообщества, ориентирующегося на ценности естественной репродуктивной жизни (трудимся-питаемся-размножаемся); *во-вторых* (в дальней, или структурной, оптике тройственной констелляции), под политизацией имеется в виду установление такого режима государственного управления, который делегирует

---

[6] Agamben G. *Homo sacer. Sovereign Power and Bare Life.* Tr. by D. Heller-Roazen. Stanford Univerity Press, 1998. P. 1.

[7] Основные примеры: различение «ойкоса» и «полиса» в классической античности; различение естественных (пассивных) и политических (активных) гражданских прав в эпоху Французской революции; биополитика национал-социализма; современные лагеря для беженцев.

[8] Agamben, op. cit., p. 11.

[9] Ср. в этой связи критический анализ концепции Агамбена в статье П. Рабинова и Н. Розе: Rabinow P., Rose N. Biopower Today // *BioSocieties*. 2006. № 1. P. 195–217.

полномочия суверенной власти авторитарной «вертикали» именно *постольку, поскольку* благоденствие («свобода и счастье») народа центрируется на ценностях естественной/«дополитической» жизни. В результате, перефразируя Агамбена, можно сказать, что народ участвует в политике государства постольку, поскольку *не* участвует в ней. Будучи кодирован как субъект социально-экономического процветания («Квітней, Беларусь!»), т. е. как население, народ автоматически оказывается пассивным объектом политической опеки, которая обретает черты авторитарного режима именно в той мере, в какой фиксированность на «естественной сладости» *zoē* оборачивается для людей системной *субъекцией*.

4.

Сказанное позволяет увидеть, что для описания белорусской реальности недостаточно понятия социального контракта. Вскрытая нами логика политизации *zoē* даёт основание говорить об определённом варианте *биополитики*, при котором поддержание стабильности в стране достигается благодаря конкретному властному механизму, осуществляющему принцип суверенности. В этой связи авторитаризм проанализирован нами как властный механизм, успешное функционирование которого связано с системным возведением «простой жизни» в статус *формы жизни*, или, как пишет Агамбен, с «нахождением *bios*'a (of) *zoē*»[10]. Суверенная власть в этой констелляции локализуется в руках сил/инстанций/институций, которые на символическом (риторически, законодательно и т. д.) и идеологическом (воображаемом) уровнях воспроизводят *субъекцию*, превращающую народ в население. Появление ника *Бацька* в некотором смысле предопределено в этой биополитической модели и хорошо согласуется с амбивалентной логикой суверенности, описанной когда-то Карлом Шмиттом в классической работе *Политическая теология*.

Согласно Шмитту, суверен – это тот, кто обладает властью временной отмены, или замораживания, силы закона ради национальной безопасности. Другими словами, суверен – это инстанция, обладающая правом провозглашать состояние исключения, т. е. правом по своему усмотрению отменять принятый/действующий закон и на его месте устанавливать новый. Последний хотя и является *нарушением* действующего закона, однако же, признаётся легитимным именно постольку, поскольку исходит от суверена. То есть суверен – такова его парадоксальная амбивалентность – находится одновременно вне и внутри юридического порядка, так как именно суверен вправе решать, должна ли быть суспендирована действующая конституция. Не трудно догадаться, что основным политическим вопросом в этой связи становится вопрос о механизме принятия суверенного решения, или, другими словами, вопрос о том, как формируется инстанция суверенности.

10 Agamben, op. cit., p. 9.

Возведённая в закон незаконность действий властей в связи с событиями 19 декабря[11], включая поразительный произвол в определении меры наказания арестованным демонстрантам и активистам оппозиции, является достаточно яркой демонстрацией и самой логики суверенного решения, и того, каков, собственно, белорусский формат принципа суверенности. Структура тройственной констелляции сохраняет здесь свою силу: правом суверенного решения наделяется «вертикаль власти» (полномочным представителем которой является *лично* Президент) – народ-как-население представляется тем, *ради кого* власть идёт на исключительные меры, – источник угрозы объявляется *инородным* элементом («пятой колонной», «отморозками» и т. п.) в нашем обществе. Все три момента взаимосвязаны. Это означает, в частности, что настойчивое объявление действующей оппозиции политическим *изгоем* прямо связано с тем, что субъектность народа кодируется ценностями «простой жизни». Подобно тому как народ-население участвует в политической жизни посредством *не*участия в ней, так и положение оппозиции характеризуется особой негативной диалектикой: она лишается права на участие в политической жизни именно постольку, поскольку пытается участвовать в таковой, заявляет о себе как контрсиле; образно говоря, в рамках сложившегося механизма власти оппозиция оказывается политическим изгоем уже по факту рождения.

В соответствии с описанной структурной диалектикой, имеющей конкретное исполнение на каждом из трёх полюсов (суверенная власть – народ-как-население – оппозиция-как-изгой), одна и та же позиция суверена будет маркирована по-разному в зависимости от перспективы рассмотрения: с точки зрения аффективной квазиполитической ангажированности народа-населения она закрепляется в означающем «Бацька»; с точки зрения конститутивно неуместных (деструктивных для системы) сил – в облике диктатора. Комплементарность, или структурная взаимосвязь, этих перспектив объясняет, почему власти так ревностно относятся к любой попытке оппозиции выступать от имени народа. Миссия родительской заботы питает и оправдывает политический диктат и как таковая не допускает возможности альтернативной инстанции, представляющей интересы народа, – это разрушило бы сложившийся формат суверенной власти.

В свете сказанного распространённые в литературе сравнения президента Лукашенко с феодалом, а «режима Лукашенко» – со сталинизмом и даже гитлеризмом кажутся вполне предсказуемыми. Однако же, даже при определённой оправданности, они являются довольно грубыми описаниями, поскольку не учитывают как раз

---

11 В этой связи хотелось бы надеяться, что ещё появятся публикации, посвящённые скрупулёзному правовому анализу имевших место нарушений действующего законодательства – этих опознавательных линий, в перешагивании которых проявила себя сложившаяся в Беларуси инстанция суверенности.

особенностей белорусского социального контракта[12], предполагающего, как было показано выше, зависимость суверенной власти от сети взаимных обязательств, устоявшихся конвенций и т. п. – всего того, что принято называть *моральной экономией* общественной жизни. Пытаясь управлять этой моральной экономией, суверенная власть одновременно остаётся одним из её элементов.[13]

post factum

Полгода, которые прошли после декабрьских событий, связаны прежде всего с экономическим кризисом, по-новому заострившим проблему власти в нашей стране. «Китайский путь», ставший новым ориентиром для развития Беларуси, не обещает никаких принципиальных изменений в механизме формирования суверенной власти. Тот факт, что, как показывает пример Китая, экономическая эффективность не привязана к либерально-демократическим преобразованиям, заставляет признать, что структурная трансформация власти в нашей стране возможна только в том случае, если реформаторы (кем бы они ни оказались) будут способны хотя бы в минимально необходимой степени *разделить* ценности той формы жизни, которая сегодня представлена не столько институционально, сколько эмоционально.

---

12 Сюда, разумеется, следовало бы добавить также особенности геополитического и глобализационного контекстов, что осталось вне рамок обсуждения в данной статье.

13 Ср.: Rabinow, Rose, op. cit., p. 202.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕИМУЩЕСТВ ДЕМОКРАТИИ: ГОББС & ЛУКАШЕНКО *vs* АМЕРИКАНСКИЙ ПРАГМАТИЗМ

Андрей Тетёркин[1]

Abstract

In the opinions of many intellectuals nowadays democracy as an ideology has become a single source of the political legitimacy. Even the leaders of contemporary authoritarian governments (e. g. Belarusian president A. Lukashenko) are forced to demonstrate their political regimes as genuine democracies. No doubts, the comprehension of democracy can vary greatly. Accordingly, this article deals with the descriptions of the advantages of democratic society and also addresses the understanding of democracy in the Belarusian context. Analyzing Lukashenko's statements I infer that his view on democratic state resembles T. Hobbes's political ideas: the main advantages of civil condition are the maintenance of social order and the strong possibilities for the survival and the satisfaction of basic needs. This standpoint of the major goals of the state is contrasted to the ideas of American pragmatism (J. Dewey, G.H. Mead), according to which the main task of political regime is to provide the conditions for the fullest development of human self.

Keywords: democracy, authoritarian state, self, satisfaction of desires, social order, liberty, respect, equality, solidarity, creativity.

Согласно экспертным оценкам, в идеологическом плане западная демократия одержала победу над другими формами правления. Сегодня, после краха праворадикальных режимов и советского коммунизма, для либеральной демократии отсутствуют конкурирующие представления об идеальной форме социально-политической жизни.[2] Более того, как отмечает Р. Даль,

---

1 Андрей Тетёркин – магистр философии, лектор академического департамента философии Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

2 См.: Гидденс Э. *Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь.* М.: Весь мир, 2004. С. 83; Held D. *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance.* Polity Press and Stanford University Press, 1995. P. 3; Taylor C. Wieviel Gemeinschaft braucht die Demokratie? // Taylor C. *Wieviel Gemeinschaft braucht die Demokratie? Aufsätze zur politischen Philosophie.* Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2002. S. 11.

«привлекательность демократических идей столь велика, что … деспотические режимы часто маскируются с помощью “демократии” и “выборов”»[3].

То есть даже в странах с авторитарной формой правления всё же имеется ряд демократических институтов и практик (например, проведение регулярных всеобщих выборов); а их правители, сосредоточив бóльшую часть властных полномочий в своих руках, нередко говорят о том, что на самом деле именно их государства более демократичны, чем западные политические сообщества. Здесь можно привести слова первого и единственного президента Республики Беларусь:

«Демократии у нас не меньше, чем у Запада. Про Россию я не говорю. У нас одинаковая демократия. Что у вас, что у нас. Не такая, как у того же Запада. Если надо “квасить” демонстрацию, там никто ни у кого не спрашивает: водомёты, слезоточивый газ. Я даже не всегда в России это вижу. Даже скажу честно, редко это вижу. Единичные факты. У нас в Беларуси этого не было никогда: ни слезоточивого газа, ни водомётов. Тьфу-тьфу, дай Бог, чтобы и никогда не было. Поэтому свобода выражаться, высказываться есть. Только провоцировать власть нельзя».[4]

Правда, после выступления А. Лукашенко 21 апреля 2011, в котором он подверг резкой критике ситуацию «излишней демократии», появились суждения об открытом признании авторитаризма как социального идеала:

«Высказывания Лукашенко на прошлой неделе резко контрастируют с обычной риторикой диктаторских режимов, которые обычно “из кожи вон лезут, чтобы изобразить себя образцом демократии”…»[5].

Однако стоит отметить, что осуждению подвергся лишь режим «супердемократии» (действовавший в период президентских выборов 2010 г.)[6], но сама идея демократии как таковая не отвергалась. Конечно, подобное согласие на словах с демократическими идеалами является формой лицемерия, к которому вынуждены прибегать недемократические лидеры, но сам этот факт свидетель-

---

[3] Даль Р. *О демократии.* М.: Аспект пресс, 2000. С. 52.

[4] *Пресс-конференция Президента А.Г. Лукашенко российским СМИ* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.president.gov.by/press99106.html.

[5] Добсон У.Д. *Подлинное отношение Лукашенко к демократии не стало сюрпризом* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.inopressa.ru/article/28apr2011/wp/belsrus1.html.

[6] А. Лукашенко: «А в период супердемократии, вот в этот президентский период, я категорически запретил какие-то барьеры и препятствия возводить. Где хотите – собирайте подписи. Что хотите – пишите и говорите. … Говорите: не закрываем, не запрещаем. После выборов поговорим с вами»; см.: *Пресс-конференция Президента А.Г. Лукашенко российским СМИ.*

ствует о том, что на сегодняшний день ***демократия стала единственной формой политической легитимации***. Все законы, политические нормы, идеологии и практики являются оправданными лишь тогда, когда хотя бы получают ярлык «демократические».

На фоне этого единодушия логичным является вопрос о том, почему демократия обладает столь внушительным символическим капиталом. Соответственно, ***рассмотрение вопроса о том, какие преимущества обещает нам демократическая форма власти, и является основной темой данного текста***. Решение данной задачи осуществляется следующим образом.

1. Рассмотрение вопроса о преимуществах демократии будет осуществляться целостным образом, т. е. рассмотрению подлежит не только аспект политической эффективности данной формы политической жизни, но, прежде всего, её влияние на жизнь индивидуального субъекта, на возможности позитивной самореализации. Поэтому анализ плюсов демократической формы правления предваряется философско-антропологическими экскурсами по поводу природы человека.

2. В данной статье представлены две различные точки зрения: согласно первой демократия не обладает никакими преимуществами и ничем не лучше других форм правления; в таком случае (вербальное) следование демократическим идеалам в нынешней ситуации является лишь вынужденным шагом. Согласно же второй точке зрения демократия является воплощением идеала подлинной социально-политической жизни. Для выражения этой позиции используются, прежде всего, идеи представителей американского прагматизма (Дж.Г. Мида и Дж. Дьюи) как наиболее полно осуществивших апологию демократии. Артикуляция же первой позиции происходит путём обращения к концепции Т. Гоббса, выбор которой также обусловлен предположением, что идеи этого автора помогут выявить логику рассуждений авторитарных деятелей (что будет сделано на примере А. Лукашенко).[7]

---

[7] В данном тексте также делается попытка продолжить проект В. Фурса по анализу официальных идей о белорусской модели народовластия «в свете современных представлений о демократии»; см. Фурс В. «Власть народа»: современные представления о демократии и белорусская модель «народовластия» // *Топос*. 2006. № 2(13). С. 15–24. Помимо использования других подходов (прежде всего, акцент на философско-антропологический и этический ракурсы, в статье также указывается на то, что рассуждения о природе демократии со стороны белорусской официальной власти вполне могли бы быть адекватными и современными (а не «перверсивными»), если бы в своё время на Западе либерально-демократические учения не вытеснили антропологические и политические представления наподобие гоббсианских.

«Свобода одинакова как в монархическом, так и в демократическом государстве»[8]

Рассмотрим на примере *Левиафана* Гоббса точку зрения, из которой не видны особые преимущества демократической формы власти.

Итак, в чём же заключается человеческая природа и каким образом это определение сказывается на понимании специфики демократического способа правления? Гоббс традиционно понимает человека *как рациональное животное*. При этом решающую роль играют именно влечения и желания человека, по отношению к которым мысли выступают лишь «разведчиками и лазутчиками, ищущими путей к желаемым вещам»[9]. Что касается содержания человеческих желаний, то это может быть жажда власти, богатства, почестей и знания. Однако ***все виды желания могут быть сведены к одному – к желанию власти или могущества (power).***[10] Само же ***могущество (власть)***, в достижении которого и заключается смысл человеческой жизни, – это ***совокупность наличных средств, позволяющих человеку обрести то или иное благо***. В качестве примеров могущества Гоббс приводит наличие необычайной физической силы, красоты, благоразумия, ловкости, красноречия, богатства, хорошей репутации и популярности, многочисленных слуг и друзей. Всё это – только средства, использование которых позволяет человеку достигать объектов своих страстей.[11]

Следующим важным положением теории Гоббса является указание на то, что *реализация человеческих желаний не основывается на заранее определённой программе действий*. Это, *во-первых*, означает отсутствие определённых предметов желания, достигнув которых человек окончательно удовлетворит свои страсти и влечения. Для человека нет высшего блага, и вся жизнь представляет собой бесконечное движение от одного объекта желания к другому, пока этот процесс не остановится смертью. *Во-вторых*, речь идёт об отсутствии определённой системы естественного распределения благ между людьми. Несмотря на различия в интеллектуальных и физических возможностях, каждый субъект считает себя вправе претендовать на все те предметы, которые становятся объектами его влечений. Всё это является причиной того, что по природе *человек склонен к постоянной конкуренции со своими ближними*, которая часто принимает агрессивные и насильственные формы. При этом конкуренция и жажда наживы не являются единственными причинами насильственного поведения. Даже если человек

---

8 Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. *Сочинения в 2-х тт.* Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 167.

9 Гоббс, указ. соч., с. 56.

10 Там же, с. 55, 63, 74.

11 Например, «красота есть могущество, ибо, являясь обещанием блага, она привлекает к мужчинам любовь женщин и малознакомых людей» (Гоббс, указ. соч., с. 66).

не стремится к расширению своих богатств и владений, то другими причинами агрессивного отношения могут стать недоверие по отношению к намерениям других людей и жажда славы. Все эти причины приводят к тому, что в естественном (догосударственном) состоянии царит беспощадная борьба между людьми, «состояние войны всех против всех»[12].

Возможно, такая точка зрения на природу человека покажется излишне мрачной и несправедливой, но у Гоббса на этот счёт есть следующий железный аргумент: если кто-то отрицает принцип «человек человеку волк», то почему тогда, несмотря на наличие органов правопорядка, он или она постоянно предпринимают дополнительные меры по обеспечению собственной безопасности?[13] В то же время демонстрация злой природы человека не является последним словом английского мыслителя. К счастью, под влиянием страха смерти и рациональной способности люди повсеместно стремятся избегать негативных аспектов дополитической жизни и пытаются организовать мирную жизнь в рамках государственных образований.

Создание государства происходит тогда, когда определённому кругу лиц передаются властные полномочия для управления обществом и достижения общественной безопасности и мира. Субъект с верховной властью становится сувереном, а все остальные – его подданными.[14] При этом если сувереном является одно лицо, то данное государство именуется *монархией*; если несколько – *аристократией*, а если бо́льшая часть населения обладает верховной властью, то мы имеем случай *демократии*.[15] Соответственно, мы можем обратиться к главному вопросу о том, обладает ли в этом случае демократия определёнными преимуществами. Как уже отмечалось выше, Гоббс на этот вопрос отвечает отрицательным образом. Дело в том, что для обеспечения стабильного существования государства необходимы следующие меры.

1. Суверенная власть должна стать независимой от своих подданных. То есть последние подчиняются всем постановлениям своего суверена и не могут критиковать и протестовать против его решений, а также подвергать его наказаниям или сменять уже установленную форму правления.[16] Эти правила относятся и к возможным случаям правовых нарушений со стороны суверена: *законы существуют только для подданных, а не для верховных правителей.*

---

12 Гоббс, указ. соч., с. 93–96.

13 «Какое же мнение имеет он о своих согорожанах, запирая свои двери, о своих детях и слугах, запирая свои ящики? Разве он не в такой же мере обвиняет человеческой род своими действиями, как и моими словами?» (Гоббс, указ. соч., с. 96).

14 Гоббс, указ. соч., с. 133.

15 Там же, с. 144.

16 Гоббс, указ. соч., с. 134–137.

> «...мнение, противоречащее природе государства, сводится к тому, что тот, кто имеет верховную власть, подчинён гражданским законам. ... Вышеуказанное ошибочное мнение, ставя законы над сувереном, тем самым ставит над ним и судью, а также власть, которая может его наказывать, но это значит делать нового суверена, и на том же основании – третьего, чтобы наказывать второго, и так дальше до бесконечности, что должно вести к разрушению и разложению государства».[17]

Конечно, это неизбежно приводит к тому, что в государстве *всегда будет существовать коррумпированное правительство*, постоянно нарушающее законы и права собственности обычных людей. Однако следует иметь в виду, что виновниками этого неблагоприятного состояния являются сами граждане:

> «...упорная скаредность самих подданных, неохотно идущих на материальные жертвы для своей собственной защиты, ставит их правителей перед необходимостью извлечь из них всё, что можно, в мирное время, с тем чтобы иметь средства в случае крайней или внезапной необходимости для организации сопротивления или победы над своими врагами»[18].

2. В руках суверена должна быть сосредоточена вся полнота власти: законодательная, исполнительная и судебная. Те, кто обладает верховной властью, также решают вопрос о том, какое поведение является достойным или недостойным, а заодно исполняют роль цензоров публичных мнений, мировоззрений и идеологий на предмет того, способствуют ли они поддержанию общественного порядка или нет.[19]

Указанные меры должны быть в точности выполнены в любом политическом сообществе, иначе возникает риск вновь вернуться к естественному состоянию непрерывной борьбы и насилия. В этой ситуации получается, что *демократия отличается от других форм правления только в количественном отношении*: по количеству лиц, которым принадлежит верховная власть. Что касается других аспектов, то в демократических государствах власть осуществляется аналогичным, т. е. авторитарным, образом, а граждане также строго подчиняются собственным законам и императивам соблюдения общественного порядка. Поэтому степень свободы и подчинённости гражданских лиц одинакова при всех политических режимах.

---

17 Гоббс, указ. соч., с. 253.

18 Там же, с. 143.

19 Правда, может возникнуть такая любопытная ситуация, при которой «в государстве, где вследствие небрежности или неловкости правителей или учителей с течением времени стали общепринятыми ложные учения, противоположные истины могут оказаться вредными», а значит, они должны быть запрещены (Гоббс, указ. соч., с. 138).

Ведь что такое свобода? Ключевая характеристика свободы – это *«absence of opposition»*[20], что обычно переводится как «отсутствие сопротивления», а не, например, «отсутствие оппозиции». ***Свобода как «absence of opposition» – это свобода от внешних преград, которые мешают нам достичь желаемых целей;*** и такой свободой обладает в обществе лишь суверен. Ведь его власть в государстве должна быть абсолютной, в том числе и никому, кроме Бога, не подотчётной. Единственным ограничением для верховной власти является необходимость обеспечить подданным возможность физического выживания, которого люди лишены в естественном состоянии.[21] В других случаях (когда не ставится вопрос жизни и смерти) граждане должны смириться с «несправедливыми» или «незаконными» действиями суверена. В противном случае они будут возвращены в естественное состояние и с ними будут разбираться по принципам войны всех против всех. В таком случае свободу подданных следует понимать в следующем смысле: в отличие от свободы верховного правителя *свобода подданных проистекает «из умолчания закона»* (т. е. представляет собой свободу выполнять те действия, которые не запрещены законом) и может принимать следующие формы:

> «…свобода покупать и продавать и иным образом заключать договоры друг с другом, выбирать своё местопребывание, пищу, образ жизни, наставлять детей по своему усмотрению и т. д.»[22].

Поэтому благополучие государства зависит не от особенностей той или иной формы правления, а исключительно от послушания подданных. Отсюда главная задача для общества заключается в том, чтобы сохранить исконные политические традиции и не допустить чужеродного влияния.

> «Это стремление к изменению существующей в государстве формы правления есть как бы нарушение первой заповеди Бога, которая гласит: *non habebis Deos alienos* – да не будет у тебя Богов других народов; а в другом месте Бог говорит о царях, что они Боги».[23]

Подводя итог рассмотрения концепции Гоббса, можно отметить, что, несмотря на солидный возраст, она не потеряла своей актуальности в современной действительности и может быть использована для оправдания авторитарных форм государственной власти. В качестве доказательства приведём ряд высказываний А. Лукашенко, логика которых весьма близка антропологическим и политическим представлениям Гоббса.

---

20 Hobbes T. Leviathan. Ch. XXI: Of the liberty of subjects // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://oregonstate.edu/instruct/phl302/texts/hobbes/leviathan-contents.html.

21 Гоббс, указ. соч., с. 168–173.

22 Там же, с. 165.

23 Там же, с. 264.

А. Прежде всего, задействуется описание грандиозных бедствий и массового беспредела, в которые ввергается общество в отсутствие сильной власти. При этом преодолеть это состояние хаоса само гражданское общество никак не способно; и только чудесное появление нового суверена спасает ситуацию.

> «Как только рухнули привычные институты, их место мгновенно заполнили криминальные группировки. Они захватывали не только целые предприятия, но и регионы. Становились не теневой, а самой настоящей властью, заставляя общество жить по своим понятиям. В середине 1990-х годов нам пришлось власть воссоздавать буквально из пепла. И вовсе не из-за того, что так уж хотелось над кем-то повластвовать. Другого пути просто не было. Надежды на частную инициативу граждан, самоорганизацию общества и саморазвитие экономики тогда не было. Нищие люди, закрытые или стоящие на грани банкротства предприятия, сбитое с толку общество, растерянная интеллигенция, изгнанные из лабораторий на вещевые рынки научные работники – разве можно было требовать от кого-то из них стать локомотивом, который бы вывел общество из кризиса?»[24]

Б. Пережив свой вариант войны *всех против всех* в лихие 1990-е, белорусское общество должно ставить перед собой первостепенную задачу обеспечения порядка и стабильности (главное, чтобы не было войны всех против всех) на основе сильной государственной власти.

> «Поэтому для Беларуси не подходит трактовка роли государства как “ночного сторожа” и пассивного наблюдателя, живущего лишь за счёт налогов. Мы сделали ставку на сильное государство, которое взяло на себя ответственность за очень многие сферы, и пока ни разу об этом не пожалели»[25].

Как показывает опыт, любое послабление в этой сфере приводит к негативным последствиям, поскольку в таком случае открывается клапан для выхода агрессивных влечений индивида. Это и произошло в период «супердемократии»: «массовые беспорядки» и «штурм» здания правительства 19 декабря, теракт 11 апреля – вот к чему приходит гражданское сообщество, оставленное без административной опеки государства. *«Мы сами создали ту атмосферу в обществе, плоды которой сегодня пожинаем»*, – считает Александр Лукашенко. По мнению президента, именно «излишняя демократия» привела к трагическим событиям. Как полагает Лука-

---

[24] *Двадцать четвёртого сентября Александр Лукашенко выступил перед студентами и преподавателями Академии управления* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.president.gov.by/press98255.html.

[25] Там же.

шенко, некоторые люди, глядя на экраны телевизоров, решили, что «сегодня всё можно»[26].

В. Далее, указанная фундаментальная цель (достижение *Порядка* и *Стабильности*) является единственной задачей, которую может ставить перед собой любое политическое сообщество. При этом получается, что между существующими режимами есть различия только в политической риторике; в реальности же все без исключения проводят единую политику по обеспечению порядка и борются с любыми проявлениями беззакония. Поэтому между западными демократиями и другими странами нет особых качественных различий и отсюда бессмысленно стремиться к смене власти и пытаться улучшить своё государство в соответствии с западными или иными образцами.

> «И мы видим, как сегодня ведущие государства, которые нас поучают демократии, действуют в управлении обществом и не брезгуют чрезвычайщиной. Вспомните французские события, когда в кольце оказался Париж – прекрасный город, глядя на который мы ахаем и охаем. Когда пылали и горели здания, сооружения и автомобили. Они на что пошли? Они пошли на введение чрезвычайного положения. И это – оплот демократии в мире. Они знали, что им нужно сохранить страну и надо сохранить свой народ. Как только доходит до нас – любое наше телодвижение по наведению порядка в нашей стране воспринимается с воем и гвалтом, которые отражаются в умах и сердцах наших доморощенных нацменов, оппозиционеров».[27]

Г. В этой ситуации единственное обязательство государственной власти перед своими гражданами – это сохранение их жизни (реализация права на жизнь) и обеспечение удовлетворения основных инстинктов и базовых физиологических желаний. Поэтому не следует рассчитывать на что-то большее и возвышенное.

> «Нам такая демократия с гвалтом не надо. Нам демократия надо, когда человек работает, получает хоть какую-то зарплату, чтобы и хлебушка купить, молочка, сметаны, творожку, иногда кусочек мяса, чтобы накормить ребёнка и так далее»[28].
>
> «Демократия, если просто говорить – это то состояние общества, когда женщина, например, может чувствовать себя женщиной: выйти замуж, создать семью, гарантированно и спокойно родить детей, воспитывать их, иметь возможность дать им образование. Вот суть демократии. … Права человека? Какие права человека? Они только говорят о митингах и демонстрациях. Всё. Мы с вами в школе учили и в

---

[26] *А. Лукашенко: «Никакой безнаказанности мы не допустим, чтобы не плодить новые преступления»* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://news.tut.by/224286.html.

[27] Доклад Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на III Всебелорусском народном собрании // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.president.gov.by/press24121.html.

[28] А. Лукашэнка. З размовы з рабочымі Менскага аўтазаводу // *Навіны*. 1998. 28 траўня.

вузах нас учили, что такое права человека. Я вам перечислял. Право на жизнь – это главное право. Если оно присутствует, если государство не просто гарантирует, а свято это право соблюдает, то это великое благо. А в остальном живи так, чтобы ты не зацепил плечом другого человека»[29].

Также стоит подчеркнуть, что при обсуждении обязательств государства перед своими подданными важно обесценить идею демократии как особого позитивного состояния общества: нужно дать такую дефиницию демократии, что окажется, что у всех она есть всегда и везде и в то же время никогда и нигде.

> «Я не молодой политик и президент, я увидел весь мир – нигде нет демократии в производстве. Там железная диктатура, где есть производство! ... А демократия – закончил работу, перешёл проходную, иди в магазин и думай, что здесь рядом люди. Поэтому твоя демократия на том квадратном метре, где ты стоишь. Зацепил плечом человека – демократия кончилась, там интересы другого человека. Домой пришёл – ты свободен. Нет жены, детей – полная демократия. Хоть на голове стой. Пришла жена домой – всё, твоя свобода ограничена. Дети пришли и начинают тормошить – тоже».[30]

Д. Конечно, при сильной государственной власти, в рамках которой верховным правителям предоставлена свобода в форме *absence of opposition*, неизбежны проявления произвола со стороны суверена. Например, можно изменить дату рождения или не соблюдать правовые нормы и процедуры (как при регистрации своей кандидатуры на президентских выборах), можно «квасить» акции протеста 19 декабря или корректировать результаты голосования 2006 г. (хотя и в направлении понижения количества полученных на выборах голосов избирателей). Но самое главное состоит в том, чтобы эти действия не привели к массовому вымиранию населения; люди получают хоть какую-то зарплату, а женщины, со своей стороны, чувствуют себя женщинами (спокойно выходят замуж и гарантированно рожают детей) и т. д. – значит, никаких претензий к государству быть не может: свои обязательства перед подданными оно строго выполняет:

> «Избрали Президента – у него есть полномочия, и он будет действовать согласно полномочиям своим: чтобы не было преступности, чтобы было безопасно, чтобы был кусок хлеба на столе, чтобы дать людям возможность заработать. Всё очень просто»[31].

Е. Наконец, стоит признать, что в жестоком окружающем мире, обусловленном злой природой человека, невозможно полностью

---

[29] Пресс-конференция Президента А.Г. Лукашенко российским СМИ.

[30] *А. Лукашенко: «Домой пришёл, нет жены, детей – полная демократия. Пришла жена – всё, твоя свобода ограничена»* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://news.tut.by/politics/224299.html.

[31] Пресс-конференция Президента А.Г. Лукашенко российским СМИ.

избежать кризисных моментов и проявления насилия. Поэтому необходимо продемонстрировать, что данные события носят лишь эпизодический характер, иначе легитимность верховной власти может быть поставлена под вопрос.

> «Но не может вот этот островок наш быть вот таким беленьким и пушистым всё время, когда вокруг что-то рвётся. Ну не может же так быть. Когда идёт корабль по морю, а вокруг взрываются эти мины, ну где гарантия, что этот корабль не зацепит? Вот так произошло и с нами. Зацепило корабль».[32]
>
> «В этом плане хочу сказать: мы были стабильными и спокойными и будем, чего бы нам это ни стоило. Нет у нас почвы для того, чтобы были эти террористические акты. И этот теракт показывает, что это не системно».[33]

Демократия как идеал социальной жизни

Обратимся теперь к рассмотрению альтернативной точки зрения на возможности демократической формы власти. Необходимость этого шага диктуется следующими критическими замечаниями в адрес рассуждений, представленных в первой части.

1. Насколько представленное описание человека как эгоцентричного злого существа является универсально значимым? Так, например, Дж. Локк усматривал в субъекте наличие разума, который позволяет каждому осознать равенство всех людей и усвоить фундаментальный этический принцип: не наносить «ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого»[34]. Тот способ действия, который представил Гоббс как воплощение человеческой природы, является лишь преступной манерой поведения. Отсюда возникает вопрос, насколько оправдано делать подобные выводы о человеческой сути и принуждать всех жить в авторитарном государстве на основе действий определённого круга лиц и определённых социальных обстоятельств?[35]

---

32 *А. Лукашенко: «Зацепило корабль», но «нас Бог пожалел»* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://news.tut.by/tragedy/223716.html.

33 А. Лукашенко – оппозиции: *Хотите лоб в лоб со мной сразиться, выходите на футбольную, на хоккейную площадку* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://news.tut.by/politics/223694.html.

34 Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. *Сочинения: В 3-х тт.* М.: Мысль, 1988. С. 265.

35 Часто указывают на следующие социальные трансформации, которые оказали воздействие на возникновение идей Гоббса. В Новое время под влиянием различных факторов (возникновение новых способов производства и торговли, разрушение сословного порядка, конфессиональный раскол и повсеместная секуляризация общественной жизни, массовые миграции и ускорение процессов урбанизации) большая часть населения была вырвана из небольших замкнутых сельских и городских общин и превратилась в подвижную и разобщённую массу чужаков, зачастую лишённую общих нравственных обычаев и объединённую лишь экономической взаимозависимостью и политическим

2. Далее, насколько предложенный вариант решения проблемы насилия в обществе путём предоставления абсолютной власти суверену является приемлемым? Опять же можно привести возражение Локка:

> «Что это за правление и насколько оно лучше естественного состояния, когда один человек, повелевая множеством людей, волен быть судьёй в своём собственном деле и может поступать в отношении всех своих подданных, как ему заблагорассудится, причём никто не имеет ни малейшего права ставить под сомнение правоту или проверять тех, кто осуществляет его прихоть? ... А ведь в естественном состоянии, где люди не должны покоряться несправедливой воле другого, положение обстоит гораздо лучше...»[36].

3. Наконец, можно задаться вопросом, насколько представленное описание форм автономии и самореализации соответствует потенциалу человека? Достаточны ли для возможностей развития индивидуального субъекта те социальные условия, при которых он или она лишь выбирают пищу и место жительства, производят потомство и пользуются своей свободой на одном квадратном метре, которое занимает собственное тело (во всём остальном существует лишь диктатура: на работе благодаря «андроповщине», дома благодаря жене и детям; в публичном пространстве благодаря государственной власти, которую никак нельзя провоцировать)?

Итак, для выражения альтернативного подхода за основу мы возьмём *идеи американского прагматизма* (Дж.Г. Мид и Дж. Дьюи), которые по необходимости будут дополняться взглядами других авторов. В качестве же основания такого выбора можно привести слова немецкого социолога Х. Йоаса:

> «Как бы я ни симпатизировал немецкой герменевтике, марксизму и христианским идеям, все они были скомпрометированы в моих глазах своим приспособленчеством по отношению к недемократическим политическим движениям и системам. В прагматизме же, каза-

---

принуждением. Реакцией на это положение стало новое понимание человеческой природы: если со времён античности человек определялся как политическое животное, для которого самореализация состоит в осуществлении общезначимых социальных целей, то теперь человек стал пониматься как эгоцентричное существо, находящееся в перманентных враждебных отношениях с другими индивидами. Одним из выразителей подобной точки зрения (наряду с Н. Макиавелли) и стал Т. Гоббс (см.: Honneth A. *Kampf um Anerkennung. Zur moralischer Grammatik sozialer Konflikte.* Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1992. S. 13–19). Возможно, процессы глобализации, которые дестабилизируют прежние формы социальной интеграции (ср. «одной из отличительных черт нового опыта нестабильности является обострение конфликтов легитимности: игроки, сталкиваясь в политическом противоборстве, ввиду взаимной чуждости не воспринимают друг друга как легитимных партнёров по взаимодействию и с лёгкостью переходят к насилию для разрешения конфликта»; см.: Фурс, указ. соч., с. 18), и создают сегодня почву для появления неогоббсианских представлений.

36 Локк, указ. соч., с. 269.

лось, сам идеал демократии принял форму философской системы, т. е. имелись в виду не личные политические взгляды и позиции мыслителей, а выражение такой картины мира и человека, которая соответствовала самой сути демократии»[37].

Одной из главных идей данной парадигмы[38] является указание на фундаментальную зависимость самореализации индивида от позитивных реакций со стороны его окружения, признание которого образует необходимый базис для индивидуальной практики. Данный тезис можно проиллюстрировать знаменитым положением Мида о том, что *человек начинает воспринимать себя самого только путём принятия установок других индивидов по отношению к себе.*[39] Например, одной из первых форм идентичности является понимание себя как ребёнка определённого возраста и пола. Однако такой способ самосознания становится возможным лишь потому, что к данному субъекту именно таким способом относится его окружение (родители), усвоение установок которого и образует первую форму самосознания. В дальнейшем, в ходе своего развития, индивид вовлекается в другие формы взаимоотношений и сталкивается с новыми способами признания со стороны других людей, тем самым расширяя своё представление о себе и своём месте в обществе.

Таким образом, *человек изначально вовлечён во взаимодействие с другими членами общества, что требует постоянных процессов принятия установок других субъектов и координации своего поведения на основании коммуникативной практики*. При этом решающим моментом в развитии индивидуальной самости является возможность не только принимать точку зрения ближайших партнёров по коммуникации (на языке Мида, *принятие точки зрения «значимых других»*), но и ориентироваться на жизненные перспективы чуждых ему групп и регулировать своё поведение с незнакомыми людьми на основании социально обобщённых (институционализированных) способов действия. Поэтому, с точки зрения Мида, ориентация индивида исключительно на ближайшее окружение и неспособность следовать основным правовым и нравственным нормам и процедурам представляют собой социальный патологический факт. Это является выражением или *установки преступника*, который игнорирует права и

---

37 Йоас Х. *Креативность действия.* СПб.: Алетейя, 2005. С. 5.

38 При рассмотрении идей американского прагматизма следует иметь в виду распространенные предрассудки, которые затрудняют адекватный анализ данного направления. Например, «в Европе, особенно ввиду антиамериканских настроений, эти нападки интерпретировались таким образом, как если бы прагматистская теория истины являлась саморазоблачением торгашеского духа, враждебного любой философии и науке. В этом ложном обвинении сошлись национально-консервативные и “левые” критики» (Йоас, указ. соч., с. 6)

39 Mead G.H. *Mind Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*; Section 18 // [Electronic resource] Mode of access: http://www.brocku.ca/MeadProject/Mead/pubs2/mindself/Mead_1934_toc.html.

интересы членов других социальных групп; или *установки имбецила*, который в силу психологических и когнитивных трудностей не способен выстраивать отношения с незнакомыми людьми на основании общих правил и ценностей. Соответственно, расширение горизонта социальной перспективы и *принятие точки зрения «обобщённого другого» (точки зрения институтов)* являются показателями формирования взрослой, полностью развитой самости.[40]

До сих пор речь шла только о социально определённом компоненте личности, которую Мид обозначил термином *«the Me»* («социальное *Я*»). Однако этот компонент самости, репрезентирующий групповые ценности и играющий роль морального цензора, не исчерпывает всю полноту индивидуальной жизни. Поэтому Мид вводит понятие *«the I»* («индивидуальное *Я*») для обозначения возможности спонтанного поведения и реализации индивидуальных особенностей.[41] Данный аспект личностного существования возникает в ответ на социальные императивы и проявляется в различных формах отклонения от установленных образцов социального поведения: это могут быть ошибочные действия, антисоциальное («преступное») поведение или, напротив, оригинальное творчество, которое обогатит социальную жизнь.

Наличие у каждого человека такой формы самости, как *I*, отражает тот факт, что, несмотря на все жёсткие попытки социального контроля, *индивида нельзя полностью превратить в исчислимое и подчинённое существо, которое будет в точности воспроизводить уже готовые шаблоны действий*. Поэтому главное – это стремиться не к подавлению этого аспекта путём авторитарных мер, а способствовать тому, чтобы импульсивное поведение субъекта принимало творческие, а не асоциальные формы. Это может быть достигнуто только тогда, когда индивид сохраняет баланс между своими компонентами самости (*Me* и *I*), т. е. когда при совершении креативных действий не теряется способность воспринимать точку зрения других людей и ориентироваться на общие интересы и ценности.

---

40 Mead, op. cit., sections 20, 34. Этот аспект теории Мида следует особенно подчеркнуть, поскольку в континентальной интеллектуальной традиции большое влияние приобрели те концепции интерсубъективности, которые настолько подчеркивают значимость непосредственных взаимоотношений, что все остальные социальные связи претерпели своего рода «демонизацию». Близкие персональные контакты в форме *Я–Ты* или лицом-к-лицу рассматриваются как единственные подлинные взаимоотношения между субъектами, разворачивающиеся на фоне преобладающих в современном мире деперсонализированных объективирующих отношений в форме *Я–Оно* или *das Man*. По этому поводу см. также: Honneth A. On the destructive power of the third: Gadamer and Heidegger's doctrine of intersubjectivity // *Philosophy & Social Criticism*. 2003. Vol. 29(1).

41 Mead, op. cit., sections 22, 27.

«Учится быть человеком значит вырабатывать в себе при помощи коммуникативной обратной связи самосознание индивидуально неповторимого члена сообщества»[42].

Здесь необходимо иметь в виду, что ***творческая самореализация индивида имеет исключительно социальный характер***. Человек становится творческой личностью только тогда, когда его инновации получают признание со стороны других членов общества: у каждого художника или писателя, как говорит Мид, должна быть своя аудитория. Поэтому индивиды, которые обнаруживают социальные ограничения своей креативности, стремятся обрести признание альтернативного видения мира не путём бегства из общества ради одинокого наслаждения своими произведениями, а путём установления такой формы общества, в которой нашлось бы место их творческим продуктам и действиям.

«Индивиды оказываются стеснены, угнетены тем обстоятельством, что их потенциальные возможности поглощаются какой-либо институционализированной и достигшей господствующего положения формой ассоциации. Возможно, им кажется, что они требуют свободы лишь для себя самих, на деле же они добиваются более полной свободы участия в других ассоциациях, благодаря чему будет раскрепощён индивидуальный потенциал каждого и обогащён личный опыт любого из индивидов. Жизнь была обеднена не вследствие господства над индивидом "общества" вообще, а из-за господства надо всеми реально существующими и всеми возможными формами ассоциации какой-то одной формы – семьи, клана, церкви, экономических институтов»[43].

Таким образом, если в теории Гоббса государство создаётся ради подавления изначальных агрессивных импульсов человеческой души, то в *концепции американского прагматизма* политический режим должен создать условия для развития тех черт человеческой природы, которые отличают её от животного состояния

42 См.: Дьюи Дж. *Общество и его проблемы.* М.: Идея-пресс, 2002. С. 113. Это положение американского прагматизма, которое имело большое значение для формирования современных коммуникативных теорий (например Ю. Хабермаса), также стоит подчеркнуть. «Американская классическая мысль … избегает конфликта двух альтернатив – мыслить индивидов или только как исполнителей заранее предопределённых процессов мировой истории, или, наоборот, как единственную инстанцию, способную вершить историю. Великие персоналии трактуются здесь скорее как инноваторы, которые креативно выражают коллективно установленный смысл. Инновативный индивид в этой мыслительной традиции отклоняется от традиционных самоочевидностей в когнитивном и нормативном отношении, но при этом отстаивает своё новое видение мира с помощью аргументов. Коллектив может или отказаться от этих аргументов, или прислушаться к ним. Решающим здесь является то, что предполагается дискурсивное отношение между инноватором и коллективом» (Йоас, указ. соч., с. 58).

43 Там же, с. 141.

в лучшую сторону: способность к формированию уважительных и солидарных отношений с широким кругом субъектов, к развитию в себе уникальной и творческой личности. Это и подчёркивает Дьюи в своём определении демократии:

> «В индивидуальном плане демократия заключается в том, что каждый человек обладает своей мерой ответственности в деле формирования образа действий своей группы и управления её поведением, а также в том, чтобы по мере необходимости разделять защищаемые группой ценности».
>
> «А в групповом аспекте демократия означает высвобождение потенций индивидуальных членов группы, осуществляемое в гармонии с общими интересами и на благо всей группы»[44].

Разберём подробно, каким образом это становится возможным.

Итак, как отмечалось выше, одной из главных особенностей человеческой деятельности является выхождение за пределы ближайшего круга знакомых и формирование солидарных и кооперативных отношений с незнакомыми людьми. Принимая установку «обобщённого другого», субъекты оказываются способными к созданию *«универсального общества», в котором индивиды взаимодействуют на основе общего языка и общих интересов и взаимно признают друг друга как полноценных социальных партнёров*. Исторически формы универсальности в обществе создавались различными способами: торговля, мировые религии, философия и науки способствовали формированию отношений между широким кругом субъектов, которые изначально были разделены языковыми, этническими, политическими, пространственными и временн*ы*ми границами.[45] Реализация же *универсального сообщества* в сфере политики стала возможной в связи с *возникновением демократической формы власти*. Как отмечает Мид, до возникновения демократии между членами различных социальных групп господствовала или ***установка абсолютной вражды***, в результате следования которой чужие индивиды должны физически уничтожаться, или ***установка доминирования***, которая способствовала формированию иерархических отношений между субъектами. В последнем случае это приводило к формированию общества, основанного на кастовых или сословных различиях. Особенностью данной социальной формы явилось формирование отношений господства одной группы населения над другой путём эксплуатации и подчинения одних субъектов другим.

Возникновение демократии можно признать поворотным пунктом в истории человечества, который способствовал появлению совершенно *новой формы отношений между людьми, основанной на принципах свободы и равноправия*. Если в недемократических обществах различного рода занятия выстраивались по иерархической шкале (как правило, на самом верху оказывались

44 Дьюи, указ. соч., с. 108.
45 Mead, op. cit., section 36.

военные и религиозные профессии), то в демократических сообществах провозглашалось равенство возможностей в деле реализации общих ценностей и интересов. Если недемократические формы правления приводят к формированию замкнутых социальных групп (например, военной аристократии), которым нет дела до проблем и интересов других социальных объединений, то демократия способствует *формированию функциональной специализации, основанной на демократическом разделении труда*. Особенностью последней является справедливое признание самых разных способов деятельности и обеспечение солидарных отношений между индивидами (в том числе, и в форме взаимной помощи).

Поэтому в недемократических социумах большую роль в интеграции сообщества (помимо физического и экономического принуждения) играет личность верховного правителя: в условиях радикальной разобщённости ценностей и чуждости интересов единственный способ осознания общности – это персона суверена, чьими подданными являются все остальные члены социума. Соответственно, в демократическом обществе ведущую роль играют не личные особенности тех или иных правителей, а общественные ценности, ради осуществления которых и избираются политические лидеры.[46]

Последнее обстоятельство позволяет говорить о преимуществах демократии не только с индивидуальной, но и с коллективной точки зрения. Этот момент необходимо подчеркнуть, поскольку при определении плюсов демократии чаще всего задействуется перспектива индивидуального субъекта. Например, Р. Даль приводит следующие преимущества демократической власти: защита от жестоких и аморальных диктаторов, обеспечение максимальных возможностей для развития личности и моральной ответственности, для личной свободы и самоопределения; предоставление механизмов защиты основополагающих интересов и реализация политического равенства.[47] Однако формирование демократического общества не следует понимать лишь как средство защиты индивида от социальных порядков; вовлечение в демократическую практику, полностью раскрывающую потенциал коллективной жизни, само по себе является целью для субъекта.

> «В концептуальном плане демократия не является альтернативой другим принципам жизни ассоциаций. Ведь она есть не что иное, как

---

46 Mead, op. cit., sections 40, 41. Указанное последнее разграничение между недемократическим и демократическим методом управления можно также проиллюстрировать следующим лингвистическим примером. Если русское слово «государство» происходит от слова «государь» (правитель, господин, глава семьи, хозяин), то есть главный признак государства – это наличие государя-хозяина, то английское слово *commonwealth* (государство, буквальный перевод «общее богатство») призвано отразить то представление, что государство создаётся ради общих интересов и ценностных представлений.

47 Даль, указ. соч., с. 49–59.

концептуальное представление о жизни в сообществе. ... Сообщество налицо везде, где имеется совместная деятельность людей, последствия которой оцениваются её индивидуальными участниками как благие... Ясное сознание того, что представляет собой жизнь в ассоциации во всех её аспектах, и составляет идею демократии»[48].

Таким образом, спецификой демократического общества является формирование солидарных и кооперативных отношений, основанных на принципах равноправия и уважения достоинства каждого субъекта. Что это означает, можно развить на основе следующих двух рассуждений.

А. Как отмечает М. Фуко, спецификой античной демократии было появление новой формы власти, отличной от имевшей место в государствах Древнего Востока. В последних управление обществом осуществлялось *на основе пастырских технологий власти*, согласно которым местные боги, цари и вожди признавались пастухами; за ними должно следовать всё остальное население (стадо). Эта форма управления предполагает выполнение следующих действий: пастырь собирает, направляет и ведёт за собой свой народ; роль пастыря также заключается в спасении своего стада, обеспечении его материального благополучия (включая обеспечение процессов питания и размножения). Поэтому в обязанности обладающего верховной властью входило обретение знания не только о состоянии общества в целом, но и обстоятельствах жизни конкретного субъекта. Соответственно, от всех остальных индивидов требовалось лишь личное повиновение своему правителю, который ежедневно без перерыва проявляет заботу о своём народе.

«Всё, что совершает пастух, он делает во благо своего стада. Это предмет его постоянных забот. Пока все видят сны, он бдит»[49].

Соответственно, возникновение античной демократии способствовало появлению новой формы политики, которая уже не основывалась на отношениях пастух–стадо. Если в недемократических сообществах интеграция и благоденствие народа ставятся в зависимость от постоянных усилий и конкретных действий главы государства, то, как пишет Фуко,

«стоило достойному греческому законодателю, скажем Солону, урегулировать конфликты, как он оставлял после себя сильный полис, имеющий законы, позволявшие ему существовать и без правителя»[50].

Поэтому власть в демократическом обществе осуществляется по отношению к свободным гражданам; отсюда, роль политиков

---

[48] Дьюи, указ. соч., с. 109.

[49] Фуко М. Omnes et Singulatim: К критике политического разума // Фуко М. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью.* Ч. 2. М.: Праксис, 2005. С. 290.

[50] Фуко, указ. соч., с. 289.

заключается в нахождении компромиссов между интересами различных автономных субъектов, а не в том, чтобы вести за собой своё стадо (т. е. свой народ) и «кормить, холить и разводить потомство»[51]. Следовательно, субъектам демократий предоставляется возможность *быть гражданами своей страны, а не подданными* (не только подчиняться законам, но и участвовать в их формировании), а также *расширить степень своей моральной ответственности*.[52]

Б. Далее, необходимо прояснить *способ уважения достоинства каждого индивида*. В недемократических государствах степень уважения человека и его правовой статус зависят исключительно от общественного статуса той социальной группы, к которой индивид принадлежит. Это находит выражение в *принципе сословной чести*, который указывает на факт неравномерного распределения социального признания в обществе: представители высших сословий обладают наибольшим количеством прав и свобод, тогда как представителям низших сословий достаётся наименьшая степень уважения. При этом наличие неэгалитарных отношений в обществе характерно и для тех недемократических режимов, которые не основываются на кастовом порядке. Так, Гоббс следующим образом описывает механизм обретения социального признания для своей модели авторитарного государства. Согласно данному автору, *ценность каждого человека определяется исключительно количеством власти, которым он располагает*.[53] Если это количество велико, то человеку необходимо оказывать *уважение* (*honouring*), в противном случае человек заслуживает лишь *пренебрежительного отношения* (*dishonouring*). Если же деятельность индивида имеет большое значение для государства, то тогда он или она могут обрести ***достоинство***, ибо достоинство человека заключается лишь в наличии ценности для государства.[54]

---

51 Там же, с. 295. Следует иметь в виду, что, согласно Фуко, пастырские технологии управления не были забыты в связи с крушением государств в древнем Египте, Ассирии и Иудее. Они получили своё дальнейшее развитие в христианской мысли и в модифицированной форме были интегрированы в политические механизмы современных государств в форме биовласти или биополитики.

52 Даль, указ. соч., с. 57. Правда, не все могут воспринять это как преимущество; в таком случае остаётся согласиться с мнением О. Конта: «Как сладко повиноваться, когда есть возможность наслаждаться счастьем … которое заключается в том, что благодаря мудрым и достойным вождям мы ненавязчиво освобождены от тяжкой ответственности за общую линию своего поведения» (цит. по: Маркузе Г. *Разум и революция. Гегель и становление социальной теории.* СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 443.)

53 «Стоимость, или ценность, человека, подобно всем другим вещам, есть его цена, т. е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой» (Гоббс, указ. соч., с. 66).

54 «Общественная ценность человека, т. е. та цена, которая даётся ему государством, есть то, что люди обычно называют достоинством» (Гоббс, указ. соч., с. 67).

Таким образом, авторитарное состояние общества предполагает неэгалитарное распределение социальной значимости, на основании которого все люди делятся на *два сорта*: существование одних почётно, тогда как существование других позорно. Здесь можно привести ряд поучительных рассуждений Гоббса по поводу того, каким образом в таком обществе задействуется ***механизм уважения/неуважения***:

> «Повиноваться кому-либо – значит оказывать ему уважение, ибо никто не повинуется тому, кто, по его мнению, не имеет возможности ни помочь, ни вредить ему. И, следовательно, не повиноваться – значит оказывать неуважение.
>
> Делать большие подарки человеку – значит оказывать ему уважение, ибо это есть покупка его покровительства, признание его могущества. Делать малые подарки – значит оказывать неуважение, ибо это есть лишь милостыня и свидетельствует о мнении дарящего, что одариваемый нуждается лишь в малой помощи…
>
> Оказывать знаки любви или боязни кому-либо – значит оказывать ему уважение, ибо как любить, так и бояться кого-либо – значит ценить его. Игнорировать кого-либо, или любить, или бояться его меньше, чем тот ожидает, – значит оказывать ему неуважение, ибо это значит низко ценить его.
>
> Хвалить, возвеличивать или называть кого-либо счастливым – значит уважать его, ибо ничто не ценится, кроме доброты, силы и счастья. Бранить, высмеивать или жалеть кого-либо есть неуважение…
>
> Слушаться чьего-либо совета или охотно слушать чью-либо речь – значит оказывать соответствующему лицу уважение, ибо это говорит о том, что мы считаем это лицо мудрым, красноречивым или остроумным. Спать, уходить или разговаривать во время речи другого – значит оказывать ему неуважение…
>
> Подражать кому-либо – значит оказывать ему уважение, ибо это значит горячо одобрять его. Подражать же его врагам – значит оказывать ему неуважение».[55]

[55] Гоббс, указ. соч., с. 67–68. Здесь можно вернуться к белорусской действительности и обратить внимание на поведение верховной власти в промежуток времени между терактом 11 апреля и 25-летней годовщиной Чернобыльской катастрофы. Те оскорбительные эпитеты («идиоты», «негодяи», «подонки», «мразь», «отмороженные послы», «козёл», «вшивость»: см., например, *Лукашенко – оппозиции: Хотите лоб в лоб со мной сразиться, выходите на футбольную, на хоккейную площадку*), которыми наградил белорусских, украинских и европейских политиков белорусский президент, можно интерпретировать не только как недостаток воспитания или, скажем, нервную реакцию на кризисные моменты, но и как проявление логики недемократических социальных отношений. Как показывает Гоббс, в рамках неэгалитарных взаимодействий если какой-либо субъект не обладает большой властью или препятствует реализации планов другого, не поддерживает его точку зрения, или могущество первого нельзя использовать для реализации собственных интересов, то хамское отношение и оскорбления – это именно то, на что следует рассчитывать в этой ситуации.

На этом фоне становится видимым революционное значение демократической этики: здесь уважение каждого человека должно основываться на эгалитарных и универсальных принципах, в соответствии с которыми любой человек обладает равноправным статусом. В таком случае каждый субъект обладает равным достоинством просто потому, что является человеком, а не на основании решения главы государства. Оказание уважения состоит уже не в том, чтобы подражать, любить и бояться, льстить и соглашаться, делать бо́льшие подарки и ненавидеть врагов, а в том, чтобы *рассматривать человека как свободное существо и как цель саму по себе*, а не как обладающее той или иной стоимостью средство для реализации своих желаний. В таком случае основным способом признания достоинства человека является *сохранение дистанции между людьми*, т. е. отсутствие негативного вмешательства в реализацию автономных планов другого человека.[56] Конечно, это не означает, что граждане либерально-демократических обществ не могут позитивно оценивать или критиковать конкретные качества и поступки других людей. Однако осуществление этой оценки не должно нарушать базовый принцип признания достоинства каждого человека: если индивиду не удалось достигнуть выдающихся результатов, или он или она не вызывают чувство симпатии, то это не должно служить основанием для презрительного и/или пренебрежительного отношения.

Наконец, можно обратиться к ***анализу возможностей креативной самореализации в демократическом обществе***. Как отмечает Мид, одним из главных предрассудков по поводу демократии является представление, что в силу реализации принципа равноправия каждый субъект должен уподобиться другому: кажется, что в демократическом обществе осуществляется тотальная унификация идентичностей (ведь все обладают одинаковым набором прав и свобод)[57], тогда как в сословном обществе каждому предоставляется шанс быть непохожим над других через членство в определённых замкнутых социальных группах. Однако на самом деле такое представление ложно: отличительность индивида в недемократических обществах проявляется лишь по отношению к индивидам других групп; в других случаях субъект обязан строго выполнять уже готовый сценарий действий, отступление от которого карается серьёзными санкциями. В демократиях же основная совокупность прав и свобод (свобода мнения, совести, объединений, выбора профессии и т. д.) является основанием для возможности появления новых уникальных проектов и произведений, которые не могут быть отвергнуты просто потому, что не соответствуют традиционным нравам или мнениям господствующей элиты.

---

[56] Это положение либерально-демократической этики образцово выразил И. Кант; см.: Кант И. Основы метафизики нравственности // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.philosophy.ru/library/kant/omn.html.

[57] Mead, op. cit., section 41.

Вместе с тем обеспечение возможностей реализации креативного потенциала конкретного субъекта повышает и творческий потенциал самого общества. Как отмечает Дьюи, одной из главных характеристик человеческих обществ является умение распознавать и контролировать последствия своей деятельности. Для целей регулирования масштабных последствий, затрагивающих жизнь широкого круга людей, создаётся специальный аппарат государственных чиновников. При этом до возникновения демократии эти функции выполнял круг людей, которому властные полномочия предоставлялись случайным образом: на основе династических факторов, богатства, преклонного возраста, успехов в военном деле, религиозного сана и т. д. Однако, замечает Дьюи, способность дожить до степенного возраста или владение оккультными знаниями не предполагают умение успешно заниматься гражданскими делами в обществе. Возникновение демократической формы правления призвано способствовать тому, чтобы граждане на основе существенных факторов (способности эффективно заниматься публичными делами) и механизмов выбора местных и верховных властей могли определять и переопределять круг лиц, ответственных за принятие решений по ключевым социально-политическим проблемам.[58] При этом возможность нахождения рациональных и нешаблонных выходов возрастает в той мере, в какой в демократических сообществах создаются условия для *принятия экспериментальной установки по отношению к основных моделям*, регулирующим поведение в сфере политики, экономики, образования, семьи и т. д. Все эти модели и стратегии должны рассматриваться как подлежащие публичному обсуждению «рабочие гипотезы», а не как установленные раз и навсегда «священные» программы действий.[59]

Всё это позволяет провести *различия между режимами креативности в недемократических и демократических обществах*. В первых основные усилия направлены на обеспечение сверхстабильного порядка, при котором основная часть населения обречена на исполнение предустановленных сценариев действия; инновации становятся возможными лишь в редкие мгновения благодаря харизматическим личностям и их приверженцам.[60] Демократии в

[58] Дьюи, указ. соч., с. 56–80.

[59] Там же, с. 147.

[60] При этом в условиях отсутствия демократического публичного пространства для оправдания новых идей часто приходится прибегать к дополнительным средствам. Следующее описание Ф. Ницше можно рассматривать как один из способов обеспечения режима креативности в недемократическом обществе: «Если, несмотря на тот ужасный гнёт нравственности обычаев, под которым начало жить человечество ещё за несколько тысячелетий до нашей эры, если, несмотря на это, постоянно возникали всё новые и новые мысли, взгляды, цели, то происходило это при страшном сопутствии: почти всюду дорогу новым мыслям прокладывало сумасшествие; оно же ломало и уважаемые обычаи и суеверия. ...Древние думали, что всюду, где есть сумасшествие, есть и гений и мудрость – вообще есть нечто "божественное"; или, как они выражались прямее и резче: "Сумасшествие дало Греции

этом отношении представляют собой ***режим «институционализированной революции»***, в рамках которого большинство членов общества способно дистанцироваться по отношению к очевидностям и нормам своего жизненного мира. В таком случае инновативные процессы принимают повседневный характер «в ходе общественных процессов научения и социальных движений»[61]. Вместе с тем *режим институционализированной революции* не приводит к возникновению состояния анархии, знаменующей возврат к «естественному состоянию» Гоббса. Как уже отмечалось выше, процесс индивидуального творчества должен принять соответствующие социальные формы: индивид, предлагающий альтернативные возможности, должен в той или иной степени продемонстрировать их значимость для окружающих, а значит, он должен уметь принимать во внимание интересы и точки зрения других лиц на основе институциональных правил. Поэтому Мид предлагает проводить различие *между «репрессивными (ультраконсервативными)» и «гибкими социальными институтами»* демократической власти. Если первые представляют собой совокупность узко определённых и фиксированных моделей поведения, то вторые регулируют поведение индивидов на основе абстрактно сформулированных (генерализованных) норм, что оставляет значительное пространство для проявления оригинальности и вариативности.[62] Таким образом, *главным признаком демократического общества является наличие гибких институтов социальной интеграции, институтов выборности власти и публичной коммуникации*, которые в полной мере задействуют креативный потенциал социальной жизни.

В заключение можно подвести итог проделанному анализу путём рассмотрения интерпретации Дьюи ***базовых демократических ценностей*** – братства, свободы**,** равенства.

Идея братства указывает на возможность граждан следовать сознательно выбираемым ценностям и стилям жизни, а не на необходимость некритически воспроизводить доставшиеся по наслед-

---

величайшие блага" – так говорил Платон со всем старым человечеством! Сделаем ещё один шаг дальше. Всем тем сильным людям, которых неудержимо влекло к тому, чтобы сбросить иго старой нравственности и дать новые законы, ничего не оставалось другого, как сделаться или казаться сумасшедшими, если они не были в действительности такими … Как сделаться сумасшедшим тому, кто на самом деле не сумасшедший и у кого недостаёт смелости казаться таким? Этой странной задачей интересовались почти все значительные люди древнейших цивилизаций: существовала целая тайная наука приёмов. …Посты, продолжительное половое воздержание, жизнь в пустыне, на горе, или просто не думать ни о чём таком, что могло бы волновать или расстраивать» (см.: Ницше Ф. *Утренняя заря, или Мысль о моральных предрассудках* // [Электронный ресурс] http://www.nietzsche.ru/works/main-works/morning-dawn/).

[61] Йоас, указ. соч., с. 58.

[62] Mead, op. cit., section 34.

ству традиции или необходимость «отработать» на государство за предоставленные возможности социализации.

С ***ценностью свободы*** связан шанс становления уникальной личностью в рамках уважительных и равноправных отношений с другими индивидами.

Принцип равенства подчёркивает необходимость получения субъектом справедливой доли в результатах социальной деятельности, т. е. той доли, которая соответствует его потребностям и способностям.[63]

63 Дьюи, указ. соч., 109–110.

ДОВЕРИЕ КАК *ДАР* СООБЩЕСТВУ

Ольга Шпарага[1]

Abstract

In the text the efficiency of complementarity of sociology of trust and the social capital (F. Fukuyama) with the philosophy of Gift and recognition (J. Patočka and M. Henaff) is proved. Such complementarity allows to allocate a number of interacting elements based on trust the major of which is mutual recognition. One of the key conclusions of the article is the proposition that *the best means to solve the problems that can be solved only jointly is the count on mutual respect and recognition that however are not the end in themselves of interaction but serve it because they are possible only inside of the interaction.* The aim of the interaction in that case is the interaction itself, that is the maintenance of that new space of actions and senses which cannot arise as a result of a separate action or as a simple sum of separate actions and demands trust between the participants, based on mutual respect and recognition. Thereby it is suggested that the community of the equal or the community of common cause should be understood as that one based on mutual respect and trust to each other. And it is this desire to create such communities that is seen as a conductor of democratic transformations in Belarus. 19 December 2010 can be regarded as a marker of presence of such desire in the Belarusian society, to be more exact in its certain part.

Keywords: interaction, trust, social capital, Gift, mutual recognition, community.

Событие 19 декабря стало очередным испытанием как для беларусской власти, так и для беларусского общества. Первая повела себя предельно жестоко, второе, пусть только в определённом своём секторе, в очередной раз обнаружило потенциал солидаризации. Говоря о солидаризации, я имею в виду и то, что определённая часть беларуских граждан, выйдя на мирную демонстрацию, не побоялась выставить себя, или свою гражданскую позицию, на показ, и то, какую помощь оказывали беларусы, оставшиеся на свободе после демонстрации, тем из своих сограждан, которые оказались в тюрьме. Социологически говоря, речь идёт о «спонтанной социализированности», или доверии, которое оказывали друг другу знакомые и совсем незнакомые люди, манифестируя тем самым, что они принадлежат одному и тому же обществу, судьба которого им не безразлична.

[1] Ольга Шпарага – кандидат философских наук, доцент Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва), редактор сайта *Новая Еўропа* (http://n-europe.eu).

То, что в случае проявления социальной взаимопомощи и доверия речь может идти не только о поддержке другого человека, но и о поддержании ценности самого взаимодействия или даже о политике в аутентичном смысле этого слова, т.е. заботе об общем благе, мне и хотелось бы показать в своём тексте. Тем самым, не касаясь конкретно беларусского случая[2], мне хотелось бы, всё же отталкиваясь от него, наметить и по возможности раскрыть философский смысл *взаимодействия, основанного на доверии*, предпосылки которого уже имеются в Беларуси и ставку на которое нам, социально неравнодушным беларусам, стоит делать именно потому, что такое взаимодействие может быть проводником иной, нежели наличная в Беларуси, организации общества.

Для раскрытия содержания понятия взаимодействия, основанного на доверии, я сначала обращусь к социологии доверия, или понятию социального капитала, как его определяет Ф. Фукуяма. Затем, выделив ключевые элементы социального капитала, предложу их философское прочтение через обращение к философии политической жизни Яна Паточки и философии дара и признания Марселя Энафа. Такое обращение должно позволить с новой стороны подойти к теме сообщества, рассматриваемой сегодня целым рядом философов в качестве одной из важнейших.[3] Новизна состоит в выявлении *связи между взаимодействием, основанным на доверии, и взаимным признанием его участников, которое наилучшим образом разворачивается именно внутри такого взаимодействия, что и становится условием для возникновения сообщества равных, или сообщества общего блага*.

Предпочтя более абстрактный философский анализ обращению к конкретному анализу беларусского общества и власти, я исходила из того, что введение и раскрытие содержания тех или иных понятий не менее важно, чем их применение к действительности, особенно в том случае, когда речь идёт о действительности, какой нам хотелось бы её видеть.

Доверие и «социальный капитал»: от истории и социологии к философии

В своей книге *Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию* (1995) Ф. Фукуяма исходит из понимания «гражданского общества» как сложнейшего переплетения «различных институтов “среднего звена”, в числе которых экономические предприятия, добровольные ассоциации, образовательные учреждения, клубы,

---

2 О доверии и социальном капитале в беларусском контексте я пишу в другом тексте; см. Шпарага О. Место Беларуси в пространстве европейского социолиберализма // *Пути европеизации Беларуси: между политикой и конструированием идентичности (1991–2010)*; под. ред. О. Шпараги. Мн., 2011. С. 130–153. Предложенный для *Топоса* вариант можно рассматривать как более углубленное философское продолжение приведённого текста.

3 Ср., напр.: Нанси Ж.Л. *Бытие единичное множественное*. Мн., 2004.

союзы, СМИ, благотворительные организации, церкви, – надстраиваются над семьей как первичным инструментом социализации»[4]. Все эти институты, согласно социологу и философу, опираются в первую очередь на людские привычки, традиции и нравственные устои. Именно они играют роль подоплеки готовности каждого участника оказать поддержку своему сообществу, причём, в том числе, и в экономической сфере, функционирование которой нельзя подчинить исключительно экономической заинтересованности. Для обоснования этого тезиса, с одной стороны, и демонстрации различных вариантов «культуры доверия», которые мы можем обнаружить в экономической сфере, – с другой, Фукуяма обращается к четырём «фамилистическим» обществам (Китай, Франция, Италия и Южная Корея), которым противопоставляет ряд стран с высоким уровнем доверия, или коллективистские общества (Япония, Германия и США). Одним из важнейших философских результатов осуществленного исследования является выявление самого механизма социального доверительного отношения, которое Фукуяма также обозначает *социальным капиталом*.

Доверие, согласно Фукуяме, – это «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и со вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некими общими нормами»[5]. Какие-то из этих норм относятся к «фундаментальным ценностям» (понимание Бога или справедливости), другие отсылают к вполне конкретным профессиональным стандартам и корпоративным кодексам поведения. Социальный капитал в этом смысле является производным от социального доверия и находит воплощение в различных институтах – от семьи до нации. Определяющим для него является то, что в отличие от других форм человеческого капитала «он обычно создаётся и передаётся посредством культурных механизмов – таких как религия, традиция, обычай»[6]. Причём создаются эти механизмы скорее спонтанно, в процессе самой повседневной жизни.[7]

Обращаясь к экономической сфере как одному из важнейших ареалов формирования социального капитала, Фукуяма отмечает следующее. Сотрудничество может обойтись и без доверия, поскольку

> «разумный эгоизм в сочетании с необходимыми правовыми механизмами вроде контрактной системы может компенсировать его отсутствие и позволить незнакомым людям создать организацию, работающую на достижение общей цели»[8].

---

4 Фукуяма Ф. *Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию.* М., 2004. С. 16.

5 Фукуяма, указ. соч., с. 52.

6 Там же.

7 Фукуяма Ф. Социальный капитал // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу*. М., 2002. С. 135.

8 Фукуяма, *Доверие*, указ. соч., с. 53.

Однако система формальных правил и регламентаций требует постоянного переписывания, согласования, отстаивания в суде и обеспечения их выполнения, иногда принудительного, что приводит, по мнению экономистов, к «операционным издержкам». Это значит, что наиболее действенные организации скреплены именно социальным капиталом, или общими этическими ценностями, в результате чего «членам таких коллективов не требуется подробная контрактно-правовая регламентация их отношений».

Другой важный момент структуры социального капитала – это то, что его нельзя получить как отдачу от того или иного рационального вложения. Это значит, что его приобретение требует «адаптации к моральным нормам определённого сообщества и усвоения в его рамках таких добродетелей, как преданность, честность и надёжность»[9].

> «Иными словами, – резюмирует Фукуяма, – социальный капитал не может стать результатом действий отдельного человека, он вырастает из приоритета общественных добродетелей над индивидуальными»[10].

Стоит отметить, что хотя приверженность общественным добродетелям усваивается куда труднее, чем другие формы человеческого капитала, она в то же самое время труднее поддаётся изменению или уничтожению, поскольку в её основе лежит этический навык. Именно этот навык позволяет, далее, не просто успешно действовать в рамках того или иного устоявшегося сообщества или коллектива, а создавать новые объединения и новые рамки взаимодействия. Связано это с тем, что «высокий уровень доверия позволяет возникать самым разнообразным типам социальных контактов»[11]. Показателем этого является то, что американцы, склонные к общественному поведению, первыми пришли к созданию современной корпорации в конце XIX – нач. XX вв., а японцы – к созданию сетевой организации в XX в. Тем не менее социальный капитал может играть и роль тормоза изменений в момент, требующий адаптации сообщества к новым социальным и политическим условиям, или даже играть негативную роль, в случае если будет служить для достижения деструктивных целей.[12]

В качестве примера можно указать на успехи государственной мобилизации, которая привела к господству национал-социализма в Германии и установлению фашистского режима в Италии. И хотя немецкое общество относится к коллективистскому, а итальянское – к фамилистсткому, т. е. тому, в котором самыми прочными являются именно семейные отношения, а все остальные социальные отношения ослаблены, решающим фактором для этих обществ на тот момент оказалась траектория их модернизации. Определяющим для этой траектории стало формирование поли-

---

9 Фукуяма, *Доверие*, указ. соч., с. 53–54.
10 Там же, с. 54.
11 Там же, с. 55.
12 Фукуяма, *Социальный капитал*, указ. соч., с. 130.

тической элиты через идеологическое обеспечение солидарности определённых коллективов и отмежевание от других элит, особенно от самостоятельных идеологов моделей культурного порядка и функциональных элит.[13] Отсюда можно сделать вывод, что важнейшим дополнением социального капитала, препятствующим его использованию в деструктивных целях, выступает ряд других социальных механизмов, и прежде всего механизмы общественной автономизации и институализации, что может находить выражение в традициях парламентаризма (Великобритания) или культурных и интеллектуальных элит (Франция).[14]

Следующая определяющая черта социального капитала выражается в том, что он не распространяется равномерно, иными словами, в ходе истории общества могут как накапливать, так и терять социальный капитал. Так, для Франции средних веков характерна плотная сеть промежуточных, не базирующихся на родстве объединений – гильдий, религиозных орденов, муниципальных образований, клубов, уничтоженных в XVI–XVII вв. с утверждением централизованной монархии, которая роднит Францию с китайской имперской властью и норманнским правлением в южной Италии. Результатом этого правления, по выражению де Токвиля, стало то, что

> «во Франции не было города, местечка, села, самой маленькой деревушки, больницы, фабрики, монастыря или школы, которые смели бы иметь независимую волю в своих частных делах или располагать имуществом по своему усмотрению»[15].

Следствием такой системы явилось укрепление бюрократического аппарата и связанных с принадлежностью к нему привилегий. И хотя Великая Французская революция имела своей целью устранение сословных барьеров, сформированных за годы монархического правления, водораздел между рабочими и управленцами не был устранён, как и не удалось сформировать сети доверительных отношений внутри руководящего класса и класса исполнителей. Это вело к неминуемому противостоянию разрозненного, не скреплённого доверительными отношениями общества и бюрократизированной и централизованной власти, которую можно либо принимать, либо отрицать, причём не менее чем на уровне всей нации (что до сего дня находит своё выражение в позиции французских интеллектуалов).

Иную картину, согласно Фукуяме, можно наблюдать в Германии, для которой решающими являются коммунальные институты и в экономике, и в сфере гражданского общества. Одной из важнейших предпосылок для формирования культуры с ярко выраженным со-

---

13 Эйзенштадт Ш. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций.* М., 1999. С. 309.

14 Ср. также: Дарендорф Р. *Современный социальный конфликт: очерк политики свободы.* М., 2002. С. 110–120.

15 Цит. по: Фукуяма, *Доверие*, указ. соч., с. 200.

циальным капиталом является включение Германии в процессы индустриализации на стадии княжеской раздробленности. Отсутствие сильной централизованной власти способствовало активному преобразованию в течение второй половины XIX века крупного семейного бизнеса в корпорации. Аналоги возникших в этот период коммунитаристских институтов легче, по мнению Фукуямы, найти в японском обществе, нежели в европейском.[16] Важную роль в их формировании сыграли картели: кроме прочего, они спонсировали научные исследования, конструкторские разработки и участвовали в переоборудовании целевых отраслей. Важно также, что в период кризисов фирмы заключали соглашения друг с другом, а не пытались вытеснить слабого с рынка. Двумя другими важнейшими коммунитаристскими институтами немецкой экономики выступили промышленные группы, сосредоточенные вокруг банков, и особая система трудовых отношений, так называемая *Sozialmarktwirtschaft*. Последний институт, имевший за собой мощное и хорошо организованное рабочее движение, опирался на способность договариваться управленческого и рабочего сословия, что позволило избежать тех классовых антагонизмов, которые были характерны для трудовых отношений в Великобритании, Франции и Италии. Это позволяет Фукуяме прийти к выводу, что

> «трудовые отношения в Германии похожи на японские: они в той же мере опираются на взаимные обязательства управляющих и рабочих и в той же мере зависят от существующего в обществе высокого уровня обезличенного доверия»[17].

Возвращаясь к выявлению механизма функционирования «социального капитала», необходимо сделать ещё один исторический экскурс, а именно обратиться к феномену фордизма. Имеется в виду возникновение в начале XX века новой формы массового серийного производства на автомобильном предприятии Генри Форда (Хайлен-Парк, штат Мичиган), которая стала предметом описания и анализа инженера Фредерика У. Тейлора. В основу инженерных разработок Тейлора, призванных механизировать процесс изготовления автомобиля, положено раздробление этого процесса на тысячу мелких шагов, что сводило труд рабочего к «ограниченному набору раз за разом выполняемых простых операций, практически не требовавших от исполнителя никакой подготовки»[18].

На языке Тейлора речь велась о максимизации «количества времени и движений», целью которой явилось устранение зависимости от наличия инициативы, подготовленности или даже элементарных навыков у рабочего. Главное, что требовалось от рабочего, – это подчинение. Все его действия, «включая движения его рук и ног при работе на конвейере, диктовались подробными правилами, созданными инженерами», от которых и ожидалось

---

16 Фукуяма, *Доверие*, указ. соч., с. 347.
17 Там же, с. 356.
18 Там же, с. 366.

проявление инициативы и изобретательности. (Интересно, что на самих заводах Форда существовало что-то вроде корпоративного патернализма, который не фигурировал в учении Тейлора. Форд обеспечивал рабочих жильём, платил им премии, привлекал работников постоянно растущей заработной платой и старался поощрять дух общности интересов управляющих и рабочих.)[19] В результате, управленческая модель тейлоризма подверглась критике, поскольку порожденная ею система зарегламентированности и недоверия развивалась по нисходящей спирали (А. Гоулднер), породив конфликтный тип трудовых отношений, характеризующийся высокой степенью правового формализма (как отмечает Фукуяма, Советскому Союзу в этом смысле не повезло, поскольку Ленин и Сталин связывали модернизацию производства преимущественно с масштабом и серийностью, сделав ставку на фордизм, породивший чрезвычайно концентрированную и неэффективную промышленную инфраструктуру[20]). Слабым местом тейлоризма оказалось и то, что сами новые машины не могут быть продуктами серийного производства, а рост производства ведёт к возникновению новых и всё более разнообразных потребностей, удовлетворять которые серийное производство также не в состоянии.[21] Как показали исследования, наибольший отпор этой модели был оказан в Германии: трудовым отношениям, сложившимся в этой стране, действительно присущи черты, о которых речь пойдёт далее.

Что же в самых общих чертах представляет собой *коллективистски ориентированное предприятие*, которое, по мнению Фукуямы, является наиболее действенной формой организации? Иными словами, из чего складывается и как работает механизм «социального капитала»? Фукуяма перечисляет эти элементы, противопоставляя *коллективистски ориентированное предприятие* предприятию, созданному по модели Тейлора.

Во-первых, углубленному разделению труда на простейшие работы, которые постоянно выполняются специальными сотрудниками, он противопоставляет значительную степень гибкости в использовании персонала. Это значит, что в рамках коллективистского предприятия «каждый человек мог бы выполнять разные виды работ и занимать разные должности в зависимости от конкретной потребности предприятия»[22]. Это, *во-вторых*, означает,

---

19 Фукуяма, *Доверие*, указ. соч., с. 378.

20 Там же, с. 367.

21 Эти размышления Фукуямы отвечают моей критике модели дисциплинарной власти в понимании М. Фуко, идеальным воплощением которой, вне всякого сомнения, является тейлоризм. В моей интерпретации слабым местом дисциплины является следование образцам, которые сама она создавать не в состоянии, что может служить способом критики этой формы власти через дополнение производимых ею и производных от нее субъектов субъектами перехода или различия. Подробнее см.: Шпарага О. *Пробуждение политической жизни: эссе о философии публичности.* Гл. 2. Вильнюс: ЕГУ, 2010.

22 Фукуяма, *Доверие*, указ. соч., с. 380.

что ответственность распределяется на таком предприятии по всем уровням иерархии. Здесь нет жёсткой классификации заданий, следствием которой является неодолимая преграда между управляющим аппаратом и рабочими, так что «статусные» различия между ними размываются и путь продвижения по карьерной лестнице открыт для всех.

Третьим элементом согласованного коллективного действия на таком предприятии является командное выполнение работы, предполагающее, что члены команды (в результате многоплановой подготовки) могут заменять друг друга, если возникнет такая потребность. Этому, *в-четвёртых*, служат личные контакты и неформальные способы решения проблем, противостоящие заформализованности тейлоровского, узко специализированного предприятия. *В-пятых*, в отличие от присущей тейлоровской модели чёткой системы поощрений и премий за индивидуальные усилия и наличия разрыва между заработной платой управляющего аппарата и подчинённых, коллективистскому предприятию присуща относительно равная шкала оклада, а премия выплачивается за коллективные усилия. Наконец, *в-шестых*, коллективистское предприятие делает ставку на повышение профессионализма рабочих, поскольку им доверяют значительную ответственность как в разработке, так и применении деталей производственного процесса.

Философски обобщая все перечисленные черты, можно представить такую модель *основанного на доверии коллективного действия*, в ходе которого кто-то один начинает, а второй подхватывает инициативу, имея в виду, что другие понимают и разделяют смысл и способ её (или его) действия. Это предполагает, что все участники общего дела в большей или меньшей степени понимают его общий замысел и содержание и готовы не только прийти на помощь друг другу, но и друг друга подменить. Общее дело и есть взаимосвязь смыслов и обязанностей, которые каждый из участников проясняет для себя и примиряет на себя. Руководители и подчинённые при необходимости могут поменяться местами, поскольку «статусы» и иерархии играют в этой модели исключительно второстепенные роли, находясь на службе у ответственности, доля которой и отличает руководителя от всех остальных участников. Решение проблем по разработанному алгоритму дополняется живым обсуждением в группе, так что неформальное общение играет роль более глубокого основания коммуникации и не позволяет общему делу выхолоститься до формальности.

Если дополнить эту модель замечаниями Фукуямы о том, что созидающие социальный капитал нормы должны включать в себя такие добродетели, как правдивость, обязательность и неоснованная на выгоде взаимность, которые и порождают доверие, то приведённые социологические размышления об общем деле сближаются с философскими размышлениями о сообществе и политике, которые мы обнаруживаем, к примеру, в философии Яна Паточки.

«Умереть за Другого», или От социального капитала к сообществу

В философской мыслительной традиции, которой принадлежит Ян Паточка и которая восходит к Ханне Арендт, в свою очередь отсылающей к Аристотелю, общее дело и коллективное действие не сводятся к социальной жизни. Поскольку социальная жизнь может иметь разные формы, для каких-то из них определяющим может быть совсем не общее дело, а, например, эгоизм. Другой разновидностью обществ без общего дела являются в рамках данной мыслительной традиции различного рода тирании. В таких обществах всякое коллективное усилие и цели, ради которых оно совершается, определяются не самими его участниками, а государством, которое таким образом принуждает граждан к участию в общих делах. Можно сделать вывод, что в этом случае речь идёт об участии в общем деле по принуждению с целью сохранения тиранической формы власти и управления.

Для того чтобы провести различие между участием в общем деле по принуждению и без принуждения, Арендт, а за нею и Паточка вводят понятие *политики*. Решающим для политики в этом смысле является связь с полемосом, объединяющим спорящих в открытом публичном пространстве. Важнейшими измерениями полемоса выступают: свободная человеческая активность, или инициатива; взаимное признание в качестве равных и свободных участников обсуждения, которое нуждается в постоянном свершении, или осуществлении; манифестация совершенства каждым из участников.[23] Полемос, далее, обладает той особой континуальностью, которая возможна только на основе постоянного активного напряжения, риска и подъёма. Инициатива, пишет Паточка, «сама для себя открывает возможность, которой себя отдаёт»[24]. Такая жизнь «не избавляет себя от своей собственной случайности, однако и не отдаётся пассивно на волю случая». Для Паточки такое отношение есть ответственное, поскольку готовность человека к проявлению инициативы в публичном пространстве среди равных ему участников означает отказ от опоры на предустановленный, т. е. установленный без его, пусть только возможного, участия, порядок и понимание любого порядка как зависящего от взаимодействия создающих инициатив. В связи с этим далее Паточка пишет, что в рамках политической деятельности открытость полемоса означает осознание непрогнозируемости последствий человеческих действий, поскольку каждая инициатива неминуемо попадает в чужие руки.[25] Предметом ответственности в таком случае становится сама *открытость взаимодействия*, включающая такие моменты, как инициатива и взаимное признание.

---

23 Паточка Я. *Еретические эссе о философии истории.* Мн., 2008. С. 55.

24 Паточка, указ. соч., с. 57.

25 Там же, с. 83.

Другим важным измерением размышлений Паточки о политике, на которое обращает внимание Ж. Деррида, является понимание ответственности в связи с задачей регулирования демонического. Под демоническим понимается то измерение повседневной жизни, которое позволяет нам бежать от самих себя, – это сакральное у доисторических народов и коллективный опыт революционного энтузиазма, с одной стороны, и индивидуализированный опыт эротического, сексуального, с другой, у народов исторических. В противоположность повседневности с её принудительностью забот и жизненным самопорабощением, демоническое означает высвобождение того, чем нельзя озаботиться и распоряжаться.[26] Двусмысленность демонического напоминает двусмысленность свободы в публичном пространстве, которую мы затронули выше. Его высвобождение означает освобождение от служения вещам и жизни, которое и может вести к ответственности. Однако *может* не означает *должно*. Чтобы осуществился переход от демонического к ответственности, нужно философское осмысление такого перехода, вернее, нужен опыт переживания потрясения смысла, который способна концептуализировать именно философия.

Этот опыт рассматривается Паточкой как с необходимостью дополняющий опыт выхода в публичное пространство, поскольку именно таким образом родилась политика в Древней Греции – в неразрывной связи с философией. Одновременно Паточка дополняет этот опыт ещё одним элементом – личностным началом, которое открыло, но в недостаточной степени тематизировало христианство.[27] Если определяющим для опыта философии как опыта потрясения привычных смыслов является способность философа вести диалог с самим собой, что демонстрировал Сократ и описывал Платон, то христианство ввело в этот диалог *другую* личность, которая в то же самое время исполняла роль этического мерила действия. По существу, Бог как *другая* личность и сделал возможной ответственность как ответ, поскольку человек всегда уже отвечает (за свою греховность) Богу и перед Богом.

То новое, что, по мнению Ивана Хватика, добавляет Ян Паточка в это понимание ответственности, заключено в том, что последним ответом Богочеловека является вопрос, на который не может быть или даже не должно быть ответа. Речь идёт о вопросе: «Боже, почему ты меня оставил?». Невозможность ответа на этот последний вопрос содержится в самом вопросе и означает то, что человек может поставить себя на кон:

> «Что бы произошло, если бы не оставил? Ничего не произошло бы, потому что это может произойти только тогда, когда ты меня оставил»[28].

---

26 Паточка, указ. соч., с. 125.
27 Там же, с. 183.
28 Хватик И. Философия истории Яна Паточки // Паточка Я. *Европа и пост-Европа. Постевропейская эпоха и её духовные проблемы.* Мн., 2011. С. 137.

Для понимания ответственности это означает, что вопрос, обращённый к Богу и не находящий у него ответа, нуждается в утверждении нового *сообщества*, сообщества неустрашимых потрясением даже самых значительных смыслов. Эта устремлённость к сообществу, которую Паточка также обозначает *солидарностью потрясённых*, опирается, с одной стороны, на философское понимание самого смысла как пути, с другой – на опять же открытую христианством способность человека к Дару смерти.

> «Человек, – пишет Паточка, – это ответственное *я*, поскольку в конфронтации со смертью и во взаимодействии с ничто он берёт на себя то, что каждый может осуществить только сам в себе и в чём он незаменим».[29]

Словами Жака Деррида, речь идёт о *подаренной смерти*, которая в конечном итоге остаётся *секретом*[30], поскольку, предположим мы, не содержит в себе послания, а остаётся вопрошанием. То важное, на что опирается сообщество, которое может возникнуть в результате Дара смерти, – это понимание секрета Дара через отсылку к оргиастическому, которое невозможно устранить, но можно приводить в отношение с ответственностью. Дар смерти учит тому, насколько рискован этот опыт, однако в то же самое время открывает саму его возможность, которая и есть возможность сообщества. Дар смерти для Другого, который описывает Паточка, может рассматриваться как определённый современный аналог отношения с трансцендентным, как тот вопрос, на который нам всегда уже нужно отвечать, причём не по принуждению, а по велению сердца, поскольку и насколько мы живём среди других людей.

От взаимодействия к взаимному признанию и обратно

Понятие Дара обсуждается современными философами в качестве мерила взаимодействия, несводимого к получению выгоды его участниками. Это созвучно замечанию Фукуямы на тот счёт, что социальный капитал не может быть отдачей от того или иного рационального вложения, поскольку доверительные отношения строятся не на капитализации вложений и прибылей. Доверительные отношения отсылают к взаимному признанию их участников, с одной стороны, и к поддержанию совместно вырабатываемого смысла взаимодействия, или общего дела, – с другой.

В этой связи, по мысли исследователя феномена дара Марселя Энафа, в процессе церемониального дарения[31] в буквальном

---

29 Паточка, указ. соч., с. 133

30 Деррида Ж. Секреты европейской ответственности (реферативный перевод) // Паточка, *Европа и пост-Европа*, указ. соч., с. 166–203.

31 М. Энаф различает (1) подарки, которые преподносят друг за другом главы клана традиционных обществ, и праздники, которые эти общества друг для друга устраивают; (2) подарки, которые делают родители

смысле слова дарят *себя*, откуда становится понятным обращение к магическим практикам, охраняющим предмет, который является посредником дарения, и тем самым – даруемую самость.[32] Другими словами, «речь идёт не о том, чтобы обмениваться вещами, а о том, чтобы посредством вещей получить публичное признание в качестве партнёра союза»[33]. При этом человеческое сообщество не утверждается, но на свет выходит то, чем оно является. Можно также сказать, что видимым становится публичное пространство, или «само политическое отношение как интенциональное выражение совместной жизни, которое выходит за пределы социальных установлений»[34].

Посредством обмена дарами, которое может в любой момент оборваться, поскольку в этой сфере не действует никакое принуждение, происходит признание самой возможности совместной жизни *автономных существ*, то есть тех, кто способен расширять и менять способ организации своей жизни. То, что в момент дарения на кон ставится сам даритель, означает его готовность *отвечать* за установленные совместно с другими правила, с одной стороны, и принципиальную значимость такой ответственности для его самости, что находит выражение в уважении его достоинства (Кант), с другой. В результате, согласно интерпретации Энафа, возникает *доверие*: если партнёры по взаимодействию уважают мое достоинство и, следовательно, не будут стремиться меня обмануть или односторонне выйти из игры, то я могу полагаться на них и при необходимости поменяться с ними местами.

Взаимодействие, скреплённое доверием, не просто свободно от издержек, о которых писал Фукуяма, но, что гораздо более важно, создаёт условия для взаимного признания, обнаруживающего свою приоритетность перед статусами и иерархиями. Статусы и иерархии (как и конкуренция) при этом не устраняются, а получают своё служебное значение, обнаруживая, что смысл всякого взаимодействия – это, в конце концов, решение совместными усилиями тех проблем, которые не решить поодиночке. Чтобы, однако, выйти из состояния «поодиночке», невозможно обойтись принуждением к взаимодействию или его формализацией. Залогом эффективного коллективного действия является как раз возможность предложить его участникам то, что не может им дать выполнение действия

своим детям на дни рождения, или праздники, устраиваемые из любви к близким; наконец, (3) пожертвования тем, кто попал в бедственное положение в случае катастрофы. Первый вид дарения является церемониальным, что подразумевает также публичность и взаимность, второй – односторонним, третий – видом оказания помощи (S. 8). Именно первый вид дарения становится предметом анализа Энафа; см.: Hénaff M. Anthropologie der Gabe und Anerkennung. Ein Beitrag zur Genese des Politischen // *Journal Phänomenologie*. 2009. № 31: Gabe und Anerkennung. S. 8.

32 Hénaff, op. cit., S. 9–10.

33 Ibid., S. 16.

34 Ibid.

в одиночестве (или по принуждению), а именно взаимное уважение и признание их инициативы и способностей (или совершенства, словами Паточки). Это значит, что *наилучшим средством решения вопросов, которые можно решить только сообща, признаётся ставка на взаимное уважение и признание, не являющиеся, однако, самоцелью взаимодействия, а служащие ему, поскольку сами возможны только внутри взаимодействия*. Целью взаимодействия в таком случае является само взаимодействие, т. е. поддержание того нового пространства действий и смыслов, которое не может возникнуть как результат одного действия или как простая сумма отдельных действий, а требует доверия между участниками, базирующегося на их взаимном уважении и признании.

Опора взаимодействия на взаимное уважение и признание сверх или поперёк конкуренции, иерархий и статусов позволяет провести различие между социальным капиталом с различными целями. Социальный капитал, служащий деструктивным целям, к примеру мафиозной группировки, опирается на страх внутри группы или уважение на основе страха, а также на чёткое противопоставление своих и чужих. Взаимодействие по принуждению, в свою очередь, не может подчинить иерархические и статусные отношения отношению взаимного уважения и признания, поскольку это разрушит сам механизм принуждения. Возможно, именно в связи с этим Энаф уподобляет отношения церемониального дарения политическим, но не социальным – вернее, политическим как превосходящим установленный социальный порядок, – подразумевая, в духе Арендт, что политика в исходным значении этого слова предполагает событие встречи автономий, нацеленное на установление правил взаимодействия. Быть автономным означает уже не только способность к *само*законодательству, а к испытанию собственной *самости*, т. е. к корректировке собственных позиций и действий, вплоть до их радикального преобразования.

Такое радикальное преобразование и может быть обозначено, словами Паточки и Деррида, как *Дар смерти*, или подаренная смерть. Измерение таинственности этого Дара, в таком случае, подразумевает, что пространство смыслов взаимодействия, которому приносится этот Дар, не поддаётся тотальной рационализации и калькуляции, поскольку не сводится к своим продуктам и достигнутым целям. Секрет Дара – это, с одной стороны, своеобразие личности, рождающееся в процессе взаимного признания, а с другой – прирост смысла взаимодействия. И хотя Дар имеет безвозмездный характер, структура доверия стимулирует совершение ответных действий и тем самым обеспечивает трансформацию смыслового пространства общего дела.

***

Любое общество, какое бы мы ни взяли, в той или иное степени включает в себя практики уважения человеческого достоинства, взаимного признания, доверия и социального капитала. В одних

обществах, в силу сложившихся традиций, религиозной культуры и культуры семьи, ведения бизнеса и политической культуры, эти практики развиты больше, в других – меньше. При этом, если правы такие философы, как Арендт и Паточка, стремление к указанным практикам непреодолимо, поскольку оно производно от стремления человека к свободе. Верно, однако, и то, что государственные и прочие институты могут превращаться в преграды на пути к человеческой свободе и социальному капиталу. При этом история показывает, что создание таких преград одновременно ведёт и к деградации государственных и общественных институтов, поскольку они не могут больше опираться на добрую волю и ответственность людей и, следовательно, вынуждены делать ставку на обман, принуждение и контроль, мощь которых необходимо постоянно наращивать.

Беларусское общество, каким мы знаем его последние 16 лет, являет собой классический пример общества обмана, принуждения и контроля. Плоды проводимой властями политики подавления практик уважения человеческого достоинства, взаимного признания, доверия и социального капитала хорошо известны, однако в перспективе нашего исследования они могут быть представлены как основанные на непонимании или игнорировании важности взаимодействия на основе доверия, с одной стороны, и на неумении участвовать в таком взаимодействии – с другой. Неумение, в свою очередь, подразумевает сложности со взаимным уважением, признанием, утверждением автономии и публичности, умением договариваться и идти на компромиссы.

И всё же такие события, как 19-е декабря, подтверждают правоту слов Фукуямы о том, что импульсы к *взаимодействию на основе доверия* рождаются спонтанно в самой повседневной жизни, аккумулируя в себя все те разрозненные навыки и знания, которые формируются не только благодаря, но и вопреки действиям властей. Хотя, чтобы импульс превратился во взаимодействие, необходимо его каждодневное и креативное воспроизведение, причём коль скоро речь идёт о взаимодействии – совместными усилиями.

Ответ на вопрос, где и как отыскать возможности для проявления таких усилий, выходит за пределы моих размышлений, каким бы важным этот вопрос ни казался. Поскольку моя задача состояла в том, чтобы показать, к чему такие усилия могут привести, из чего они складываются и почему важны и неискоренимы. Впрочем, обоснование факта неискоренимости стремления людей к *взаимодействию на основе взаимного доверия* уже является первым шагом на пути к нему. Одна из важнейших задач социально активных граждан Беларуси, на мой взгляд, состоит сегодня в том, чтобы начать делать следующие шаги по этому пути.

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ОБЪЕКТА

Галина Русецкая[1]

Abstract

The purpose of this article is to show how the conceptual resource of psychoanalysis helps to open unobvious dimension of the social order of Belarus. «The latent true» of social order becomes accessible to us in a certain extent subject to a traumatic core of subjectivity.

The basic attention in the article is paid to the notion of psychoanalytic ethics which is based on the concept of desire. The desire is never realized in its completeness. However it can be found in the relation with the desire of the other. The subject betrays his/her desire when he/she objectifies the completeness of the desire of the other. This objectification in its most odious forms generates envy to the desire of the other which is fraught with reaction of violence.

In this article, the basic conditions of the possibility of the ethical choice based on the maxim «follow your own desire» are considered.

Keywords: ethics of psychoanalysis, desire, melancholy, violence, pure difference.

Нынешняя социально-политическая ситуация в Беларуси как нельзя точно вписывается в координаты, совпадающие с названием небольшой статьи С. Жижека, а именно: *Когда простота означает странность, а психоз становится нормой*. Основная проблематика этой работы, равно как и общественная жизнь Беларуси, как видится, размещены в плоскости психоаналитической этики. Может показаться, что сложно отточенный психоаналитический инструментарий незачем извлекать на свет ради высказывания о предельно простой и оттого безнадёжной ситуации, маркированной термином *колхозный авторитаризм с элементами тоталитаризма*. Однако основной замысел этого аналитического предприятия лишь в малой степени отличается от любого иного, ведомого значимым для нас поводом. Суть этого отличия состоит в том, что анализируются событие и его контекст, в отношении которых субъект и объект анализа если не совпадают, то переходят из одного регистра в другой довольно часто и с посильной долей осознанности.

Если для философии не существует ничего очевидного и философ, подвергая пересмотру наличные интерпрета-

[1] Галина Русецкая – магистр философии, преподаватель Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

тивные схемы, осуществляет смещение перспективы в постановке проблем, то для психоанализа смысл такого смещения – это всегда встреча с измерением истины (как бы метафизично это ни звучало), измерением невозможного, того, что является условием возможности наличного. Это измерение есть не что иное, как бессознательное. В соотнесении с ним и рождается этический субъект с точки зрения лакановского психоанализа.

Почему измерение истины в психоаналитическом смысле Лакан характеризует определением *невозможное*? Потому что в привычных обстоятельствах она (истина) дана нам только в искажённом виде (посредством *Воображаемого*). Этический же субъект рождается в ответе на вызов *Реального*, в ситуации (после) перехода за/через фантазм (по ту сторону *Воображаемого*). Этот переход знаменует собой встречу с тем, что, оставаясь недоступным полному осознанию, является последним основанием субъекта. Поэтому с психоаналитической точки зрения этический субъект принципиально расколот, в равной мере он нуждается в обманчивой гармонии фантазма (*Воображаемого*) и с необходимостью с ней порывает.

Происходящее в Республике Беларусь на протяжении всей её новейшей истории и отдельно взятое событие 19 декабря 2010 года с успехом востребуют весь спектр психоаналитических идей, но, повторюсь, наши размышления размещены в плоскости психоаналитической этики. Стоит, однако, упомянуть, что психоаналитический дискурс в целом – это преимущественно этический дискурс. В противоположность этике блага, психоаналитическая этика исходит из невозможности гармонического (гомеостатического) состояния человека и человеческого сообщества. Парадоксальность манипуляций с понятием блага состоит в том, что все они, так или иначе предполагая осуществимость идей справедливости и равенства, покрывают место глашатая, по которому проходит водораздел, формирующий разнящиеся и никоим образом не равноценные ниши (позиции) в социальном поле. Поэтому понятие блага, отсылающее к гармонии, равноценности, терпимости к культурным различиям, справедливости, равенству и т. д., – глубоко идеологично и нуждается в осмыслении с позиции понимания двусмысленности его характера. Психоаналитическая этика *Реального* противостоит этике блага, отсылающей к Аристотелю. Фрейдо-лакановская этика, кроме того что вскрывает идеологический характер понятия блага, задаёт иные координаты феномена долженствования, с которым вынужден иметь дело всякий человек. Сказать, что психоаналитическая этика выражается формулой «следуй максиме своего желания» – практически ничего не сказать или сказать очень мало. В то же время в задачи этого текста не входит прояснение всех ключевых концептов фрейдо-лакановского психоанализа, без знания которых, однако, невозможно адекватное понимание сути этики *Реального* (психоаналитической этики, этики дисгармонии). Эту сложность мы попытаемся преодолеть, апеллируя к эмпирическим событиям, имеющим значение для субъекта высказывания.

Внутренняя логика дисбаланса, заложенная в идентичность как отдельного субъекта, так и сообществ, не может быть разъяснена без обращения к одному из основных психоаналитических концептов – *супер-эго*. Может показаться, что с этой инстанцией всё давно ясно: в незатейливых околопсихоаналитических домыслах *супер-эго* предстаёт в виде носителя культурных запретов, нарушаемых с подачи девиза: «Если очень хочется, то можно». Для нас же важно распознать динамический и глубоко двусмысленный характер *супер-эго*. *Супер-эго* – это инстанция, олицетворяющая собой не только запрет и Закон, но и особого рода наслаждение. Характеризуя одну из ключевых фигур психоаналитического дискурса – Отца, – Лакан использует игру слов во французском языке: он говорит о перверсии – *«père-version»*. Перверсивность, таким образом, означает, что Отец – это всегда версия отца. В основании его существования – глубокая двусмысленность. Отцовская инстанция (*супер-эго*) получает свою долю непристойного наслаждения, культивируя в субъекте чувство вины. При этом чем больше *эго* старается соответствовать требованиям *супер-эго*, тем притязательнее взыскания со стороны последнего. Это одно (не единственное) из обоснований динамического дисгармонического характера «человеческой природы».

Дисгармонический характер общества основывается на уже обозначенном допущении избыточности человека по отношению к самому себе. Конститутивный дисбаланс, существующий на уровне отдельного субъекта, проецируется на социальный порядок. Принятие факта принципиально негармонического социального устройства никоим образом не является обоснованием или оправданием для конкретной наличной констелляции его элементов. Этика *Реального* (этика дисгармонии) может обосновать только необходимость поддерживать разрыв между наличным и возможным, между универсальностью притязаний того или иного проекта социального переустройства и его партикулярной укоренённостью.

Кроме акцентуации этической проблематики в связи с 19-м декабря встаёт вопрос о возможной динамике в соотношении если не видимого и говоримого, то событийного и аналитического. Очевидно, что, описывая событие, мы формируем социальный симптом. Только через симптом мы можем узнать что-то о субъекте – в данном случае о себе в качестве участников социального порядка в современной Беларуси, равно как и о самом этом порядке, и именно в такой последовательности.

Ключевой мотив упомянутого в начале работы текста Жижека, как это часто бывает в его работах, отсылает к фильму и одноименному роману под названием *Талантливый мистер Рипли*[2]. Для нас здесь важны два сюжета: (а) полнота желания другого и связанная с ней специфическая разновидность зависти и (б) диалектика нормы

---

2 Жижек С. *Когда простота означает странность, а психоз становится нормой* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://lib.rus.ec/b/160341/read. Дата доступа 15.06.2011.

и патологии. Допущение полноты желания другого в качестве действительной характеристики последнего – это условие возможности навязчивого преследования этого другого, практически обречённого вызывать ненависть у носителя фантазма о полноте. Эта ненависть вызвана особого рода завистью, центрирующей желание субъекта в его отношении к недоступной полноте желания другого. Суть этого феномена (зависти), как говорит Лакан, в полной мере передаёт только немецкий язык: речь идёт о *lebensneid*[3]. Дело осложняется тем, что в психоанализе мы имеем дело с бессознательным. И для того чтобы встретиться с измерением невозможной истины, говорящей о субъекте больше, чем он готов услышать, нужно иметь смелость подвергнуть сомнению самопрозрачность и благонамеренность собственного *эго*. Без нужды, однако, никто делать этого не станет, а нужда оказывается очевидной не для всех. Меж тем самое простое в навязчивом преследовании желания другого – обрушить на него весь праведный гнев, вызванный принципиальной недостижимостью этой полноты.

Эта схема с очевидностью обнаруживается, если мы вспомним декабрьскую и последующую неадекватную жестокость людей, удалённых от своего желания настолько, что желание других может вызвать у них только ненависть. Либидинальная нагрузка переносится на других. Перенос вызван не столько завистью как таковой («нам никогда не быть людьми, для которых свобода имеет ценность»), сколько *вытеснением* зависти и автоматически возникающей агрессии в отношении тех, кто предположительно обладает полнотой желания (способностью ощущать ценность свободы). Остаётся только обесценить эту способность, низвести до своего уровня трактовки. Насилие, которое мы наблюдали 19 декабря и после, означает, что *свобода* в качестве ценности и означающего, функционирующего на символическом уровне, укоренена в бессознательном субъектов насилия. Но этого тезиса недостаточно. *Свобода* в качестве основного означающего, вокруг которого, как видится, разворачивались анализируемые события и новейшая история Беларуси, является утраченным объектом – ведь мы знаем из работы Фрейда *Печаль и меланхолия*, что в качестве утраченного объекта может выступать не только любимый человек, но и идея. Предположу, что утраченный объект, центрирующий желание белорусов, который мы при первом приближении обозначили понятием *свобода*, может быть уточнён при помощи означающего *«Людзьмі звацца»*. Это означающее сформировано классиком белорусской литературы в хорошо известных каждому школьнику строках:

А хто там ідзе, а хто там ідзе
У агромністай такой грамадзе?
– Беларусы.

---

[3] Лакан Ж. *Семинары. Книга 7: Этика психоанализа.* Перев. А. Черноглазова. М.: Гнозис/Логос 2006. С. 307.

А што яны нясуць на худых плячах,
На руках ў крыві, на нагах у лапцях?
– Сваю крыўду.
А куды ж нясуць гэту крыўду ўсю,
А куды ж нясуць напаказ сваю?
– На свет целы.
А хто гэта іх, не адзін мільён,
Крыўду несць наўчыў, разбудзіў іх сон?
– Бяда, гора.
А чаго ж, чаго захацелась ім,
Пагарджаным век, ім, сляпым, глухім?
– Людзьмі звацца[4].

Как указывает Фрейд, реакция на потерю любимого объекта может быть разной – печаль или меланхолия. При всей силе аффекта печаль не затмевает для субъекта мир, поскольку он осознанно оплакивает утрату посредством работы печали. Меланхолия же в качестве реакции на утрату разворачивается сложнее и с большими задержками в движении либидо. При меланхолии отсутствует чёткое представление о том, что утеряно. Но даже если есть представление об объекте утраты, то неясно, что именно в этом объекте утрачено. Кроме того, мир для поражённого меланхолией практически перестаёт существовать, либидо путается в сетях любви-ненависти.

Как видится, в белорусском обществе произошёл раскол по линии этического выбора. Этическую перспективу мы и будем удерживать в наших дальнейших рассуждениях. Но прежде чем пояснить суть заявленного тезиса, стоит задержаться на механизме меланхолии. Если мы предположим, что утрата объекта *«Людзьмі звацца»* происходит по модели меланхолии, наиболее ожидаемая в этом случае форма «отработки» – агрессия, или, точнее, аутоагрессия. При меланхолии ситуация утраты отягощена тем, что отрицается факт утраты, а утраченный объект замещается самим субъектом: в отсутствие включённости в европейское культурно-политическое пространство можно заявить: «Мы и есть Европа». Пожалуй, на этом механизм меланхолии можно оставить в покое, поскольку дальнейшее его развитие приводит к самообвинению и аутоагрессии, если следовать Фрейду. Мы же видим несколько отличный вариант развития событий: либидо, заряженное ненавистью, переносится на сконструированный на скорую руку образ врага. Эта объективация носит глубоко бессознательный, а потому, скорее всего, необратимый характер.

В работе *Когда простота означает странность*… Жижек показывает эволюцию этической установки, один из вариантов логического завершения которой выражается формулой: на пути реализации вашего желания не может быть никаких преград. Если

[4] Купала Я. А хто там ідзе? // Купала Я. *Жыве Беларусь.* Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. С. 25.

преграда в виде конвенциональных запретов всё же появляется, она может быть разрушена. Безусловно, главному герою анализируемого Жижеком романа и одноименного фильма *Талантливый мистер Рипли* неприятно совершать убийство молодого человека, который воплощает для него идеального субъекта желания. В отношении этого субъекта (Дики) Рипли испытывает ту разновидность зависти, о которой мы упоминали ранее – *lebensneid* (вполне возможно, никакой другой и не существует). Каким бы неприятным делом ни казалось убийство, Рипли «вынужден» его совершить, чтобы самому стать идеальным субъектом желания, присвоив имя и образ жизни своего друга. Подчеркнём, что убийство здесь является «всего лишь» технически необходимым, почти рутинным мероприятием по устранению преграды на пути желания. Для нас в этом сюжете важен момент взаимообратимости понятий *нормы* и *патологии*. Сюжет хорош тем, что слишком явно демонстрирует то, что в повседневной социальной жизни присутствует не в столь радикально отчётливом виде. Патология Рипли в том, что он абсолютно нормален, – Жижек приводит на этот счёт суждение автора романа Патрисии Хайсмит. И здесь же цитирует Лакана:

> «Норма есть специфическая форма психоза, травматически не пойманная в символическую паутину, сохраняющая “свободу” от символического порядка»[5].

Иными словами, патологическая установка, не знающая запретов или устраняющая их как техническую неприятность, может в определённый момент стать абсолютно нормальной, не воспринимаемой субъектом как некий эксцесс. И обратно: нормальное человеческое желание причастности к политическому процессу, оказывающему непосредственное влияние на собственный образ жизни, или желание солидаризироваться по каким-либо основаниям с другими людьми становятся пугающими и эксцентричными.

Проблема здесь в отношении к запрету, или Закону, в терминах психоанализа, который учит, что запрет и формирует нашу способность желать. Психоанализ в этом вопросе гораздо более радикален в сравнении с постмодернистским релятивизмом, поскольку психоаналитическая трактовка желания обязательно предполагает соотношение с невозможностью его полной реализации. При всей условности, граница нормы и патологии, многократно подвергавшаяся критике, задаётся отношением к Закону как формальному принципу. Закон – это пустое означающее, чистое различие, несовпадение перспектив. Всякое содержательное наполнение этого принципа, равно как и игнорирование Закона в качестве необходимого формального принципа, находятся за пределами этического действия. Следовать желанию означает исходить из необходимости чистого различия; различия, к примеру, не только между отдельными сообществами, что само по себе важно, но и различия между

5 Жижек, указ. соч.

конкретным сообществом и идеей сообщества. Следовать желанию означает не переставать давать ответ на несовпадение перспектив порядков *Символического* и *Воображаемого*, наличного и потенциального, *эго* и *супер-эго* и т. д.

Ясно, что сам по себе выход людей на площадь с тем, чтобы выразить несогласие с очевидной ложью, необязательно привёл бы к смене режима. Властная машина работает по своим законам, для описания которых недостаточно одного психоаналитического инструментария. Однако с его помощью можно проанализировать феномен насилия, проявляющегося со степенью агрессии, неоправданной настолько, что подрывает относительно устойчивое положение самих носителей. Таким образом, то насилие, которое мы могли наблюдать 19 декабря и которое в явном или латентном виде окружает нас до сегодняшнего дня, представляет собой следующую констелляцию:

- фундированное меланхолией (недоступностью утраченного объекта *«Людзьмі звацца»* и вытеснением факта этой утраты) насилие;
- объективированное насилие, а потому сопровождаемое явно выраженной агрессией в отношении полноты желания другого;
- технически оправданное насилие – патологически нормальное (а-ля *Талантливый мистер Рипли* Патрисии Хайсмит, но не экранизации, где герой Мэта Даймона всё же испытывает муки совести).

Этика психоанализа, при всей сложности её обоснования, определённо характеризуется установкой на удержание разрыва, несовпадения перспектив *Воображаемого* и *Символического*. Между тем этический выбор – это выбор (*в пользу смерти*) в пользу должного, данного нам как безличный символический порядок, в котором мы размещаем своё желание. Иными словами, мы знаем, что выход на площадь 19 декабря сам по себе не ведёт к переустройству социального порядка, который соответствовал бы нашим чаяниям (хотя бы в силу того, что такого социального порядка не существует). Но это отнюдь не означает, что выход бесполезен. Бесполезной и тщетной как раз оказывается другая позиция: раз невозможно изменить наличное положение дел, то не стоит и предпринимать что-либо. Это, кстати, позиция Исмены в *Антигоне* (на примере одноименной героини этого мифа Лакан раскрывает специфику этического выбора)[6]. Символическим жестом (пустым, но от этого крайне ценным) – выбором в пользу невозможного – мы поддерживаем в поле видимого несоизмеримость порядков наличного и возможного. На наш взгляд, крайне важна именно такая трактовка: протестные действия – это гарантия дисгармоничного, нецелостного, всегда не совпадающего с самим собой социального пространства. Все его репрезентации в качестве целостного работают на его уничтожение. Оставаясь в этой топике, крайне важно не обесценить это

---

6 Лакан, указ. соч., с. 315.

событие: протестные действия 19 декабря не могут трактоваться как неуспешные или проигранные, несмотря на то (или именно потому) что пострадали и до сих пор страдают люди. При всём различии в масштабах и последствиях в той же топике рассуждает Жижек, когда пишет о Холокосте в терминах необходимости всем нам стать знаками этого события. Это прикосновение к травме, или идентификация с симптомом, даёт возможность действительно проблематизировать социальный порядок, удерживая наши размышления в поле этики.

Этический выбор предполагает взаимозаменяемость субъекта и объекта. Выйти на площадь 19 декабря и остаться в момент, когда можно было уйти, – это демонстрация отношения к себе как объекту. Это ситуация, когда игра важнее отдельно взятого игрока. Лакан неоднократно утверждал, что этический выбор – это выбор в пользу смерти. Это означает, что субъект включается в символический порядок в качестве объекта, которого уже не волнует собственная судьба в горизонте самосохранения. Очевидно, что лёгкость, с которой, как может показаться, это утверждается, мало соотносится с действительным выбором.

Условия этического выбора, как правило, таковы, что никогда не известны заранее все ставки в игре. Субъект вовлечён в игру, правила которой могут меняться. Но смысл этического действия от этого не становится релятивным. Исходя из того, что общество не существует вне своей репрезентации, можно утверждать, что социальный порядок, мыслимый в терминах случайности, – наиболее продуктивная модель. При условии, что в наших представлениях об обществе есть место случайности и, более того, вокруг неё выстраиваются социальные отношения, мы можем видеть социальное вне его жёсткой детерминированности экономикой и производством, что крайне важно. Так, к примеру, Бодрийяр в своих теоретических построениях с целью экспозиции социального устройства, для которого конститутивным является случай, привлекает метафору «Лотереи в Вавилоне» (Борхес).[7] Случай, став элементом реальности, порождает неразличимость порядков алеаторности и спланированности. Неспособность осознать тотальную случайность игры, в которую действующие лица всегда уже включены, – досадная близорукость, и именно эту неспособность можно обозначить как бессознательное. Социальность, в основе которой – игра случая, а не довесок к рационализированной управляемости, опровергает привычную социальность, описываемую в терминах производства, пользы, традиционной этики и научной репрезентации. Возможность такой рискованной социальности, основанной на постоянном повышении ставок, вызывает у Бодрийяра ностальгию по утраченному и одновременно становится новым горизонтом.

Это небольшое отвлечение в сторону автора, который является скорее критиком психоанализа, понадобилось нам для того,

---

7 Бодрийяр Ж. *Соблазн*. Перев. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000.

чтобы перейти к дальнейшему рассмотрению возможностей этического выбора в ситуации случайной констелляции событий и неслучайной роли означающего. Позволю себе привести длинную, но уместную здесь цитату из семинара Лакана:

> «Означающее вводит в мир два порядка – истины и события. И если мы хотим удерживать его на уровне отношений человека с измерением истины, то нам не удастся одновременно использовать его для упорядочения события. В трагедии, любой трагедии, никакого подлинного события нет. Герой и его окружение занимают определённые позиции по отношению к точке, к которой устремлено желание. Происходящее же представляет собой обрушение, перемешивание различных пластов присутствия героев во времени. Именно это и остаётся в итоге неопределённым – когда карточный домик, который представляет собой трагедия, рушится, различные вещи могут сгрудиться вместе, и картина, в конечном счёте, может получиться самая разная»[8].

Таким образом, психоанализ позволяет нам предположить, что если что-то существует на символическом уровне как означающее (*свобода* или *«Людзьмі звацца»*), то оно центрирует желание разных субъектов в поле отношения к истине; истине, данной нам только в искажённом виде через фантазм и раскрывающейся на втором шаге через прикосновение к травме или идентификацию с симптомом – в этическом поле.

В *Топосе* пятилетней давности, посвящённом президентским выборам 2006, Янов Полесский писал о том, что деградирующий режим сам порождает революцию своими агрессивными выпадами, демонстрируя при этом собственное бессилие.[9] Это в целом верное наблюдение хотелось бы развить. Не секрет, что слабые управляют сильными, и они могут делать это бесконечно долго. Никакого определённого прогноза нельзя сделать на основании событий самих по себе, хотя бы в силу того, что не бывает таких событий, которые говорят сами за себя. Наше теоретическое предприятие нацелено показать, что освежающая истина о том обществе, в котором мы живём, может быть явлена при условии формирования социального симптома. Симптом указывает на невозможное травматическое ядро, идентификация с которым позволяет переописать социальный порядок, обнаружив в нём доселе скрытые возможности. Поскольку раскол современного белорусского общества очевиден, симптом для находящихся в противостоянии сторон будет разным. Для власти симптом – это идея свободы; для того, кто осознаёт значимость свободы, симптом – это рабство. Поскольку этика психоанализа – это не морализаторство и не заведомое приписывание этического выбора своим единомышленникам и отсутствия способности к этому выбору идеологическим врагам и просто непри-

---

8 Лакан, указ. соч., с. 342.

9 Полесский Я. Перманентные выборы и революция // Топос. 2006. № 2. С. 81–90.

ятным людям, то мы должны иметь представление о том, что возможность подлога, насилия и хамства является скрытой истиной о нас самих, существующей на уровне бессознательного; на основании этой истины и формируется симптом.

Этика психоанализа, конвертированная в императив следовать желанию, предписывает нам отыскать своё желание. Это можно сделать только в соотношении с желанием другого (других). Самая удалённая от желания, а потому начальная позиция на пути следования к нему – зависть в отношении желания другого и, как следствие – агрессия, мотивированная стремлением присвоить объективированное в другом желании. Очевидно, что невозможно овладеть желанием другого посредством его физического уничтожения или захвата атрибутов его идентичности. Если желание другого не становится самоценным на сознательном уровне, оно западает глубоко в бессознательное в виде нераспознанного симптома, проявления которого не замедлят сказаться в явно деструктивном характере действий. Чужое желание нельзя ни присвоить, ни разрушить, в отношении к нему можно только обрести своё. Это один из ключевых принципов психоанализа, располагающийся всё в том же этическом поле.

Любая идеология вводит нас в измерение иллюзии, благодаря которой мы полагаем, что, избавившись от конкретного источника зла (сбоя в системе), мы наладим нормальную социальную жизнь. Мы же настаиваем на необходимости брать за точку отсчёта сбой как таковой: он объясняется несовпадением порядков истины и эмпирического события. Совпадение этих порядков патологично. Следуя психоаналитической этике, мы можем настаивать только на необходимости следовать пути желания, размещённого в символических координатах. В психоанализе запрос на счастье и гармонию неизбежно оборачивается предложением отыскать своё желание в соотношении с желанием другого и невозможной истиной о самом себе.

МАШИНА БЕЗ ТОРМОЗОВ.
Информационная политика белорусского государства в избирательной кампании 2010 года

Александр Сарна[1]

Abstract

The article reveals a significant role of the information policy realized by the Belarusian state during the election campaign 2010. It was an aggressive propaganda that included such main strategies as music shows, billboard posters, pseudo-documentary films and TV-news about the protest actions in the centre of Minsk on 19 December 2010.

Keywords: propaganda; information policy; music show; billboard posters; TV-news; protest action.

В 2010 году в Беларуси прошли очередные президентские выборы, на которых в очередной раз победил А. Лукашенко. Однако теперь победа выглядела не столь «элегантной» и многими ставилась под сомнение, а независимые наблюдатели и представители оппозиции указывали на факты нарушений, совершённых на избирательных участках. Но нельзя отрицать и того, что большинство населения всё же отдало свои голоса именно за действующего президента, даже не предполагая никакой альтернативы. Как и на предыдущих выборах 2006 г., основную роль в «информационной войне» сыграла государственная пропаганда, развернувшая свои орудия для атаки сразу на нескольких направлениях. Как и в прошлый раз, обработка массового сознания осуществлялась посредством СМИ, наружной рекламы, развлекательных мероприятий, различных концертов и шоу. И так же, как в 2006 году, потенциал предварительной агитации оказался недостаточным для предотвращения акций протеста, организованных оппозицией и вызвавших массовые волнения в Минске, так что власти пришлось срочно предпринимать ответные действия по «зачистке» информационного пространства и созданию устраивающего её образа произошедших событий.

В данной статье рассматриваются основные принципы и этапы информационной политики, осуществляемой государством как до, так и после выборов для обеспечения победы А. Лукашенко и её легитимации. Результатом применения данной политики становится выстраивание социума как кон-

[1] Александр Сарна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной коммуникации Белгосуниверситета (г. Минск, Беларусь).

тингентного пространства отношений, в котором «агенты борются за символическое управление поведением людей в их публичной жизни»[2], что превращает усилия по конструированию и продвижению различных имиджей в основное средство борьбы за власть.

Республиканская общественная акция «Беларусь – это мы!»

«Беларусь – гэта мы!» – под таким названием прошла агитационная кампания, организованная телеканалом ОНТ в пяти регионах страны.[3] Она стартовала задолго до выборов, ещё в феврале прошлого года, и практически полностью дублировала кампанию «За Беларусь!» (2006), лишь немного изменив формат: финальный концерт проводился в столичной «Минск-арене» для студентов вузов. Во всех мероприятиях приняло участие около пятисот артистов, из которых, конечно, далеко не все являлись признанными «зорками» эстрады, зато привлекались и «молодые таланты». На всех концертах выступали руководители областей с отчётами за прошедшую пятилетку, а в Минске на сцену вышел сам президент и назвал всё происходящее «великим действом». Он признал, что эта акция делалась «под выборы», и заявил ещё до начала голосования, что «вам придётся какое-то количество лет иметь дело со мной как с президентом».

«Музыкально-патриотический марафон» охватил все областные центры, о которых в телевизионных версиях концертов на ОНТ предусматривались специальные репортажи – каждый раз о том городе, в котором проходило очередное шоу. Лишь в трансляции из Минска не оказалось никаких сюжетов о столице – город как будто лишился не только столичных привилегий, но и просто возможности демонстрировать себя как часть Беларуси. Такое «понижение в правах» легко объяснимо, поскольку каждый раз на выборах именно столичные жители неохотно выражают доверие главе государства и регулярно дают самый низкий процент проголосовавших «за».

Патриотически выдержанный подбор номеров подразумевался для всех участников шоу, которые старались отыскать в своём репертуаре нечто торжественно-пафосное или хотя бы лирически-возвышенное, соответствующее общему настрою. Особо выделялась крикливо-напористая агитка «Беларусь сильная» Ирины Дорофеевой, но главным хитом, прозвучавшим в финальном концерте, стала песня «Саня останется с нами», явившаяся сюрпризом даже для самого президента. Немаловажный акцент делался на стилистику оформления и ведения концертов, которая полностью

---

2 Черных А.И. *Медиа и демократия.* М., СПб.: Университетская книга, 2011. С. 16.

3 Осипов М. Беларусь – это мы! // *Вечерний Минск.* 2010. 14 дек. № 237(12294) [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.newsvm.com/news/21/65686/

укладывалась в идеологическую концепцию проекта: все ведущие говорили по-белорусски, наперебой расписывая красоту и очарование Беларуси, и лишь на финальном концерте в Минске к молодёжи обращались по-русски.

Особое внимание при организации финального шоу уделялось манипуляциям с публикой, точнее – с ближайшей к сцене частью зрителей на танцполе. «Аниматоры», одетые в чёрное, резко выделялись на фоне толпы и дирижировали ею, подсказывая своими движениями, как «правильно» выражать эмоции и поддерживать выступающих на сцене. В итоге организаторам удалось добиться слияния формата развлекательного шоу в духе «Мисс Беларусь» с пафосом Национального собрания РБ. Даже отбор зрителей проводился по принципу делегирования от главных вузов республики – приглашались «самые достойные», хотя на самом деле достаточно было лишь членства в БРСМ. Концерт стал идеальной постановкой реальной ситуации в стране, будучи организован как тотальная симуляция активности публики и искренности артистов, выступавших под фонограмму: одни изображали, что поют, другие – что испытывают при этом неподдельный энтузиазм.

Между тем, эта акция не была уникальна по своему масштабу, её «репетиции» в аналогичном формате с успехом осуществлялись в течение всего года. Среди этих шоу особо выделялся республиканский конкурс «Мисс Беларусь 2010»[4], который проходил почти четыре месяца, а его финал практически совпал с праздничным парадом в честь 65-й годовщины победы в Великой Отечественной войне. Такого рода «фэшн-шоу» и «плац-концерты» прекрасно подходили для организации представления с привлечением многочисленной массовки, призванной выступить как единое «коллективное тело», добившееся слаженных, отточенных до совершенства движений и реакций. Именно так работала, размахивая шапочками, молодёжь из БРСМ на финале конкурса «Мисс Беларусь», и ещё более активно она участвовала в шествии на Параде Победы. Но если на конкурсе красоты публика вовлекалась в шоу лишь частично (малой частью статистов вне главной сцены), то уже на Параде Победы бо́льшая часть зрителей активно поддерживала происходящее, а многие сами стали участниками костюмированного «карнавала».

На сегодняшний день стимуляция активности населения в качестве участников и потребителей различных зрелищ становится основой информационной политики белорусского государства. Именно для этого устраиваются многочисленные конкурсы: «Евровидение» и «Музыкальный суд», «Битва городов» или «Великолепная пятёрка», – которые можно считать весьма эффективными средствами по программированию реакции аудитории и стимуляции массовых вкусов, желаний и интересов. С одной стороны,

[4] VII Национальный конкурс красоты «Мисс Беларусь 2010» // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.ont.by/projects/projects/miss2010/

здесь предлагаются, а порой и откровенно навязываются эталонные образцы красоты и успеха, имиджи публичного признания и одобрения. Так происходит моделирование образа жизни, который должен восприниматься и одобряться публикой в качестве идеальной формы самопрезентации. С другой стороны, такая медийная политика направлена на организацию публичной сферы лишь как области развлечений, доступных для всех: именно развлечение становится для нас «школой социальной компетентности»[5]. При этом происходит переключение внимания населения с общественных проблем на организацию досуга и превращение серых будней в сплошной «праздник жизни». Однако всё чаще это напоминает «пир во время чумы», то есть *пиар* в период кризиса.

Как и в шоу-бизнесе, власть готовит и проводит выборы в Беларуси по образцу очередного конкурса или зрелища в обществе «тотального спектакля». Организуемые при этом акции служат для моделирования ситуации выборов и отработки сценариев мобилизации населения в интересах государства, причём речь идёт не только о репетициях самого шоу (это лишь повод), но и об организации сопутствующих мероприятий – выборе места проведения концерта, техническом обеспечении трансляции, формирующем соответствующую «картинку» в сознании аудитории, и, конечно, работе с самой аудиторией. Ведь необходимо решить, кого пригласить на концерт в качестве массовки и что от неё потребовать: пассивного сидения на месте и «отработки» приглашения вялым помахиванием флажками (бóльшая часть зала, удалённая от сцены); активного рукоплескания и «подтанцовки» в проходах, а также размахивания знаменами (на эту роль приглашаются активисты БРСМ); заполнения танцпола и согласованной поддержки исполнителей в виде «коллективных жестов», повторяющих движения «аниматоров» (молодёжь, составляющая основную часть БРСМ).

Тем самым происходит разделение электората на две неравные части – «публику» (активную, но меньшую часть, которая рассматривается как привилегированная и «за заслуги перед Отечеством» удостаивается персонального приглашения на концерты) и «аудиторию» (бóльшую, но пассивную часть, готовую лишь к роли потребителей зрелищ и выступающую «нейтральным фоном», не противодействующим инициативам государства). Тем не менее, в предвыборный период обращение идёт ко всем слоям населения, поскольку подразумевается, что любой гражданин может и должен осуществить стандартный набор действий в режиме риторических формулировок – «прийти и поддержать», «сделать свой выбор», «проявить сознательность» и т. п. Так или иначе, пассивно или активно, но практически все оказываются вовлечёнными в игры с собственной идентичностью и распределением ролей в зависимости от отношения к происходящему. И независимо от того, «за» ты или «против», оказался в публике или составил часть аудитории,

---

5 Больц Н. *Азбука медиа.* М.: «Европа», 2011. С. 75.

всё равно не миновать прямого или косвенного участия государства в твоей судьбе.

Документальный цикл «Государственная политика» на Первом национальном телеканале

На Первом национальном телеканале предвыборная кампания началась 22 ноября с ежевечерней демонстрации «развлекательного» сериала под названием «Государственная политика». Проект Агентства телевизионных новостей явился едва ли не самым масштабным за всю истекшую пятилетку, включая двенадцать серий, посвящённых столь разным сферам общественной жизни, как бизнес и образование, медицина и спорт, развитие села и малых городов… Хотя все затрагиваемые темы в целом можно отнести к социальной политике, сам фильм рассматривается как «венец» политики информационной. Однако он подавался на сайте канала не как продукт официальной идеологии, но как набор «реальных историй», непредвзято рассказывающих о нашей жизни:

> «“Как менялась страна, как менялись мы” – это главная формула фильма. Чтобы раскрыть её, авторы проекта пошли от частного к общему – рассказали истории простых людей. Из сотен возможных сюжетов выбрали самые яркие, необычные. В них нет цифр статистики. Реальные судьбы, эмоции как нельзя лучше показывают масштабность государственной политики»[6].

Между тем без «цифр статистики» в сериале не обошлось. Истории о «простых людях» послужили лишь поводом для предъявления именно отчётных показателей по всем указанным сегментам за последние пять лет. «Житейские байки» о том, как бизнесмены выкупают обанкротившиеся госпредприятия для расширения своего производства, а многодетные семьи получают многокомнатные квартиры, оказываются общим фоном для совершенно предсказуемой предвыборной агитации «за Беларусь». При этом в каждой серии чётко прослеживается одна и та же структура: вначале «пример из жизни», в середине нам напоминают о нём, а к финалу вновь возвращаются к данному случаю, чтобы связать «малое с великим», частные дела с масштабными государственными проектами. Всё остальное время занято «отчётами о проделанной работе» и победными реляциями экспертов и чиновников, подтверждающих, что «у нас всё замечательно» и «будет ещё лучше». Но, разумеется, лишь в условиях «стабильности», то есть при сохранении нынешнего режима как итога перевыборов президента на очередной срок. Естественно, в фильме речь не идёт о каких-либо проблемах, которые просто игнорируются: не затрагиваются ни ситуация с правами человека, ни коррупция с инфляцией.

---

6 Документальный цикл «Государственная политика» // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.tvr.by/rus/atnproj.asp?pr=govpolitics.

Такой ход телепропагандистов не стал откровением для аудитории, поскольку следовал рецепту, уже применявшемуся на другом канале в прошлой предвыборной кампании. В телесезоне 2006 года ОНТ запустил в эфир серию из пятнадцати роликов, также построенных на якобы «реальных сюжетах» – историях из повседневной жизни самых разных слоёв белорусского общества. За основу здесь брались ситуации, которые почему-то следовало считать типичными для «страны бульбаша». Например, встречаются в автосалоне двое приятелей, когда-то вместе работавших на государственном заводе. Один из них «не выдержал трудностей» и подался в бизнес, а второй терпеливо дождался лучших времён – и вот теперь оба прицениваются к одному и тому же шикарному автомобилю. Мол, сейчас все могут такой себе позволить.

Не забыта и молодёжь: вот студентка-стипендиатка Фонда Президента Республики Беларусь соглашается взять шефство над своими отстающими в учёбе однокурсниками только в том случае, если они пообещают стать «самыми лучшими специалистами в республике». А вот мать солдата читает вслух своему мужу письмо сына из армии, в котором тот выражает желание остаться на сверхсрочную службу. Или несколько примеров с молодыми семьями, свидетельствующих о неустанной опеке и заботе государства о будущем, – заселение в новую квартиру, выбор места отдыха (причём, естественно, в Беларуси), посещение ледового дворца и т. п. Даже власть здесь представлена не чиновниками госаппарата, но прежде всего военнослужащими и милицией, которые хотя и призваны защищать существующий режим, должны восприниматься народом как «свои», поскольку остаются его частью.

Данный информационный продукт у нас традиционно выдаётся за социальную рекламу, однако не может быть признан даже политической, поскольку скрывает свою принадлежность какому-либо кандидату, зато прекрасно вписывается в русло государственной пропаганды. Демонстративная постановочность роликов, инсценировка с привлечением актёров позволяют без проблем моделировать «образцово-показательный» образ жизни белорусов, который так же легко распознаваётся аудиторией как «симулякр» и требуемого доверия не вызывает. В этом плане телесериал «Государственная политика» пошёл гораздо дальше, поскольку претендовал на «документальность», выступая как «телехроника» нашего времени. И заданные роли в нём исполняли уже не статисты и «подставные» актёры, но сами акторы, реально действующие на сцене белорусской социальной жизни.

В целом, случай с «Государственной политикой» – это характерный пример того, как стремление к «единственно правильной» позиции в рассказе об успехах государства превращается в пропагандистское шоу. Появление сериала о том, как государство заботится о своих гражданах в обмен на их лояльность, помещает аудиторию в ситуацию пассивного восприятия продукции белорусского телевидения и оставляет нам роль лишь потребителей бесконеч-

ного телемарафона. «Расслабься и получай удовольствие» – таков теперь главный принцип нашей государственной политики, построенной по принципу телесериалов. Единственное, что не предусмотрено в данном проекте вопреки требованиям жанра – смех за кадром, подсказывающий, где и когда проявлять свою реакцию зрителю. Смех – это единственная возможность для самовыражения, предоставляемая нам форматом сериала. И последний шанс проявления гражданской позиции для большинства населения, не готового идти ни на выборы, ни на площадь.

Наружная реклама: серии плакатов «Вмесите мы Беларусь» и «Победа в наших сердцах!»

В конце ноября 2010 года на улицах Минска появилась новая серия агитационных плакатов под названием «Вместе мы Беларусь». Именно такой лозунг объединял на биллбордах счастливые лица спортсменов, военных, строителей, комбайнеров, врачей, учителей, ветеранов и, конечно же, детей и молодёжи. Их появление практически совпало с публикацией в государственной прессе проекта социально-экономического развития Беларуси на 2011–2015 гг., который выступил аналогом предвыборной программы А. Лукашенко. Как и в прежние годы, материалом для плакатов послужили работы фотокорреспондентов белорусского телеграфного агентства *БелТА*, в полном объёме размещённые на сайте.[7] На появление плакатов тут же откликнулись блогеры, слегка «подкорректировавшие» лозунги на фотографиях. Так в интернете появились альтернативные варианты с новыми призывами.[8]

В новой серии использованы те же приёмы, что и в предыдущих, среди которых главный – претензия на «верность факту», ради чего предпочтение отдаётся фотореализму для создания убедительности изображений: считается, что фотография «не может лгать», показывая нам жизнь «как она есть». На фотопортретах новой серии оказались персонажи, представляющие, как и прежде, различные социальные слои и группы, претендуя на полноценный «срез» всего белорусского общества. И всё так же пропаганда от лица государства выдаёт себя за социальную рекламу, что позволяет заказчику не платить за её размещение, разорив рекламистов почти на полмиллиона долларов.[9]

Одним словом, государственная машина по производству коллективной идентичности вновь обратилась к старым сюжетам и моделям – и всё же с некоторым отличием. Здесь выпало клю-

---

7 Плакаты серии «Вместе мы Беларусь!» // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.belta.by/ru/posters?id=146.

8 «Вместе заменим его портреты» // *Наша Ніва*. 2010. 12 ноября. [Электронный ресурс] Точка доступа: http://nn.by/?c=ar&i=45925.

9 «Вместе мы Беларусь!» Лозунг Лукашэнкі на выбарах? // *Наша Ніва*. 2010. 11 ноября. [Электронный ресурс] Точка доступа: http://nn.by/?c=ar&i=45859.

чевое звено, которое служило основным элементом кампании 2006 года, – акцент на действии. Ведь та модель национальной идентичности строилась именно через солидарность, единство в завершающем и решающем действии – голосовании «за», что автоматически запускало привязку к итогам референдума 2005 по продлению полномочий А. Лукашенко в качестве главы государства. Поэтому тогда у электората не возникало ни малейших сомнений в том, чья персона скрывается за названием страны, – это и был действующий президент. Именно голосование за него должно было сложиться в коллективный жест, символизирующий слияние всех отдельных голосов в стройный хор во всеобщем патриотическом порыве. Единодушие группового решения, по замыслу политических архитекторов, подчёркивало единство нации, которое только в акте голосования и представлялось как единственно возможное. Теперь, видимо, необходимость в этом отпала, и пропаганда ограничилась лишь декларированием всеобщего единства, не призывая подтвердить его делом.

При этом представленные на плакатах образы на самом деле никак не связаны друг с другом. «Мы вместе» – утверждается на них. Но с кем вместе? И в каком именно месте? Где именно создаётся эта совместность? Ведь их объединяет только лозунг, который и указывает на необходимость совмещения и сопоставления всех фотографий друг с другом. Каждая из фотографий подразумевает следующую, и общий смысл послания открывается при выстраивании последовательной серии из всех изображений – именно так мог бы создаваться эффект единства в рамках модели групповой идентичности. Но поскольку всю серию из тринадцати плакатов можно увидеть только в виртуальном пространстве интернета (на сайте агентства), то и создаваемый мозаичный образ коллективной солидарности оказывается целиком виртуальным. Именно в таком качестве он работает как инструмент настройки коллективного воображения, или «социального воображаемого»: только удерживая в памяти каждый из плакатов и вспоминая изображённых на них людей, мы смогли бы осуществить сборку этой призрачной конструкции в своём сознании. И это был бы лишь продукт фантазии – фантазм, сопоставимый с любыми другими галлюцинаторными образами, предлагаемыми нам от лица государства.

В то же время интертекстуальность представленной серии подкрепляется отсылкой ко всем предыдущим кампаниям – прежде всего «Мы – беларусы!» и «Я ♥ Беларусь!». В них каждый отдельный сегмент нашего общества представлен визиотипом «человека и гражданина», бодро рапортующим от лица всех представителей нации о том, что «Мы – беларусы!» Следующий шаг вполне оправдан и напрашивается сам собой: уж коль ты признался в том, ты – белорус, то обязан любить Беларусь как свою Родину. Непонятно лишь, почему слово «люблю» оказалось заменено здесь сердечком. Видимо, чтобы сразу совместить русско- и белорусскоязычный варианты этого «чистосердечного признания», а также

предложить интернациональный вариант этой формулы, позволяющей присоединиться к нашему патриотическому порыву даже иностранцу.

Все эти усилия не прошли даром и в полной мере проявились в итоговом варианте – непосредственно в предвыборной агитационной серии «Вместе...», так и напрашивающейся на сравнение с детским шлягером советских лет «Вместе весело шагать по просторам». Но теперь это оказывается даже не интертекст, а палимпсест, поскольку за ним незримо присутствуют образы всех типажей предыдущих кампаний. Выступая их наследником и претендуя на органичное встраивание в общую логику производства пропагандистских имиджей, новая серия в то же время замещает и вытесняет своих предшественников. Поэтому надписи на плакатах не смогли ввести в заблуждение своей обманчивой очевидностью. Ведь правильный вариант чтения предполагает не «вместе», а «вместо», поскольку здесь в очередной раз продвигается всё тот же сценарий, в котором власть предлагает себя вместо нас, вместо народа, вместо Беларуси.

А уже непосредственно перед самими выборами появилась и серия «Победа в наших руках!», в которой представлено лишь два варианта плакатов: на первом изображён одуванчик на голубом фоне, что достаточно чётко отсылает к образу хрупкости и ненадёжности планов оппозиции, несмотря на поддержку со стороны Евросоюза, а на втором – юноша, чьё лицо осталось вне кадра, рвёт рубашку на груди, открывая майку чёрного цвета с надписью «Победа в наших сердцах!»; под этим изображением присутствует другая подпись: «Победа в наших руках!», – что внесло некоторый диссонанс в восприятие сообщения. Кроме того, оставалось неясным, от кого оно исходит, и ситуацию прояснял только шрифт надписи на майке, совпадающий со шрифтом призыва «Вместе мы добьёмся большего!», сделанного от лица Лукашенко на обороте специальных открыток, разбрасываемых по почтовым ящикам избирателей. На другой стороне этих открыток, на фоне коллажа природных красот родной земли, присутствовала надпись «Будущее в наших руках!» с подписью «А. Лукашенко», что, по всей видимости, и должно было восстановить интертекстуальную связь между всеми сообщениями. Однако тираж этих открыток составил всего миллион экземпляров. Видимо, это и есть тот круг «избранных», которым предоставлялась возможность доступа к «тайному коду» данного сообщения, адресант которого так и остался загадкой для подавляющего большинства населения.

Теледебаты и выступления претендентов на пост Президента Республики Беларусь на Первом национальном телеканале

Избирательная кампания 2010 оказалась скудной на скандалы и громкие информационные поводы, так что основные события произошли уже после выборов. Зато впервые после 1994 года на

белорусском телевидении вновь состоялись дебаты кандидатов в президенты страны. Правда, без участия главного претендента, что сразу превратило эти дебаты в очередную симуляцию, создаваемую для столкновения друг с другом остальных участников предвыборной гонки. Между тем к дебатам у каждого из претендентов на главный руководящий пост страны уже сложился определённый имидж по итогам двух выступлений – получасовых обращений к избирателям с экранов телевизоров. В наших условиях они остаются едва ли не единственной возможностью контакта кандидата с массовой аудиторией. Даже обращение по радио не могло по-настоящему сравниться с телеобращением, так как трансляция в радиоэфире проходила в шесть часов утра, когда народ ещё крепко спит либо уже спешит на работу.

Ни у кого из претендентов, кроме действующего президента, навыков участия в таких телешоу не было, так что им было труднее вдвойне. Ведь нужно учитывать специфику выступления по ТВ, когда акцент делается не на то, чт*о* говорит кандидат, но на то, как он это делает. Здесь малейшая пауза, взгляд в сторону или непроизвольный жест могут стать роковой ошибкой (особенно в прямом эфире) и испортить общее впечатление. Именно на эти, казалось бы, второстепенные, но столь значимые детали обращает внимание зритель, пытаясь в дальнейшем суммировать их в некий уже сложившийся телеимидж каждого из кандидатов. Однако в нашей ситуации различия оказались не столь значимы: несмотря на то что альтернативных кандидатов набралось аж девять человек, все они оказались «упакованы» в один и тот же формат телетрансляции, когда все сопоставимы друг с другом, но не с главным конкурентом. Этот формат был категорично заявлен сразу, начиная с отказа А. Лукашенко участвовать в дебатах наравне со всеми остальными кандидатами, а затем чётко визуализирован в заставке трансляции дебатов 4 декабря 2010 года на Первом национальном канале.

Заставка – это особый жанр, специфический формат телепродукции и вид анонсирующей рекламы. Она играет весьма важную роль, хотя и занимает, казалось бы, ничтожную долю времени от общей продолжительности программы. Ведь именно заставка настраивает зрителя на восприятие информации и фокусирует его внимание на тех нюансах, которые позволят правильно расставить приоритеты в понимании увиденного и услышанного. Поэтому здесь важен каждый элемент, любой еле заметный штрих, компактно представленный в предельно сжатом смысловом пространстве телеэфира. Поскольку время заставки всегда сокращено до минимума, каждая деталь становится очень важна и требует чёткой проработки, ясного и лаконичного визуального решения в общем дизайне программы.[10]

---

[10] Шубина И.Б. *Основы драматургии и режиссуры рекламного видео: Творческая мастерская рекламиста.* М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Изд. центр «МарТ», 2004.

Что же предложили нам в качестве такого решения со стороны белорусского телевидения? На что настраивала многомиллионную аудиторию заставка столь незаурядного события, как дебаты кандидатов в президенты Республики Беларусь на Первом национальном телеканале? Как точно подметила *burbalka* в своём блоге[11], заставка весьма симптоматично показала демонстративно-презрительное отношение к происходящему работников телеканала и их идейных вдохновителей. А как ещё можно трактовать графическое решение, при котором в слове «теледебаты» подчёркнутыми оказываются все буквы, кроме «д»? Столь вызывающе-непристойный вариант названия программы словно заранее приглашал телезрителей к осмеянию всех претендентов, принявших участие в программе, заставляя воспринимать их как нелепых выскочек, жалкие потуги которых вызывают лишь насмешки и оскорбления.

Конечно, можно встать на защиту дизайнеров и утверждать, что ничего подобного они в виду не имели и всё получилось случайно – просто форма печатной буквы «д» не совпала с размером остальных букв, вот и пришлось её обделить горизонтальной чертой. Но тогда возникает вопрос: зачем вообще понадобилось подводить эту черту, если она изначально не получалась сплошной? Ведь на заставках получасовых телевыступлений кандидатов никаких линий не потребовалось, все названия прекрасно обошлись без подчёркивания. Так что волей-неволей, сознательно или бессознательно, но работники телеканала спровоцировали именно такое восприятие своей продукции – как маркер их отношения к дебатам и ко всем, кто принимал в них участие.

Другим маркером, также задающим своеобразные рамки телеформата, стала попытка одного из ведущих дебатов Юрия Прокопова в завершении дискуссии озвучить ложную статистику о количестве упоминаний участниками программы имени А. Лукашенко. По его словам, имя действующего Президента Республики Беларусь менее чем за час эфирного времени произносилось 55 раз. Но, как отмечает всё та же *burbalka*, эта информация абсолютно неадекватна: всего прямых упоминаний Лукашенко за время дебатов набралось не более десяти.[12] Так что эта попытка «подвести черту» и расставить «правильные» акценты вполне характеризует позицию работников БТ и их предвзятость. И если линию в заставке можно объяснить случайностью и представить как досадный казус, говорящий о некомпетентности дизайнера, то «финальный аккорд» со статистикой выдаёт намеренное желание и общий замысел – повернуть весь процесс обсуждения в нужное русло (в интересах действующей власти) и подготовить победу Лукашенко заочно, даже без его участия. Представить всё так, как если бы кандидаты, опровергая друг друга, дружно работали на действующего президента.

---

11 *Дзевачка з кадзілам: Е**ты?* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://burbalka.livejournal.com/882510.html.

12 *Дзевачка з кадзілам: Лживая БТ-шная статистика* // [Электронная версия] Точка доступа: http://burbalka.livejournal.com/883317.html.

Но такая «закадровая» политика не оправдалась – ложь оказалась слишком откровенной, легко выявляемой, в отличие от мимолётной детали в графике заставки.

Данный случай показал: чтобы победить, уже недостаточно набрать нужное число голосов и отстоять своё право на выбор. Этого никогда не удастся сделать, пока игра проходит по правилам, навязанным властью, а судьи стараются сделать всё, чтобы она шла в одни ворота. Чтобы победить, нужно выйти за рамки. Понимая это, В. Некляев покинул дебаты с самого начала, стремясь занять ту же стратегически важную позицию «вне игры», которую постоянно занимает А. Лукашенко. Дальнейшее обсуждение шло уже без представителя оппозиции, что, вроде бы, позволило ему выделиться среди прочих, но в то же время лишило возможности согласовать свою стратегию с остальными участниками. И даже сделав это «за кадром», В. Некляев не смог предъявить её публично для телезрителей. Интересную позицию занял Николай Статкевич, пытаясь напрямую обращаться к Лукашенко через телекамеру, причём постоянно «тыкая» и подчёркивая своё равенство с президентом. Диалог с властью создавал «вертикальные» отношения между этими двумя кандидатами, минуя все условности и необходимость следовать правилам. Остальные претенденты на высший пост остались верны традиции, сохранив свои позиции в «горизонтальной» плоскости отношений и не претендуя на изменение формата участия. Их общение прошло в виде диалога с ведущими и друг с другом, чем воспользовались более расторопные Романчук, Рымашевский, Санников, но полностью «провис» Усс.

При этом ведущие теледебатов попытались втянуть кандидатов в банальную перебранку, но они предварительно вступили в «кулуарный сговор» и не поддались на провокации. Все участники выступили как единая команда и, не критикуя друг друга, совместно подвергли обструкции правящий режим. В конце дебатов даже удалось вовлечь ведущих в обсуждение проблемы организации дополнительных встреч в телеэфире, чего они явно не ожидали и поспешно сослались на отсутствие необходимых полномочий. В этом смысле теледебаты можно счесть прецедентом: они продемонстрировали, как следует себя вести в условиях тотального прессинга со стороны власти. И если в дальнейшем представители оппозиции будут так же обсуждать и координировать свои действия, выступая единым фронтом, то им удастся достичь многого.

Акция протеста в Минске 19 декабря 2010 года и её освещение по белорусскому телевидению

Сразу после выборов сторонники оппозиции собрались на Октябрьской площади в Минске, чтобы поддержать своих кандидатов, но основного противника Лукашенко они так и не дождались – по дороге на митинг В. Некляева жестоко избили. Это радикально изменило сценарий происходящего, и тысячи собравшихся в центре

столицы людей в знак протеста прошли по проспекту на площадь Независимости, где и случились самые драматические события. Под напором толпы были разбиты двери Дома правительства, где Центральная комиссия по выборам производила подсчёт голосов, затем участников митинга жестоко разогнала милиция. Избиты, арестованы и осуждены сотни человек (как участники акции, так и совершенно случайные прохожие), а также большинство альтернативных кандидатов. На следующий день по всем белорусским телеканалам показали репортаж, в котором демонстрировались лишь эпизоды «штурма» правительственного здания, а в комментариях всячески оправдывались действия власти, сумевшей остановить «массовые погромы».

Этим дело не ограничилось, и обсуждение драматических подробностей случившегося стало главной темой во всех новостях. По версии, которую лично озвучил «новоиспечённый» президент Лукашенко, всё, что произошло – это закономерный итог протеста оппозиции после проигранных альтернативными кандидатами выборов. Якобы они изначально предчувствовали своё поражение и зазывали людей на площадь, чтобы спровоцировать применение силы со стороны органов правопорядка. Им нужна лишь «картинка», в очередной раз подтверждающая негативный имидж правящего режима и лично А. Лукашенко – такова суть обвинений в адрес оппозиции, постоянно звучавших из уст президента Республики Беларусь. Тем самым вопрос о борьбе за власть постоянно переформулировался как проблема создания соответствующего образа для победы в информационной войне. Но ответ на вопрос о том, кому и какой образ действительно выгоден, оказывается далеко не столь очевидным.

В интервью телеканалу *Euronews* вечером 20 декабря А. Лукашенко ссылался именно на «картинку» (телерепортажи обо всём произошедшем) как на решающий аргумент, неопровержимое свидетельство того, что силы оппозиции «разбили Дом правительства»[13]. Однако из того, что показывалось во всех новостях (как наших, так и зарубежных), было очевидно, что «разгром» госучреждения ограничился разбитыми стеклами в его дверях, а попытки толпы проникнуть внутрь к успеху не привели. Более того, даже столь сомнительных итогов «массовых погромов» легко удалось бы избежать, если бы находящийся внутри здания спецназ своевременно выдвинулся на позиции непосредственно перед зданием или на подступы к площади. Однако этого сделано не было – значит, такого приказа не поступало. То есть те, кто должен был отдать этот приказ, ждали подходящего момента и повода для применения силы. И лишь когда этот момент настал, собственно, и начались массовые избиения спецназом всех, кто попадал под руку.

---

[13] См.: Интервью Александра Лукашенко телеканалу Евроньюс 20 декабря // [Электронный ресурс] 2010. Точка доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/president/Intervju-Lukashenko-telekanalu-Evronjus-20-dekabrja_i_536772.html.

Таким образом, на чаше весов оказываются несколько разбитых стёкол в дверях казенного учреждения и десятки разбитых голов в рядах протестующих. Вопрос о том, что для власти важнее, становится излишним: ведь дебоширы осмелились поднять руку на государственное имущество, что самим президентом расценивается как кощунство. Но не у всех могло сложиться такое мнение, поэтому единственное, что в полной мере оправдало бы действия власти, – выгодный ей образ погрома, каковым и должна была стать сцена с выбиванием стекол из дверей. А уж как спровоцировать на этот шаг разгорячённых юнцов из толпы, да и самим невзначай поучаствовать в штурме – для опытных «сотрудников в штатском» решение этой задачи не составило большого труда.

Теперь становится понятно, кому действительно выгодны беспорядки и какая «картинка» требовалась на самом деле. Всё остальное представляло собой чисто техническую проблему освещения событий 19 декабря в «правильном» свете. Для этого на государственных телеканалах создавались репортажи для новостей, где активно использовались приёмы монтажа, заметные только при сопоставлении разных выпусков: в каждом последующем варианте «картинка» подвергалась всё большей редактуре. Так, в подробностях показывали, как несколько настырных ребят пытаются выбить стекла в дверях Дома правительства. Именно на это делался основной акцент (ведь это и есть «бесчинства и вандализм»), зато эпизоды с избиением толпы спецназом полностью исчезли. Или следующий кадр: телекамера внутри Дома правительства показывает, что люди снаружи спокойно ходят возле окна, пытаясь заглянуть внутрь, а в это время слышен звон разбиваемого стекла, как будто рядом крушат целую витрину. Чему верить в этом случае? Вроде бы визуально ничего не происходит – но шум звучит совершенно отчётливо, вызывая тревогу и страх. Неужели рядом действительно что-то громят? Почему тогда так спокойны показанные нам люди? Об этом известно лишь монтажёру и звукорежиссёру.

Интересно, что в такого рода «наших новостях» связь между изображением и озвученным за кадром текстом зачастую совершенно не прослеживается. Но «кудесников телеэкрана» это нисколько не смущает, ведь такой вариант создания образов полностью себя оправдывает: гораздо дешевле и проще «правильно» озвучить видеоряд, чем создавать его целиком. А можно сделать ещё более эффектно – разбросать по пустой площади ножи, топоры и железные прутья и снять их под рассказ о происходивших здесь бесчинствах, не утруждая себя съёмками тех, кто применял всё это в действии. И даже если потом какой-то «компромат», противоречащий уже созданному имиджу, промелькнёт в выпуске новостей на иностранном телеканале, можно просто вырезать из него весь сюжет о выборах, как это и случилось на канале «НТВ-Беларусь» вечером 20 декабря.

Такой «монтажный терроризм» приводит к тому, что белорусская аудитория становится жертвой пропагандистских экс-

периментов. Их цель – добиться эффекта, при котором нужная власти «картинка» моментально складывалась бы уже не только на экранах телевизоров, но и в сознании зрителей. Именно для этого в ходе всей предвыборной кампании воздействие осуществлялось с помощью «грязных» технологий, без чего агитаторы и пропагандисты уже не представляют себе работу с населением. Однако реакция электората на производимые манипуляции становится лишь негативной по мере того, как на очередных выборах снова и снова используются одни и те же штампы.

Информационная политика государства уже не достигает нужного эффекта и вызывает всё большее раздражение аудитории, которого чиновники от идеологии предпочитают просто не замечать. Впрочем, изменить что-либо они всё равно не в силах – машина пропаганды несётся на полном ходу и практически лишена управления. Малейший сбой в работе или препятствие на пути станут фатальными не только для неё, но и для всего режима, использующего её в качестве мощного, но неуклюжего инструмента оболванивания своего народа.

КОМИКС КАК ОПЫТ АКТИВИСТСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ОПЫТ СОПРИЧАСТНОСТИ

(*Case*: графическая новелла Марины Напрушкиной *Убедительная победа: две истории, как это было на самом деле*, по следам событий 19.12.2010)

Ирина Соломатина[1]

Abstract

In the text the author analyses and interprets the comic strip, i. e. a graphic short story *Convincing Victory: Two Stories, How It Really Was* which was made by a Belarusian artist Marina Naprushkina after the events of 19 December 2010. This art product is considered as *militant research* with a successful art form of the protest that lets see a primary resistance. Moreover each individual can create such art.

Marina Naprushkina's art researches are similar to work methods of situationists. The latter constructed special situations in order to introduce into reality some additional elements that would turn it over and thus open new senses hidden before.

The Belarusian artist Marina Naprushkina staying in Berlin creates the art product which, on the one hand, unmasks the state ideology, on the other hand creates a community space for those who are ready for ethical being-with-others in a general space of affective communication. The graphic short story *Convincing Victory: Two Stories, How It Really Was* is made for those who are ready to think and reflect over what happens to us «here and now». For those who are able to distinguish in this art object the representation of another experience of those with whom a reader cannot be together, but is able to understand and probably join the struggle process for the other world.

Keywords: comics, militant research, space of community, affective communication, experience, «movements of movements» or «multitude».

***

Несколько лет назад одна моя знакомая интеллектуалка, перебирая книжные завалы, обнаружила стопку детских книг своего уже взрослого сына. Позвонила мне и предложила на условиях самовывоза отдать все эти хорошо сохранившиеся, в твёрдых обложках, с шикарными иллюстрациями книги

[1] Ирина Соломатина – докторантка Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва), координатор проекта «Глобальный медиа-мониторинг» от Беларуси; автор и инициатор проекта «Гендерный маршрут: фестиваль идей о поле».

моему восьмилетнему сыну. Там, среди Остера, Грэма и Бредбери, мы обнаружили *Историю рока в комиксах*. Помимо оригинального повествования и ярких рисунков этот манускрипт имел ценность поэтапно рассказанной истории: от зарождения до расцвета рока. Читать серьёзную литературу по истории рок-музыки способны не все дети, как, впрочем, далеко и не все взрослые. Но вот такой формат: нехитрые картинки без особой, казалось бы, смысловой нагрузки – заставляет снова и снова возвращаться к просматриванию (пролистыванию) этого издания о рок-музыке. Причём это желание до сих пор не пропало ни у моего повзрослевшего сына, ни у меня.

Общеизвестно, что комикс – развитие сюжета в ряде изображений – сформировался как газетный жанр в конце XIX – нач. XX вв. Уже к середине XX в. эволюционировал до культового явления и полноправно признанного вида «нового» искусства. Достаточно вспомнить серии комиксов компании *Marvel*[2] или знаменитые комиксы Роя Лихтенштейна, Энди Уорхола и их многочисленных последователей, которые «узаконили» использование комиксов, новостных фотографий из газет, продуктовых упаковок в качестве предметов «нового» искусства.[3]

С 1980-х гг. наблюдается новая волна интереса к комиксу как способу выражения протеста или приёму эпатажа со стороны различных художников и творческих групп. Эта волна политического искусства совпадает с появлением на политическом горизонте «движения движений» (или «множеств», в терминологии А. Негри). В данном случае речь идёт о становлении именно художественного движения, участники которого озабочены тем, чтобы их практика строилась на моделях, конфронтационных по отношению к внешним для движения реалиям. Такого рода практика находит свою последовательную реализацию в рамках работы целой международной сети институций, публикаций, сетевых ресурсов и т. д.[4] Можно вспомнить, например, комиксы Маржан Сатрапи[5] об иранских переворотах или работы Джо Сакко[6] о гу-

---

2 Чудо (англ.).

3 Флорида Р. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее.* М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2007. С. 211.

4 Виленский Д. К вопросу о композиции современного политического искусства // *Художественный журнал*. [Электронный ресурс] Точка доступа: http://xz.gif.ru/numbers/64/vilensky/

5 Маржан Сатрапи – иранская писательница и художница, автор комиксов и книг для детей, кинорежиссёр; живёт во Франции. В 2000 опубликовала персональный дневник в комиксах «Персеполис», являющийся одновременно и историей иранской революции, который имел огромный успех. В настоящее время напечатаны три тома продолжения, тетралогия переведена на 16 языков, включая иврит и китайский.

6 Джо Сакко – мальтийский журналист, живущий в Америке. За графический роман «Палестина», в котором объединены девять историй, нарисованных Джо Сакко в 1996 г., награждён «Американской книжной премией» с пометкой «За выдающийся вклад в американскую литературу». Работы Джо выставлялись в художественных галереях

манитарной катастрофе в Югославии и в Палестине. На основе документальных и автобиографических материалов авторы этих комиксов рассказывают о спорных или плохо известных эпизодах глобальной международной политики и истории. Такого рода арт-практика возникает на фоне недоверия со стороны гражданского общества к повсеместно растиражированной репортажной фотографии и телевидению, которые нередко прибегают к манипулированию визуальными образами с определёнными целями. В ответ появляются иные типы рассказа о скрытом, замалчиваемом, но существующем опыте, например, в жанре репортажного (или другого типа) комикса.

Итак, мы видим, что за последние сто лет комиксы получили невероятное развитие. Причём это связано, прежде всего, с появлением технической возможности создавать копии и множить их в любом количестве, используя различные средства массовой информации. Современное искусство сегодня находится в тесном взаимодействии с новыми технологиями документации, т. е. с фотографией, кино/видео, и их способностью к проникновению в социальные пространства. Более того, искусство прошлого вытесняется массовой культурой, возникает искусство масс, или искусство «массового потребления». В 1920-е гг. Вальтер Беньямин писал о том, что наступает время разрыва с традицией, поскольку появляется новый субъект восприятия – масса. Радио, газетная фотография, кино оказались связанными не только с изображением, но прежде всего с коммуникацией, в которую вовлекалась масса.[7] Следует также помнить и о том, что в этой «новой» культуре возникают не только новые технические возможности тиражирования, но и появляется повышенный интерес к различным сторонам жизни, к существующему разнообразию опыта и яркому проявлению собственной гражданской позиции. Теперь каждый, как провозгласил Энди Уорхол, имеет право на свои 15 минут славы, т. е. художником может стать каждый. Жизнь богата возможностями: твори и найди свой способ рассказа о своём особом, социальном, политическом или ином, опыте. Причём порой умение рассказывать о себе, своём культурном опыте, то есть вступать с другими представителями культур в коммуникацию, становится трудной необходимостью в быстро меняющемся мультикультурном мире.

Не менее важным является и то, что такого рода арт-практика позволяет обнаружить незримые сообщества, организуемые не вокруг самих произведений (или художественных стратегий), а вокруг *мест* «коллективного аффекта», которые возникают как события не потому, что привнесены одним из авторов, но потому, что люди

и университетах по всему миру. Джо также читает лекции о политическом конфликте, журнализме и искусстве комиксов.

7 Аронсон О. Политика образа. Воспроизведение и повтор // Аронсон О., Петровская Е. *По ту сторону воображения. Современная философия и современное искусство.* Лекции. Нижний Новгород, 2009. С. 120.

вовлекаются в этическое бытие-с-другими в общем пространстве аффективной коммуникации.[8] И тут важна *запоминаемость*. Зигмунд Фрейд разводит две инстанции – память и сознание: оставленные следы в памяти и сознание несовместимы друг с другом в рамках одной и той же системы, так как сознание играет роль щита, заслоняя от шока извне. А непроизвольная память возвращает нам неявные и более глубокие переживания-травмы, которым всё же удаётся проломить щит, – они возвращаются в виде симптома или искажённых образов.[9] Эти переживания, приходящие с запаздыванием, Беньямин называл *опытом*, который может быть осмыслен только через другого. Следовательно, именно особая коммуникативная среда формирует «произведение» нового искусства, позволяя ему присутствовать в арт-среде и участвовать в «бытии-с-другими» (бытии, предполагающем «других», тех, с кем разделяется существование).

19.12.2010: изображая то, что трудно передать словами

Беларусская художница Марина Напрушкина после событий 19.12.2010 создаёт графическую новеллу *Убедительная победа: две истории, как это было на самом деле* и издаёт свое креативное активистское исследование в виде газеты на двух языках тиражом 30 000 экземпляров.

В 2000 г. Марина уехала из Минска учиться в Государственную академию изобразительного искусства в Карлсруэ (Staatliche Akademie der Bildenden Künste Karlsruhe), после третьего курса Минского государственного художественного училища имени А.К. Глебова. С тех пор она живёт в Германии, но все эти годы её художественная деятельность связана с критическим исследованием феномена власти в современной Беларуси. Художница тщательно анализирует визуальные и лингвистические формы авторитарного режима, исследует работу государственного идеологического аппарата, вскрывая иллюзию наличия демократии в Республике Беларусь.[10] Своими проектами-наблюдениями художница деконструирует идею «лёгкого» демократического пути Беларуси. Марина наглядно демонстрирует то, что власть рассматривает культуру как механизм своей популяризации, т. е. у власти есть запрос на визуализацию, и это опасно.

Вальтер Беньямин в эссе *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости* ещё в 1936 году указал не только на то, что между эстетическим и политическим существуют инструментальные отношения. Он обратил внимание на то, что массовая (техническая) репродукция оказывается особенно созвучной ре-

8 Аронсон, указ. соч., с. 56–57.

9 Петровская Е. *Изображение и рассказ* // Аронсон, Петровская, указ. соч., с. 102.

10 Каталог выставки: «Opening the door?» Belarusian art today: 2010.11.18 – 2011.01.09. Центр современного искусства. Вильнюс, 2010. С. 140.

продукции самих масс, что и отвечает фашистской стратегии эстетизации политической жизни. Фашизм даёт массам возможность *выразить* себя, а не реализовать свои права.[11] Но активистские исследования Марины Напрушкиной выявляют существование гетерогенных социальных групп, которые не хотят по требованию идентифицироваться с нынешним государством и его визуальной эстетикой. Марина вспоминает:

> «Я была в Берлине во время выборов. Девятнадцатого декабря специально пошла в клуб, где проходила прямая трансляция из Минска. Никто не ожидал, что люди выйдут на площадь. Я была в шоке, когда увидела кадры с избитым Некляевым. Вернулась домой и всю ночь просидела за монитором, потом все праздники. Было страшное чувство – ведь ты находишься в Германии и понимаешь, что ничего не можешь сделать. То, что произошло, – это, конечно, не война, но такого никто не мог предвидеть. Впрочем, искусства на войне не бывает. Я участвовала в пикетах у посольства Беларуси в Берлине, каждый день смотрела и читала новости и блоги, фэйсбук, а также прогосударственные ресурсы, даже *Советскую Белоруссию*»[12].

Результатом этого опыта просмотра всего по «теме», через который и я, и многие мои знакомые прошли, для Марины явилась графическая новелла *Убедительная победа: две истории*... Художница творчески перерабатывает уже готовый материал из беларусских СМИ, блогов и социальных сетей, т. е. рисует комикс, фрагментарно используя возможности как визуального, так и текстового ряда из разных источников. На первый взгляд, ничего нового и продуктивного в этом нет, но как раз *эклектизм* (от греч. *eklektikos* – способный выбирать), т. е. соединение разнородных элементов в форме удачной комбинации, несёт достаточно мощный творческий потенциал.

Как уже говорилось выше, «новое» искусство, которое приходит с новыми средствами воспроизводимости, качественно *иное*, в сравнении с искусством традиционным. С появлением средств копирования утрачивается значение *«руки художника»*, и Беньямин, например, это описывает через ситуацию естественной *«утраты ауры»*[13] и демократизацию искусства. Но тут необходимо заметить, что функция руки переходит к глазу, теперь важнее не продолжать производить изображения, а *делать нечто видимым*, нечто, невидимое нами ранее.[14] Ведь есть вещи, которые неочевидны, невидимы сами по себе, или, иначе, существует связь между наблюда-

---

11 Беньямин В. *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе* /Пред., сост., перев. с нем. и прим. С. Ромашко. М.: Медиум, 1996. С. 62.

12 Марина Напрушкина: *«Для меня искусство невозможно вне политики»* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://gender-route.org/articles/inter/marina_naprushkina_dlya_menya_iskusstvo_nevozmozhno_vne_politiki/

13 Аронсон, указ. соч., с. 124.

14 Там же.

телем и знанием о чём-либо, т. е. позиция наблюдателя структурирована порядком изображения в современных (масс)медиа. Наше восприятие мира зависит от той системы образов, которая господствует в обществе. Если мы находимся внутри порядка производства знаний, то эти знания структурируют нашу позицию наблюдателя, наше видение. И вот эта позиция наблюдателя, из которой некий объект может быть рассмотрен соответствующим образом и которая структурирована имеющимся знанием и порядком высказывания, может быть описана в категориях различных видов взгляда.

Марина находит удачную художественную форму репрезентации 19.12.2010. Она не предоставляет зрителю единственно возможную или очевидную интерпретацию событий из достоверных источников, но организует такое место, или позицию вовлечённого наблюдателя, которая позволяет как бы в реальном времени проигрывать множество ситуаций и уже из их конфликта выбирать наиболее точную или близкую для зрителя интерпретацию, позволяющую выразить отношение к увиденному/услышанному. Именно это и позволяет войти в контакт, получить новое ощущение через готовность ассимилировать чужой опыт, позволяющий зрителям сформировать свою собственную выверенную реакцию на происходящее.

Рассматривая графическую новеллу Марины Напрушкиной, не будем забывать о том, что пугающая некоторых *смерть автора* означает лишь иной способ интерпретации, исключающий авторский замысел, или, по меньшей мере, не сводящийся к нему, то есть непсихологический способ. Необходимо уметь видеть именно текст, то есть речь должна идти об определённом способе чтения комикса, или о текстуальном анализе.[15] Главный вопрос, который задают при текстуальном анализе: всё ли заслуживает внимательного изучения, или значимы лишь некоторые элементы системы целого? Роланд Барт, ставя этот вопрос, писал:

> «А если не всё, если в повествовательном ряду сохраняются кое-где “незначительные”, незначимые участки, то в чём же, так сказать, значение этой незначимости?»[16]

Важно также заметить, что результаты своего исследования Марина издаёт в виде газеты. Газета является особым жанром высказывания, где информация как бы противостоит рассказу, поскольку газета поставляет новости, сиюминутно и мгновенно потребляемые «здесь и сейчас». В отличие от рассказа, новость не предполагает продолжения, т. е. не имеет длительности и не может никем продолжаться, она только потребляется[17], хотя может пересказываться. И это важный момент для понимания комикса, где пе-

---

15 Петровская, *Изображение и рассказ*, указ. соч., с. 105.

16 Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика.* М.: Прогресс, 1989. С. 394.

17 Петровская, указ. соч., с. 93.

ресекаются информация и рассказ, которые выбирает, составляет и предлагает различать своему зрителю художница.

Попытаемся воспринять комикс художницы как рассказанную в ряде изображений историю. Вальтер Беньямин утверждал, что именно рассказ позволяет нам обмениваться *опытом*. Хотя он же рассуждал об утрате способности к рассказу (по аналогии с *утратой ауры*).[18] Поясню: описывая становление нового типа культуры (культуры масс), Беньямин фиксировал переход от чтения сосредоточенного, требующего высокого уровня компетентности и концентрации, к иному типу чтения, который ранее описывался как плебейский и незрелый. Этот рассеянный, общедоступный, массовидный, быстро распространяющийся тип чтения интересовал Беньямина тем, что именно посредством такого «нового» типа чтения срабатывал эффективный механизм адаптации и приспособления к будущему. Так человек массовой культуры адаптировался к *микро*шокам восприятия, к тому, что он вынужден постоянно реагировать на возбуждения зрительного аппарата и эмоций. Такой тип чтения, как и кино, возникает как ответ на потребность развивающихся массовых обществ в динамичной, демократичной и универсальной форме трансляции информации и как абсолютно иначе (в сравнении с литературой) организованное средство удовлетворения эмоциональных потребностей человека нового времени, человека мегаполиса, как форма чувственности, соответствующая условиям непрерывно развивающейся массовой культуры.[19]

Итак, перед нами комикс, представляющий собой сложную визуально-языковую систему, где информация, истории, эмоции, идеи развиваются с помощью определённых визуальных образов в определённой последовательности, с определённой композицией. Этот проект имеет сложную временн*у*ю структуру, поскольку сделан постфактум и внутренне организован особым образом. Здесь присутствуют два разнонаправленных потока времени и точка, где они соединяются. Попробуем двигаться последовательно к этой центральной точке.

Информационно-новостной поток за 25 дней одного года

Художница работает с официальной информацией и с информацией из независимых открытых источников, как бы уравнивая ее значимость для своего активистского исследования. Она использует монтаж как возможность комбинировать различные формы работы с реальным материалом. Переход от разговора об информации в различных СМИ к использованию этой информации как средству изучения реальности развивает умение смотреть на мир

18 Петровская, указ. соч., с. 93.

19 Самутина Н.В. «Cult camp classics»: специфика нормативности и стратегии зрительского восприятия в кинематографе // И.М. Савельева, А.В. Полетаев (ред.) *Классика и классики в социальном и гуманитарном знании.* М.: НЛО, 2009. С. 498.

через «продукты» информации. Например, из условно первой, официальной части комикса ясно, что власть обеспечивает себе поддержку посредством декларирования социальной политики и гарантии занятости населения. Читателям навязывается специфическая позиция «правильного» видения, то есть правильно видеть – значит видеть беларусский режим победителем, и эту позицию массам предъявляют ежедневно.

На первом листе газеты фиксируется конкретный день: **27.11.2010**, который иллюстрируется подборкой нарисованных фото-картинок, взятых из государственной прессы и имеющих тематический новостной подзаголовок: «Опубликована программа А. Лукашенко *От сохранения к приумножению!* Акцент на социальную поддержку». Каждая такая тематическая информационная подборка сопровождается фразами изображенных на картинках персонажей. Например, работница киоска говорит: *«Сегодня с утра центральная пресса расходится просто на "ура!", у меня осталось "Советской Белоруссии" только 5 газет!»*.

Далее **28.11.2010** – «Президент Беларуси дал интервью журналисту газеты *Фигаро*». На иллюстрации персонаж Президент говорит иностранным журналистам: *«Нам приходится действовать в реальных условиях. Наша сложность состоит в том, что мы находимся между двумя монстрами, между Европейским Союзом и Россией»*.

05.12.2010 – «На неделе озвучены свежие результаты предвыборного мониторинга общественного мнения, который провел Информационно-аналитический центр при Администрации Президента». Художница рисует графики: *«Почти 72% респондентов проголосовали бы за А. Лукашенко, если бы выборы состоялись завтра»*.

14.12.1010 – «В республике началось досрочное голосование по выборам Президента».

15.12.2010 – «В Беларуси продолжается досрочное голосование. Своим правом выбора сегодня воспользовалась Председатель Центризбиркома Лидия Ермошина». Нарисованный персонаж Л. Ермошина говорит: *«В день выборов я буду работать. Досрочное голосование – удобная форма, и я думаю, что и журналисты, и работники торговли воспользуются этим правом»*.

19.12.2010 – «Сегодня в Беларуси основной день выборов Президента страны. На этот высокий пост впервые в истории суверенной республики претендуют 10 кандидатов».

19.12.2010 – «Официальное заявление Министерства внутренних дел Беларуси о задержании автомобиля с опасным грузом, предназначавшимся для площади».

20.12.2010 – «Демонстранты ломают двери и бьют стёкла в Доме Правительства».

21.12.2010 – «Пресс-конференция президента Республики Беларусь по итогам президентских выборов для представителей СМИ во Дворце Республики». На иллюстрации персонаж Прези-

дент говорит: *«Ну дали тебе по голове. Так ты же мужик, терпи, если хочешь в Президенты»*.

21.12.2010 – «В адрес главы государства продолжают поступать поздравления с убедительной победой на выборах». Персонаж Д. Медведев говорит: *«Желаю Вам успехов, а братскому белорусскому народу – мира и процветания»*.

Мы видим, что художницей фиксируется конкретный отрезок времени: с 27.11.2010 по 21.12.2010, сопровождаемый определённой новостной информацией. Определение особенности этих медиа-новостей есть их стремление к масс-продуцированию и распространению сообщения о том, что нынешний беларусский режим является единственно возможным и, следовательно, единственно правильным.

Луи Альтюссер ещё в 1970-е соединил медиа с институтами семьи, церкви, системой образования под заголовком «идеологический государственный аппарат» и показал его способность воспроизводить идеологически «правильных субъектов».[20] Альтюссер считал, что господствующий класс (режим) не смог бы долго удержаться у власти, если бы не создавал собственные идеологические аппараты, воспроизводящие существующий порядок и поддерживающих его легитимность субъектов.

Рассказ о боли

Напротив каждого газетного листа с иллюстрациями официальных новостных сообщений художница помещает листы с серией иллюстраций из независимых источников, где люди рассказываю другие истории. Например, на одной из иллюстраций женщина на встрече с кандидатами в президенты в регионах говорит: *«У нас в городе рабочий класс не живёт, а выживает»*. Или: *«Художника и активиста Алеся Пушкина арестовали на 13 суток»*. Персонаж Змитер Войтюшкевич говорит: *«Алеся уже второй раз арестовали, чтобы, не дай Бог, Крупский район не восстал и Пушкин не повёл с флагам на борьбу с кровавым режимом. Необходимо и 19-го и раньше поддержать Пушкина, который сейчас не с нами»*.

Ещё персонажи:

> «Нефтяников заставляют досрочно голосовать. Звонит каждому работнику лично начальник отдела кадров. Напоминает. А потом сверяет данные о голосовании работника, звоня в участок для голосования. И соответственно принимает меры...» (г. Речица).
>
> «Не дали мне проголосовать, сказали, что я уже проголосовал досрочно».
>
> «Мы шли по проспекту Независимости, мы скандировали: “Жыве Беларусь! Радзіма! Свобода!”... Нас было много...».
>
> «Нас провоцируют, это провокация!»

---

[20] Althusser L. Ideology and ideological state apparatuses // S. Zizek (ed.) *Mapping Ideology*. Verso, 1994. P. 100–140.

«Мы не боимся».

«Ну всё, Сергей, ты попал. Ты знаешь, что возбуждено уголовное дело по факту госпереворота?».

Тут нет указания на физическое время, связанное со сменой дней недели. Но присутствует иное, транзитивное или субъективное время, или иначе переживаемое время, которое не совпадает с первым. Но оно, или этот *опыт*, откладывает в нас свои глубокие следы.

В этой, условно второй, части комикса, много коротких текстов-фактов, которые озвучиваются разными персонажами. Например, участники демонстрации, находящиеся в тюрьме и следственных изоляторах КГБ, говорят: *«У камэры ўвесь час гарэла святло, засыпаць з якім было складана, да таго ж нам чамусьці адмаўляліся казаць, колькі часу. Была поўная дэзарыентацыя ў часе...»* Или упоминание *«вешания на ласточку»*, *«...ударил меня по ногам дубинкой и сказал, чтобы я встала и шла. А я поняла, что встать не могу»*. Всё это рассказы о боли. Персонажи рассказывают о своём индивидуальном предельном опыте, который влияет на их жизнь, но этот опыт заставляет и нас, зрителей, выразить своё отношение к этой боли и сопоставить этот опыт других с нашим собственным опытом.

В итоге, в этой графической новелле мы видим рассеянное множество персонажей, рассказов, информации, но знаменатель один – 19.12.2010, точка, которая стягивает рассеянное множество стратегий поведения и аффектов в единое высказывание и/или рассказ. На последнем листе газеты приводится поимённый список всех арестованных, осуждённых и обвиняемых по уголовному делу о «Массовых беспорядках» 19.12.2010.

Если попытаться интерпретировать содержание новеллы или то, что представлено в анализируемом комиксе, то можно подойти к этому по-разному. Как признаётся сама Марина, работа над комиксом позволила ей справиться с полученным шоком от увиденного в новостях 19 декабря в Берлине. То есть, можно сказать, что новелла производит терапевтический эффект, который распространяется и на зрителя.

Но есть ещё один момент: художница обращается к анонимной аудитории, которая также становится частью проекта. Она создаёт пространство *со*участия, или сообщества тех, кто втягивается в ситуацию обмена опытом в качестве слушателя рассказа о боли после 19.12.2010. Что мы узнаём о беларусах, т. е. о себе самих, какие мы, согласны ли мы с этим? Графическая новелла *Убедительная победа: две истории, как это было на самом деле* является местом, создающим предпосылки для вовлечения людей в этическое бытие-с-другими, в общее пространство аффективной коммуникации. Тут рассказы о боли помогают вступать в коммуникацию с другими через ассимиляцию их опыта и сообщать о своём собственном

опыте. Именно так и происходит обмен. Комикс показывает, но не объясняет, но этот рассказ может быть вписан и в наш собственный опыт. Просматривая эти «истории», мы создаём сообщество не только пассивно слушающих или видящих этот рассказ, но и разделяющих (или готовых разделить) некоторый важный для нас новый опыт. Следовательно, новелла создаёт общность через особую этическую коммуникацию и помогает избавиться от ощущения отчуждения, контроля и боли. Причём мы можем и дальше продолжать обсуждение этого рассказа/новеллы, его прочтение должно быть множественным, возможен неоднократный просмотр комикса. Можно обсуждать те вещи, которые нас задевают больше всего и к которым мы остаёмся равнодушными в нашей повседневной жизни. Анализ каждой такой цепляющей маленькой вещи или короткого смыслового фрагмента открывает свою точечную маленькую истину данного смыслового отрезка, т. е. появляются множественность смыслов и рассыпанный текст. Такое развитие и есть способ существования рассказа, который продолжает свою жизнь в других рассказчиках, то есть длится посредством разных интерпретаций и толкований его содержания.

В итоге, комикс как некая целостная конструкция существующей реальности превращается в особый исследовательский объект, а текстуальный анализ позволяет выстраивать бесконечный анализ, не ставящий в привилегированное положение ни одну из интерпретаций, не приписывающий произведению конечный смысл, не претендующий на полноту и исчерпанность. Каждый может стать соучастником новеллы и задействовать свои интеллектуальные способности познания.

Художественные исследования Марины Напрушкиной схожи с методами работы ситуационистов, которые занимались конструированием особой ситуации с целью привнесения дополнительных элементов внутрь реальности, способные её перевернуть и тем самым открыть новые смыслы, до этого скрытые.[21] Приведу цитату из манифеста «Ситуационистского интернационала»:

> «Путь тотального полицейского контроля над всякой человеческой деятельностью и путь неограниченного свободного созидания всякой человеческой деятельности – это один путь ... мы с необходимостью находимся на том же пути, что и наши противники – чаще всего их опережая, – но мы должны там находиться, без всякого смущения, в качестве противников. Победит сильнейший»[22].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что Мишель Фуко описывал власть не только как тотальность институтов и аппаратов, обеспечивающих порядок, но и как многообразие силовых отношений, включающих и сопротивление: «...сопротивление никогда

---

[21] Виленский, указ. соч.

[22] *Situationist International* // [Electronic resource] Mode of access: http://www.cddc.vt.edu/sionline/si/nowthesi.html.

не находится во внешнем положении по отношению к власти»[23]. Эта же мысль повторяется и у Хардта и Негри в книге *Множества*: «сопротивление первично по отношению к власти»[24]. Но сообщества или общность создаются преимущественно через негативный опыт, т. е. через ситуацию лишений и наибольших испытаний, опыта боли (которая приходит извне), через неприятие конкретных способов управления. И даже если подавление становится таким, что не остаётся места, где можно было бы укрыться от него, тем не менее всегда есть возможность микрополитических практик, которые осуществляют сопротивление гетерогенными способами, атакуя конкретные аспекты становящегося всё более глобальным контроля.[25]

Беларусская художница Марина Напрушкина как раз и показала, как можно это делать. Находясь в Берлине, она создаёт креативный арт-продукт, который, с одной стороны, разоблачает госидеологию, а с другой – создаёт пространство общности для тех, кто готов к этическому бытию-с-другими в общем пространстве аффективной коммуникации, именно к ним и обращена новелла *Убедительная победа: две истории, как это было на самом деле*. Она сделана для тех, кто готов думать и размышлять о том, что происходит с нами, способен распознать этот арт-объект как разновидность опыта тех, с кем читатель не может быть вместе, но в состоянии их понять и, возможно, включиться в процесс борьбы за другой мир.

23 Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет* / Сост., перев. с франц. С. Табачниковой. М., 1996. С. 95–96.

24 Хардт М., Негри А. *Множество: война и демократия в эпоху империи* / Перев. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Культ. рев., 2006. С. 88.

25 Рауниг Г. *Искусство и революция. Трансверсальный активизм в долгом двадцатом веке* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.chtodelat.org/index.php?option=com_content&view=article&id=623:related-article-by-g-raunig-in-russian&catid=207:03-27-the-great-method&Itemid=287&lang=ru.

ВЭБ-САЛІДАРНАСЦЬ-2010: ДАБРАЧЫННАСЦЬ У РЭАЛЬНЫМ РЭЖЫМЕ

Міхаіл Нядзвецкі[1]

Abstract

The article reviews the phenomenon of people's solidarity in the Belarusian segment of the Internet which could be observed during and after the presidential elections on December 19, 2010. The author sees the basic functions of the Internet in spreading of solidarity ideas. He examines the most significant and well-known aid initiatives for victims. The author attempts to forward the description of the traditional practice of Internet usage in social activities into another dimension: from its mythical ideologizing into the applied mechanism to organize work in reality.

Keywords: Solidarity, December 19, presidential election, Belarus, Internet, «Square».

Уступ і апісанне сітуацыі напярэдадні выбараў

Лічыцца, што да ўзнікнення народнай салідарнасці ў інтэрнэце прывёў хуткі і жорсткі разгон Плошчы 19 снежня. Але аўтар лічыць, што зыходным пунктам з'яўляюцца не сумныя падзеі вечара асноўнага дня галасавання, а ранейшая дата. Такое меркаванне ўзнікла таму, што салідарныя дзеянні распачаліся ўжо ад старту актыўнага перыяду прэзідэнцкай кампаніі – збору подпісаў. Тады яны праяўляліся ў распаўсюдзе агульнай інфармацыі пра ходу кампаніі: у асноўным асвятляліся прэцэдэнты з парушэннямі[2] ды іншыя актуальныя навіны.

У інтэрнэт-прасторы з'явіліся сайты *election.in-by.net*, *vybory2010.by*, *belpolitics.org*[3], *dec19.org*[4], якія падавалі інфармацыю з пералікам звестак па кожным з кандыдатаў (біяграфія, праграма, навіны і інш.) і па кампаніі ў цэлым. Агульную інфармацыйную скіраванасць меў таксама і сайт *ploshcha.com*, але ён выконваў таксама ролю мабілізацыйнага рэсурсу, што пацвярджае ўскосна яго назва. У якасці прыкладаў негатыўнай кампаніі (меліся толькі ў адрас дзеючага прэзідэнта) можна назваць сайт кампаніі *«Сыходзь!»*[5]. Вялікі рэзананс выклікаў

[1] Міхаіл Нядзвецкі – палітолаг, навуковы супрацоўнік Інстытута палітычных даследаванняў «Палітычная сфера» (Вільня – Мінск; Літва – Беларусь).

[2] Гл.: http://belhelcom.org/node/8945; http://twitter.com/vybary2010.

[3] Рэсурс пазіцыянаваўся як «Першая палітычная сацыяльная сетка».

[4] Сайт грамадзянскай ініцыятывы «19 снежня».

[5] Перадвыбарчая кампанія «Маладога фронту». Сайт размяшчаецца па адрасе: http://www.syhodz.info/

відэаролік *«Бабуля-2010»*, які быў выкладзены на партале *youtube.com* 28 лістапада і за першы дзень прагледжаны 23 тысячы разоў.[6] На рэсурсе *livejournal.com* інфармацыя, звязаная з выбарамі, акумулявалася ў суполцы *«Беларуская палітыка»*.[7]

Не засталася па-за ўвагай прэзідэнцкая кампанія і ў сацыяльных сетках. Так, на рэсурсе *vkontakte.ru* можна вылучыць тры асноўныя інфармацыйныя суполкі выбарчай тэматыкі: «Выбары 2010. Беларусь»[8]; «Выборы 2010: *in-by.net* (приложение, биографии, программы и пр.)»[9] і «Президентские выборы 2010 (Беларусь). Экзитпул. *ЗА КОГО ГОЛОСОВАЛИ ВЫ?»*[10]. Акрамя таго, на гэтым жа рэсурсе была створана суполка[11] з заклікам сабрацца на Кастрычніцкай плошчы ўвечары 19 снежня (мал. 1).

Мал. 1. Аватар з заклікам выйсці на Плошчу 19 снежня. Актыўна распаўсюджваўся ў сацыяльнай сетцы vkontakte.ru

[6] http://www.svaboda.org/content/transcript/2230880.html.
[7] http://by-politics.livejournal.com.
[8] http://vkontakte.ru/club15428665. Па стане на 23:59 18.12.2010 г. сябрамі суполкі з'яўляліся 4 598 удзельнікаў.
[9] http://vkontakte.ru/club20809720. Па стане на 23:59 18.12.2010 г. сябрамі суполкі з'яўляліся 133 удзельнікі.
[10] http://vkontakte.ru/club4618077. Па стане на 23:59 18.12.2010 г. сябрамі суполкі з'яўляліся 179 удзельнікаў.
[11] http://vkontakte.ru/event16839117. Па стане на 23:59 18.12.2010 г. сябрамі суполкі з'яўляліся 7 651 удзельнік.

Па меры набліжэння асноўнай даты галасавання была створана суполка *«Ночлег 19 декабря в Минске. Заселим людей с других городов во время президентских выборов!»*[12], удзельнікі якой прапаноўвалі іншагароднім грамадзянам начлег перад і, як меркавалася, у дні падчас пратэстнай акцыі. Тэма з аналагічнай прапановай была адкрыта і ў адной з суполак блога *livejournal*[13].

Праз сацыяльныя сеткі і блогі распаўсюджвалася карысная інфармацыя для тых, хто намагаўся прыняць актыўны ўдзел у акцыі 19 снежня: як перанесці холад[14]; як паводзіць сябе падчас руху маніфестантаў[15]; інфармацыя пра меры бяспекі[16] і г. д. Для менш актыўных (ці на слэнгу – «тых, хто спачувае ў інтэрнэце») прапаноўвалася інфармацыя пра меры абыходу блакіроўкі сайтаў у выніку яе ўвядзення.[17]

Характарызуючы распаўсюджванне інфармацыі праз сацыяльныя сеткі і блогавыя сістэмы, можна выдзеліць два асноўныя метады.

Першы – «метад звяна» – праяўляецца ў тым, што інфармацыя распаўсюджваецца ад аднаго чалавека да другога і гэтак далей у *n*-ай колькасці. Пры гэтым зусім не абавязкова, каб усе людзі са звяна былі знаёмыя паміж сабой у рэальным жыцці. Тэхнічнае вырашэнне сацыяльных сетак і блогаў дазваляе выкарыстоўваць такі метад праз адмысловыя опцыі: *«падзяліцца»* (як на рэсурсах *vkontakte* і *facebook*); *repost* (*livejournal*) і *retweet* (для мікраблога *tweeter*).

Другі метад – «метад слупа» – праяўляецца хутчэй не ў распаўсюдзе інфармацыі, а ва ўзроўні рэзанансу, які яна можа набыць. Гэты метад праяўляецца ў колькасных і якасных паказчыках каментавання тэкставай і/ці мультымедыйнай інфармацыі. У сацыяльных сетках выкарыстанне «метаду слупа» зводзілася да таго, што карыстальнікі пакідалі каментары або адзначалі той ці іншы допіс значкам «упадабаць» («like»). Дадзены метад нельга назваць занадта эфектыўным, бо распаўсюду інфармацыі пры яго выкарыстанні магло ўвогуле не быць, альбо ён адбываўся ў вузкім коле. Падчас выбарчай кампаніі інфармацыя ў вэб-прасторы распаўсюджвалася пры дапамозе як першага, так і другога метадаў. Часам абодва метады выкарыстоўваліся адначасова, утвараючы змяшаную сістэму.

Некаторыя рэсурсы былі скіраваны на павелічэнне ўзроўню зацікаўленасці выбарчай кампаніяй: гэта дазваляла назіраць за ўсім працэсам «тут і цяпер». У якасці аднаго з метадаў для дасягнення гэтай мэты была выкарыстана інтэрактыўнасць. Інтэрактыўныя рэсурсы даюць магчымасць кожнаму карыстальніку незалежна ад

12 http://vkontakte.ru/club22266299. Правапіс назвы суполкі захаваны ў арыгінале – М. Н. Па стане на 23:59 18.12.2010 г. налічвала 118 удзельнікаў.

13 http://minsk-by.livejournal.com/6982259.html

14 http://kilgor-trautt.livejournal.com/612496.html

15 http://by-politics.livejournal.com/2616506.html

16 http://petra-leleka.livejournal.com/305618.html?nc=33

17 https://docs.google.com/document/d/1Vf7BuI80KQmVXOLSUHnPbkk6TjDP_LdJkzzpkKRTHA/edit?pli=1#

яго ўзросту, прафесіі і іншых паказчыкаў быць «у адной камандзе з усімі». Гэты фактар вельмі важны з пункту гледжання сацыяльнай псіхалогіі, бо такім чынам магчыма арганізаваць эфектыўную каманду з неабыякавых удзельнікаў. У якасці прыклада арганізацыі такой каманды можна назваць практыку стварэння і выкарыстання хэш-тэга *#electby* у мікраблогавай сістэме *twitter*. Кожны з карыстальнікаў гэтага рэсурсу цяпер мог сам стаць «ньюсмэйкерам», дадаўшы ва ўласны запіс гэты тэг. Калі інфармацыя прадстаўляла цікавасць для большасці, то запіс трапляў у твітэр-акаўнт *by_elect*[18], у якім збіраліся навіны па выбарчай кампаніі.

У якасці інтэрактыўных рэсурсаў таксама выкарыстоўваліся формы інтэрнэт-галасавання: на сайце *election.in-by.net*, у аднайменных суполках сацыяльнай сеткі *vkontakte* і мікраблога *twitter*[19]; таксама ў якасці самастойнай праграмнай прылады для рэсурсу *vkontakte.ru*[20]. Яшчэ адным прыкладам дзейнасці сістэматызаванага анлайн-галасавання з’яўляецца сайт *belarusvotes.com*.

Пачатак датэрміновага галасавання прынёс павелічэнне звязанай з выбарамі інфармацыі, якая збольшага тычылася розных відаў парушэння заканадаўства. Акумуляцыя такой інфармацыі праходзіла на рэсурсах, створаных на вэб-платформе *ushahidi*[21] (з мовы суахілі – «сведка», «сведчыць»). Платформа канцэнтруе сацыяльную актыўнасць, грамадзянскую журналістыку і геапрасторавую інфармацыю і дае назіральніку магчымасць выкладваць інфармацыю, скарыстаўшыся адпраўкай *SMS* ці электроннага ліста, а таксама выкарыстоўваючы ўласныя акаўнты сацыяльных сетак. Усе атрыманыя дадзеныя збіраюцца, сістэматызуюцца і аўтаматычна накладваюцца на мапы. У Беларусі самым вядомым праектам выкарыстання такой тэхналогіі з’яўляўся сайт *electby.org*. Але акрамя яго існаваў спецыяльны праект рускай службы радыёстанцыі *Голас Амерыкі* «Выбары ў Беларусі. Грамадзянскі кантроль»[22].

Інтэрнэт як рухавік народнай салідарнасці

Імгненны і малавыдаткавы распаўсюд інфармацыі ёсць галоўным плюсам інтэрнэту, які зрабіў вялікі ўнёсак ў папулярызацыю ідэі салідарнасці. Але распаўсюд інфармацыі не з’яўляецца аднароднай з’явай, бо па розных прычынах мае сваю спецыфіку, мэты і вынікі. Разам з падзеямі, якія адбыліся 19 снежня і пасля гэтай даты, важна вылучыць розныя віды распаўсюду інфармацыі, улічваючы вышэйзгаданыя фактары.

На думку аўтара, у распаўсюдзе інфармацыі пра салідарнасць і яе папулярызацыі інтэрнэт выконваў наступныя функцыі:

---

[18] http://twitter.com/by_elect
[19] http://twitter.com/election_in_by
[20] http://vkontakte.ru/app1983814
[21] Галоўны сайт: http://ushahidi.com/
[22] http://golosameriki.crowdmap.com/

• агульнае інфармаванне пра тое, што здарылася 19 снежня ў Мінску;

• рэкрутаванне валанцёраў для дабрачынных праектаў і інфармаванне гэтай катэгорыі;

• пляцоўка для пошуку людзей, якія трапілі ў медыцынскія і пенітэнцыярныя ўстановы; стварэнне «чорнага спісу» праваkатараў, супрацоўнікаў міліцыі і некаторых іншых устаноў;

• канал для распаўсюду самвыдавецкай прадукцыі;

• збор грашовых сродкаў праз віртуальныя плацежныя сістэмы і інфармаванне пра збор грошаў наяўнымі;

• салідарныя дзеянні з канкрэтнымі асобамі;

• правядзенне флэш-мобаў у вэб-прасторы.

У асноўны дзень галасавання ўлады пачалі блакаваць вэб-рэсурсы. У прыватнасці, былі створаны фальшывыя люстэркавыя сайты некаторых кандыдатаў у прэзідэнты з даменам *.in*; адбылося адключэнне зашыфраванага злучэння (https); некаторыя інфармацыйныя рэсурсы падвергліся масіраванаму DDoS-нападу (больш-менш стабільна працаваў толькі рэсурс *vkontakte*, таму ён і стаў асноўным інфармацыйным цэнтрам). Адразу ж салідарныя дзеянні былі накіраваны на распаўсюд інфармацыі пра меры абыходу блакіроўкі (хаця гэта інфармацыя распаўсюджвалася яшчэ напярэдадні). Працягвалі дапаўняць карціну выбараў і інтэрактыўныя рэсурсы: на сайце *electby.org* мапа з маркёрамі парушэнняў стала значна больш інфарматыўнай.

Дата 19 снежня была яшчэ адзначана ініцыятывай, ідэя якой была агучана загадзя – т. зв. акцыя *Дзень без фэйса*. Карыстальнікам сацыяльнай сеткі *facebook* прапаноўвалася замяніць свае профільныя выявы («аватары», «юзэрпікі») на малюнак (мал. 2).

Мал. 2. Аватар ініцыятывы *Дзень без фэйса*

Ініцыятыва па змяненні профільных выяваў станецца далёка не апошняй і ўвойдзе пасля ў звычайную практыку. Ужо пасля разгону акцыі пратэсту карыстальнікі сацыяльных сетак і блогаў у знак салідарнасці сталі масава мяняць свае профільныя выявы. Самыя папулярныя выявы прыведзены ніжэй (мал. 3–6).

Пасля 19 снежня да ініцыятывы змены профільных выяваў далучылася Беларуская асацыяцыя журналістаў, якая прапанавала свае варыянты.[23]

[23] http://baj.by/m-p-viewpub-tid-1-pid-9730.html

Мал. 3. Аватар ініцыятывы змены профільнай выявы ў блогавай сістэме *livejournal.com*

Мал. 4. Чорны квадрат – адно з самых простых графічных выкананняў знаку салідарнасці

Мал. 5. «Патрабуем вызваліць нашых таварышаў»

Мал. 6. Свечкі як сімвал салідарнасці з пацярпелымі

З пачаткам акцыі пратэсту – *Плошча-2010* – у сацыяльных сетках і блогу *livejournal*[24] пачалася анлайнавая трансляцыя з месца асноўных падзей. Акрамя тэкставай быў вялікі аб'ём і мультымедыйнай інфармацыі: фотаздымкі і відэазапісы (журналісцкія і аматарскія).[25] Прамую трансляцыю з акцыі вёў інфармацыйны партал *tut.by*.

Пасля разгону *Плошчы* і пачаткуператрусаў на офісах недзяржаўных арганізацый і прыватных кватэрах актывістаў вельмі бракавала інфармацыі пра дакладную колькасць затрыманых і месца іх знаходжання. На працягу некалькіх дзён абсалютна няяснай была сітуацыя з Уладзімірам Някляевым. У Сеціве нават хадзілі чуткі, што былы кандыдат быў забіты. Дарэчы, што тычыцца чутак, то цалкам можна зразумець прыроду іх паходжання, асабліва ў экстрэмальных сітуацыях: большасць людзей не чакала развіцця падзеяў па найгоршым са сцэнараў і ўспрымала любую інфармацыю эмацыйна і нават наіўна. Калі разгон *Плошчы* яшчэ не завяршыўся, у інтэрнэце ўжо распаўсюджваліся паведамленні пра чалавечыя ахвяры: падчас самога разгону і на станцыі метро «Плошча Леніна». Аўтар не адмаўляе, што дэзінфармацыя была спецыяльна ўкінута нядобразычліўцамі для захавання панічных настрояў і пачуцця страху ў грамадстве. Падобную сітуацыю мы маглі назіраць пасля тэракту ў мінскім метро 11 красавіка, калі на форумах і ў сацыяльных сетках распаўсюджвалася несапраўдная інфармацыя пра выбухі ў аўтобусе № 100, на аўта- і чыгуначным вакзалах.

24 http://minsk-by.livejournal.com/7008041.html?nc=119
25 http://karpenkod.blogspot.com/2010/12/blog-post_20.html; http://invizio.livejournal.com/669.html; http://invizio.livejournal.com/787.html; http://invizio.livejournal.com/1164.html

Першыя дакладныя спісы затрыманых і тых, хто трапіў у шпіталі, з'явіліся 23 снежня. Некаторыя з іх складаліся на базе *googledocs*[26] і выкладваліся ў інтэрнэт у свабодным доступе (г. зн. маглі быць прачытаныя тымі, хто не мае паштовай скрыні ў сістэме *gmail.com*).

Сістэматызацыяй дадзеных па затрыманых і асуджаных займалася таксама грамадзянская ініцыятыва *Анёл-ахоўнік*[27], якая паўстала на наступны дзень пасля разгону дэманстрацыі. Улічваючы, што такая ініцыятыва ўяўляе класічную мадэль *grassroots* і мае патрэбу ў валантарыяце, то разам са спісамі распаўсюджвалася інфармацыя пра рэкрутаванне дапамагатых з апісаннем канкрэтнай працы[28]. Акрамя гэтага, падаваўся спіс рэчаў, прадуктаў харчавання, якія можна было перадаваць асуджаным.[29]

Апрача рэчаў і прадуктаў можна было рабіць і грашовыя ахвяраванні. Для гэтага былі адкрыты банкаўскія рахункі і рахункі ў сістэмах электронных плацяжоў *easypay* і *webmoney*. Сабраныя фінансы скіроўваліся, напрыклад, на аказанне медыцынскай дапамогі збітай падчас разгону *Плошчы* Маі Абромчык[30]; Таццяне Грачаннікавай[31], у якой падчас адседкі ў СІЗА абвастрылася цяжкая хвароба. Сродкі дапамаглі ў поўным аб'ёме кампенсаваць страты ў памеры Br 14 млн падчас «штурму» Дома Урада[32]. Інфармацыя пра дапамогу распаўсюджвалася таксама ў адным з акаўнтаў у мікраблогавай сістэме *twitter*[33].

Сацыяльныя сеткі як «дошка ганьбы»

Выкарыстанне ў паўсядзённым жыцці сацыяльных сетак мае і свае пагрозы: часам, карыстальнікі выкладваюць у вэб-прастору асабістыя дадзеныя (нумары тэлефонаў, хатнія адрасы, імёны і прозвішчы сваякоў і інш.), якія потым могуць быць лёгка выкарыстаны супраць іх. Як спрацаваў гэты механізм, упэўніліся, калі ў Сеціве пачалі распаўсюджвацца спасылкі на акаўнты[34] у сацыяльнай сетцы *vkontakte* спецназаўцаў. Пры гэтым, дзівіла наяўнасць жорсткіх выказванняў у бок апазіцыі ад тых, хто ўдзельнічаў у зачыстцы плошчы Незалежнасці.[35] Самымі папулярнымі «героямі»

---

26 https://spreadsheets.google.com/ccc?authkey=CNGrwbME&key=tUS5ZeMhP6AG2ZQmrh9gt5A&authkey=CNGrwbME#gid=5

27 http://www.help.roh-roh.net/

28 http://adelka.livejournal.com/262866.html

29 http://adelka.livejournal.com/263425.html; http://adelka.livejournal.com/266659.html

30 http://nn.by/?c=ar&i=50412

31 http://nn.by/?c=ar&i=52741; http://imbierac.livejournal.com/23098.html

32 http://nn.by/?c=ar&i=50722; http://adelka.livejournal.com/280868.html

33 http://twitter.com/samadapamoga

34 http://ezhimo.livejournal.com/109187.html?page=2&cut_expand=1

35 Гл. фотальбом: http://vkontakte.ru/album-18923125_123942335. Спецназаўцы самі адзначалі сябе на фотаздымках, якія былі зроблены падчас разгону дэманстрацыі ўвечары 19 снежня, што паскорыла працэс іх пошуку і ідэнтыфікацыі.

аказаліся нехта Ігар Савіцкі[36] і Саня Воцінаў[37] (арыгінал напісання імя захаваны. – *М. Н.*): іх старонкі падвергліся найбольш актыўнаму ганьбаванню, у выніку якога гэтыя людзі паспешліва пачалі выдаляць ўсю інфармацыю і рэгістраваць новыя акаўнты.

Асобная частка інфармацыі і складання чорных спісаў была прысвечана правакатарам, якія разбівалі вокны і дзверы Дома Урада ў момант, калі побач праходзіла акцыя пратэсту. Самая цікавая інфармацыя па правакатарах акумулявалася ў блогу *zmagarka.livejournal.com*, дзе акрамя тэкставых запісаў уладальнік выкладваў мультымедыйную інфармацыю[38] (нават з атрыманымі расшыфроўкамі радыёперамоваў паміж сілавікамі і правакатарамі[39]). Сабраная інфармацыя давала магчымасць даказаць, што акцыя штурму была спланаваная спецслужбамі, і што ў планы апазіцыйных кандыдатаў яна не ўваходзіла.

Акрамя інфармацыі пра спецназаўцаў і правакатараў у інтэрнэце распаўсюджваліся персанальныя дадзеныя, напрыклад, старшыні адной з выбарчых камісіяў Рамана Хмеля. У спісе з'явіўся і галоўны ўрач бальніцы хуткай медыцынскай дапамогі Віктар Сірэнка, якога праваабаронцы абвінавацілі ў парушэнні прафесійнай этыкі.[40] З пачаткам першых судовых працэсаў над удзельнікамі маніфестацыі ў інтэрнэце пачала распаўсюджвацца інфармацыя пра суддзяў. У акаўнце суддзі Вольгі Комар у *фэйсбуку* разгарэлася дыскусія[41], у якой прыняла ўдзел і сама Комар[42].

Збор дадзеных па асобах, якія скампраметавалі сябе ў падзеях 19 снежня (і пасля іх) адбываўся праз электронны адрас *chornyspis2010@gmail.com*. Акрамя гэтага, быў створаны спецыяльны сайт *posobniki.com*.

У гэту сумную кампанію ўмоўна аднесены і экс-кандыдат у прэзідэнты Яраслаў Раманчук, які «праславіўся» сваёй заявай ад 20 снежня[43], дзе асудзіў правакацыю са штурмам, абвінаваціўшы ва ўзнікненні яе некаторых апазіцыйных кандыдатаў. Рэакцыі доўга чакаць не прыйшлося: на сцяну старонкі[44] былога кандыдата абрынулася лавіна незадаволеных запісаў, нават з боку тых, хто яшчэ ўчора галасаваў за Раманчука. Запісы з абурэннямі межавалі з запісамі,

36 http://vkontakte.ru/id95489720
37 http://vkontakte.ru/id20431196
38 http://zmagarka.livejournal.com/1120792.html#cutid1; http://zmagarka.livejournal.com/1129362.html; http://zmagarka.livejournal.com/1168801.html#cutid1
39 http://zmagarka.livejournal.com/1144463.html
40 Маецца на ўвазе эпізод вечара 19 снежня, калі Сірэнка дазволіў прадстаўнікам спецслужбаў вывезці цяжка параненага Уладзіміра Някляева са шпіталю.
41 http://nn.by/index.php?c=ar&i=50689
42 Праўда «плюралізм меркаванняў» цягнуўся нядоўга, бо ўладальнік профіля хутка вырашыла зрабіць яго закрытым.
43 http://www.youtube.com/watch?v=tX2-oNI_Rrc
44 http://www.facebook.com/pages/%D0%AF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2-%D0%A0%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%87%D1%83%D0%BA/157502274264924

якія ўтрымлівалі абразы і кпіны ў бок кандыдата, бо многія палічылі Раманчука здраднікам. Толькі за 20 снежня каля 700 карыстальнікаў выдалілі акаўнт кандыдата з ліку сваіх сяброў.

Інтэрнэт як канал распаўсюду «самвыдату»

Распаўсюд інфармацыі праз інтэрнэт можа зусім не закранаць тую катэгорыю грамадства, якая мала карыстаецца ці не карыстаецца ўвогуле гэтым сродкам, што ўсё яшчэ актуальна для Беларусі. Таму ў сувязі з гэтым было прапанавана правесці ў Сеціве кампанію па распаўсюду самвыдавецкай прадукцыі, пасля чаго раздрукоўваць яе ў хатніх умовах і распаўсюджваць па паштовых скрынях. Заклікі далучыцца да гэтай кампаніі прагучалі сярод некаторых блогераў[45], пасля чаго абвесткі перасунуліся і ў сацыяльныя сеткі. Таксама распаўсюджваліся спасылкі на ўзоры самвыдату, якія былі выкананы на платформе *googledocs* і выстаўляліся ў адкрытым доступе.[46] У 2011 г. быў створаны цэлы партал нагляднай агітацыі *antibrainwash.net* з пералікам улётак і плакатаў і магчымасцю іх спампаваць.

Адрасныя кампаніі падтрымкі

Апроч салідарных дзеянняў, якія разлічваліся на агульную катэгорыю (пад зборным паняткам «пацярпелыя»), мелі месца ініцыятывы адраснага характару. У якасці такіх прыкладаў можна прывесці распаўсюд інфармацыі пра акцыю салідарнасці ля Акрэсціна[47] 21 снежня[48]; кампанію ў падтрымку «Аўтарадыё»[49]; правядзенне *Выставы Салідарнасці*[50]; кампанію салідарнасці блогераў з журналістам Андрэем Пачобутам[51]. Пры гэтым, адбыўся выпадак, калі адзін з блогераў па ўласнай ініцыятыве праводзіў кампанію салідарнасці[52].

---

45 http://abc-in-lj.livejournal.com/21181.html з двума прыкладамі ўлётак

46 http://zmagarka.livejournal.com/1086268.html; https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=explorer&chrome=true&srcid=0B30qgqUsynSdODI0M2M0ZTctYTAwNi00ODc4LWFiMWItODBjNDcyYzVmN2I2&hl=en; https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=explorer&chrome=true&srcid=1ECFMoIgWl8Dvrjsmdxzo1fAxUV6wVLvMbCzREtitR66RXi4gSVbUy4-RhDB1&hl=en&authkey=CICZnoUI; http://narod.ru/disk/1913778001/Rezanans2.pdf.html

47 Ізалятар часовага ўтрымання ў Мінску: першы завулак Акрэсціна, 36А. «Праславіўся» як месца масавай адседкі людзей пасля разгону намётавага гарадка ў сакавіку 2006 г.

48 http://nn.by/?c=ar&i=47862

49 http://mfront.net/content.php?content.3550

50 http://generation.by/doc14-472.html

51 http://fotaczka.livejournal.com/201002.html

52 Як, напрыклад, блогер *budimir*, які аб'явіў бестэрміновую галадоўку да таго моманту, пакуль не будуць вызвалены ўсе палітвязні (гл. тут: http://budimir.livejournal.com/103720.html). Скончыў галадоўку на дваццаты дзень.

Незалежна ўтварылася ініцыятыва з падпісаннем паштовак палітвязням, якая базуецца на сайце *pashtouka.org.* Ідэя ініцыятывы палягае ў тым, што на самім сайце можна абраць паштоўку з некалькіх варыянтаў, абраць адрасата і, запоўніўшы спецыяльную форму, адправіць яе. Па словах ініцыятараў, у першыя дні паслугай скарысталіся больш за тысячу чалавек.[53] Такі поспех ідэі палягае, хутчэй за ўсё, у эканоміі часу, хаця падобныя акцыі ўжо мелі месца, калі ў турмы адпраўляліся паштоўкі запоўненыя ад рукі.[54]

Флэш-мобы як традыцыйны элемент салідарнасці

Нягледзячы на трагічнасць падзей, некаторыя карыстальнікі ўсё ж не гублялі пачуцця гумару і прыдумвалі забаўляльныя акцыі, такія як кампанія *ШОС*[55] ці флэш-моб з рондалямі[56]. Фантазія народных гумарыстаў наконт ідэі *ШОС* была развіта далей, пра што сведчыць альбом калажаў у суполцы на рэсурсе *vkontakte.ru*[57].

Мал. 7. Рэстайлінг лагатыпу адной з грамадскіх кампаніяў пад *ШОС*

Што тычыцца флэш-моба з рондалямі, то падставай да яго правядзення стала выказванне старшыні Цэнтральнай выбарчай камісіі Лідзіі Ярмошынай раніцай 20 снежня, калі яна выказалася пра жанчын, якія прынялі ўдзел у акцыі напярэдадні: *«Сидели бы дома, борщ варили, а не по площадям шастали. Это позор для женщины – участвовать в подобных мероприятиях»*[58]. Цытата стала крылатай, а сама Ярмошына была нават намінавана ў прэміі «Сексіст года 2010»[59] расійскай інтэрнэт-ініцыятывы.

Гэтыя два моманты з'яўляюцца, бадай, адзіным пазітывам ва ўсіх сумных падзеях, звязаных з 19 снежня.

---

53 http://anei-aka-kirian.livejournal.com/284312.html
54 У асноўным гэта былі паштоўкі з віншаваннямі з Калядамі і Новым годам, бо тэрмін знаходжання за кратамі для большасці арыштаваных якраз прыпаў на гэтыя святы
55 Абрэвіятура склалася з пачатковых літар фразы на трасянцы "Шоб Он Сел"; таксама ходзіць і больш жортскае тлумачэнне: "Шоб Он Сдох".
56 http://petra-leleka.livejournal.com/325483.html#cutid1
57 http://vkontakte.ru/album-23966472_127554172
58 Аўдыёзапіс таго выказвання можна паслухаць тут: http://euroradio.fm/ru/node/3930.
59 http://www.zafeminizm.ucoz.ru/news/premija_seksist_goda_2010_itogi/2011-01-13-28

СЛУЧАЙ БЕЛАРУСИ: НАСИЛИЕ, ВЛАСТЬ, БЕССИЛИЕ

Журнал *OSTEUROPA*[1] 2010. Dezember. Heft 12.

Двенадцатый номер журнала *ОстЕвропа* (2010) посвящён «случаю Беларуси», поводом к чему послужили президентские выборы в нашей стране. Аналитические статьи о Беларуси занимают чуть меньше половины номера журнала и охватывают темы *политики*, и в частности политической ситуации вокруг выборов (круглый стол с участием политологов Ё. Форбига, Р. Линднера, Д. Марплза, А. Мошеса, А. Зам и статья Ш. Шиффер), *культурной сцены* (статья И. Петц) и *культурно-языковой ситуации* (М. Брюггеманн), пиара беларусского режима немецкими СМИ (Г. Пёрцген), экономики (Р. Линднер) и, наконец, культуры памяти в Беларуси (Х. Ганцер, А. Пашкович). В этом разделе журнала также помещено публичное высказывание беларусской писательницы Светланы Алексеевич, сделанное в связи с подавлением властями демонстрации беларусских граждан в день выборов.

Стоит отметить, что не все статьи «беларусского раздела» этого номера *ОстЕвропы* посвящены непосредственно ситуации вокруг выборов. И, как мне показалось, наиболее интересная статья этого раздела – как раз статья о культуре памяти, подготовленная на основе анализа организации экспозиции мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» совместно немецкими и беларусскими авторами. Это является отражением как важнейшей роли исследований культуры памяти для формирования европейской идентичности сегодня, так и значительных пробелов, если не сказать одного большого пробела в исследованиях по данной тематике в Беларуси. В этом смысле, если материалу о культурной памяти есть что рассказать беларусскому читателю – и с точки зрения исследовательского подхода, и с точки зрения выводов, о чём я ещё скажу далее, – то дискуссии и статьи, посвящённые политике, адресованы, скорее, непосвящённому в беларусские проблемы читателю.

---

[1] Журнал *ОстЕвропа* (*Osteuropa*), как это следует из аннотации, является междисциплинарным ежемесячным журналом аналитики в области политики, экономики, общества, культуры и современной истории Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Журнал позиционирует себя как «форум диалога между Востоком и Западом и обращается к общеевропейским темам». Основан в 1925 году, однако выпуск был приостановлен в 1939 году и снова возобновлён в 1951-м.

Политическая сцена: прозрачность зла

Круглый стол и статья С. Шиффер представляют пусть и скудное, но всё же многообразие оценок послевыборной ситуации в Беларуси, подавляющее большинство из которых озвучено вскоре после выборов беларусскими аналитиками, или они, по меньшей мере, не расходятся с точками зрения последних. Среди этих оценок можно выделить вывод о том, что кровавое подавление состоявшейся 19 декабря демонстрации показало, что европейская политика диалога с беларусскими властями полностью провалилась. Другими словами, стало понятно, что «диктаторский и криминальный режим Лукашенко невозможно подвигнуть к либерализации с помощью контактов и кооперации, экономических поощрений и мягкого давления» и что платой за это разочарование явились тюремные заключения и другие формы наказания беларусских демократов (Форбиг, с. 5). Стало также очевидно, что контроль Лукашенко над страной носит тотальный характер (Мошес).

Эксперты также замечают, что демократически настроенные граждане Беларуси были шокированы поведением властей (Зам) и что демократические трансформации в стране вместе со сближением с ЕС радикальным образом поставлены этим поведением под вопрос (Линднер). При этом политологи констатируют наличие и в беларусском обществе в целом, и в части властного аппарата проевропейских настроений.

Политологи также дают оценку предвыборной кампании, отмечая фиктивность шагов в направлении либерализации в этой сфере, а также размышляют о том, кто – Лукашенко, отдельная провластная группировка, Россия, оппозиция – мог бы быть заинтересован в столь жёстком разгоне демонстрации и только ли Лукашенко несёт за это ответственность. Доминирующим оказывается мнение о *манипуляции* (Марплз) и *инструментализации* (Линднер) *протеста властью* с целью организации ответа в виде жёсткого разгона как повода для разрыва всяких отношений с Евросоюзом как главным сторонником оппозиции и для сближения с Россией. Ещё одним результатом разгона *Плошчы* явилось ослабление сил части беларусского общества, ориентированной на Европу, реформы и модернизацию.

Что касается оценки поведения оппозиции во время выборов и демонстрации, то большинство экспертов высказываются в её пользу, отмечая, что в нынешних условиях было сделано всё, что только возможно. В качестве же бенефициариев сложившейся после выборов ситуации, по мнению опять же большинства участников обсуждения, следует рассматривать исключительно Россию. И, несмотря на то что Лукашенко – «мастер выживания» (Форбиг), в сложившихся условиях политологи отмечают маловероятным – в силу и внутри-, и внешнеполитических и экономических факторов – восстановление *status quo ante.*

Более отчётливую позицию по беларусскому вопросу должен занять и Евросоюз, ясно показав, что «мы рассматриваем Беларусь в качестве важной части Европы» (Линднер) и что «трансформация беларусского режима важнее демократизации России уже только потому, что её легче достичь» (Марплз) (с. 19). Того же мнения придерживается и автор статьи о политической ситуации в Беларуси Ш. Шиффер, отмечая, что «надежда на демократизацию Беларуси окольным путём, посредством России, о котором можно услышать из уст представителей некоторых кругов немецкой внешнеполитической *community*, оказалась не более чем гротескной подменой действительного желаемым» (с. 31).

В статье об экономической ситуации в Беларуси позицию, которую Евросоюз должен занять в отношении Беларуси, Райнер Линднер обозначает «политикой критического диалога и соответствующей стандартам кооперации», что означает: «углубление сотрудничества должно напрямую зависеть от изменений в Беларуси» (с. 59). При этом Линднер отмечает, что *«Беларусь в историческом и культурном смыслах является важной частью Европы. Страна может извлечь значительные экономические выгоды из своего соединительного положения между Евросоюзом и Россией. Однако необходимая для извлечения этих выгод модернизация состоится только в том случае, если Беларусь станет привлекательной для западного бизнеса. Модернизация в первую очередь предполагает надёжную правовую систему, прозрачное ведение дел и развитие страны в направлении рыночной экономики, а также инновативный и независимый средний класс»* (с. 53).

Приведённые размышления и оценки западных политологов, как я уже отмечала выше, в большинстве своём созвучны анализу тех же процессов беларусскими экспертами, что свидетельствует, в том числе, о развитии в последние годы независимой экспертной оценки в Беларуси. Отличие же представленной в немецком журнале политической и экономической экспертизы заключается в полезной нюансировке оценок, включающей, в том числе, введение новых понятий, как-то: «манипуляция и инструментализация протеста» или «критический диалог». Важно также, что западные эксперты единодушно признают Беларусь в качестве субъекта общего европейского пространства, почему и требуют большей ответственности Евросоюза по отношению к нашей стране.

Новейшая история беларусской независимой культурной сцены

В этой связи показательным является материал журналистки из Берлина Геммы Пёрцген, посвящённой немецким *PR*-кампаниям в Беларуси. Г. Пёрцген представляет нам мнения тех немецких журналистов, которые были приглашены в Беларусь властями с целью осуществления пиара нашей страны. Главным выводом её размышлений является вывод о неудаче беларусских властей получить от

немецких журналистов то, что они ожидали – максимально позитивный образ нашей страны, поскольку журналисты не отказались от той критической дистанции при подготовке своих материалов, которую занимают и в Германии.

Статья о независимой культурной сцене Беларуси, подготовленная Инго Петц, отличается от политологических статей тем, что имеет мало аналогов в самой Беларуси. Обращая внимание на значительный объём этой статьи, можно сделать вывод о том, что немецкие эксперты в целом не помещают культуру на обочину политической жизни, поскольку обращение к ней позволяет анализировать не только конструирование потенциальных практик сопротивления, но и ценностные и иные мотивации тех, кто может принять участие в протестах.

Сильным местом немецкого материала о культуре является воссоздание современной истории беларусской независимой культурной сцены с опорой на многочисленные интервью как с представителями более старших генераций независимых «культурных героев» – художником Артуром Клиновым и драматургом Николаем Халезиным, музыкантом Лявоном Вольским и писателем Владимиром Орловым, – так и с многочисленными представители «генерации *Y*» – поэткой Марыйкой Мартысевич и журналистом и писателем Виктором Мартиновичем, художницей Ольгой Кузьмич, главным редактором журнала *34* Ириной Видановой и переводчицей Ириной Герасимович. И именно обращение к «новейшей истории» независимой сцены Беларуси позволяет зафиксировать то многообразие и разнообразие, которые зачастую ускользают от беларусских аналитиков культуры.

Отправной точкой анализа Петц являются 1990-е гг. Именно начиная с этого времени, по мнению автора, решающим для беларусской независимой культуры становится сопротивление авторитарному режиму Лукашенко и стремление к автономной жизни, альтернативным эстетическим понятиям и демократической, обращённой к ЕС Беларуси (с. 34). Автор статьи приходит к выводу, что представителей независимой культурной сцены волновали и волнуют вопросы беларусской идентичности, которая отсылает к Великому Княжеству Литовскому и Речи Посполитой и нарративам, противопоставляемым советским и ориентированным на Россию традициям и мифам. Такой интерес превращает представителей независимой беларусской культуры в оппонентов беларусского режима, что приводит к политике умалчивания их имен и неупоминания отдельных проектов в рамках официальной массовой культуры, а также к репрессиям, которые нашли выражение в закрытии в Минске Беларусского лицея и Европейского гуманитарного университета (ЕГУ). В результате, методы независимых «культурных героев», по словам А. Клинова, становятся партизанскими.

В качестве отдельного плодотворного периода становления независимой беларусской культурной сцены Петц выделяет 2001–2006 гг., в качестве же её главных участников она идентифицирует

представителей так называемой «генерации *Y*» – тех, кто родился в 1980–90-е гг. Именно эта генерация стала главным действующим лицом *Плошчы 2006* – этого нового феномена в истории независимой Беларуси. По мнению А. Клинова, на площадь люди выходили именно по зову культуры, чтобы затем вернуться в интернет, новую форму партизанского леса.

Год 2007-й знаменовал наступления нового, более благотворного периода для развития независимой беларусской сцены, происходившего под эгидой сближения Беларуси и Евросоюза. В это время возникают новые независимые музыкальные группы, открываются кафе и клубы. В 2009 году в центре Минска начала работать даже частная галерея современного искусства «Ў», которая превратилась в «место встречи хипстеров и критически-креативных участников беларусской культурной сцены». И хотя эти участники не свободны от самоцензуры и не всегда обращаются к политическим проблемам, их эстетические приоритеты отличаются от образцов традиционной или советской культуры.

Девятнадцатое декабря 2010 года становится новым отправным пунктом, окрашенным прежде всего депрессивными тонами. И, тем не менее, автор статьи не верит в возможность полного поражения участников независимой культуры, поскольку *«она всегда была культурой самоутверждения и сопротивления. При автократичном режиме Лукашенко она превратилась в движущую силу распространения ценностей, ориентированных на свободу»* (с. 51).

Национальная идентичность и культура памяти

Две последние статьи беларусского раздела данного номера *ОстЕвропы* посвящены вопросам национальной идентичности, рассматриваемой М. Брюггеманом из перспективы языковой проблемы в Беларуси и Х. Ганцером и А. Пашкович – из перспективы культуры памяти. Статья, посвящённая анализу языковой проблемы, построена в духе представленной статьи о независимой культурной сцене и касается как исторических, так и современных перипетий вокруг этой проблемы. Интрига статьи разворачивается вокруг столкновения мнений представителей национального (Товарищество беларусского языка, газета *Наша Ніва* и др.) и русофильско-имперского (прежде всего эксперты интернет-портала *«Imperiya.by»*) лагерей, а завершается констатацией факта открытости национально-культурной ориентации Беларуси. Однако в самом конце статьи автор указывает на роль критических по отношению к режиму русскоязычных беларусских интеллектуалов (среди которых в статье называется С. Алексиевич), *«которые до сего времени демонстрировали понимание желания сохранить беларусский язык, однако опасаются “борьбы за культуру”, которую могут развернуть носители беларусского языка после возможной смены власти в Беларуси»* (с. 80).

Завершающая статья беларусского раздела *ОстЕвропы* позволяет взглянуть на проблему идентичности с той стороны, которая может способствовать и более глубокому взгляду на языковую проблему, а именно со стороны культуры памяти. Обращаясь к анализу центральной экспозиции мемориального комплекса «Брестская крепость-герой», авторы статьи выявляют тот исторический нарратив, который формируется благодаря этой экспозиции, а также его явные пробелы, скрывающие определённую историческую политику. Решающим для этого нарратива является коллективный подвиг и патриотизм советского народа во Вторую мировую войну, а в тени остаются: исторический и политический контексты, причём не только советский, но и национал-социалистский; нарратив и история жертв этого подвига – прежде всего попавших в плен советских солдат; подвиг женской части защитников крепости, которые на уровне оформления экспозиции – картин и скульптур – предстают как жертвы (их дальнейшая судьба также остаётся за кадром), противопоставленные героям-мужчинам, хотя экскурсовод постоянно рассказывает о женщинах-защитницах крепости; наконец, существование и уничтожение евреев, на что указывают немецкие листовки, но ни слова не говорится в самой экспозиции, не упоминается экскурсоводами.

Всё это позволяет авторам статьи сделать вывод о том, что геройство и патриотизм, которые после 1964 г. выбраны Хрущевым в качестве формы легитимации власти, до сего дня определяют способ повествования и мемориализации Второй мировой войны в Беларуси, воспроизводя доставшиеся от того времени темы и табу, а также – с небольшими изменениями – языковые и изобразительные клише. Всё это препятствует прояснению важных моментов не только локальной, но и общеевропейской истории, в которой, к примеру, уничтожение евреев уже стало составной частью глобальных воспоминаний, в отличие от судьбы советских пленных. *«В этой связи задачей обществ и востока, и запада Европы является обращение к этой группе жертв, наличие которой и так уже долгое время замалчивалось. Место памяти в Брестской крепости могло бы служить решению этой задачи. Иначе призыв помнить, много раз повторяемый, будет оставаться призывом к забвению»* (с. 96).

Подводя итоги проделанной участниками журнала *ОстЕвропа* работы по анализу ситуации в Беларуси, стоит ещё раз вернуться к его названию: ***«Случай Беларуси: насилие, власть, бессилие».*** Хотя отправным пунктом номера и выступают события 19 декабря, взаимосвязь *насилия, власти и бессилия* можно обнаружить и в тех текстах беларусского раздела номера, которые этих событий не касаются. Особенно очевидным это становится в случае анализа ситуации с культурой памятью в Беларуси, бессилие в которой обнаруживают все те, кто – осознанно или нет – способствует табуированию и клишированию истории и воспоминаний, доставшимся нам от советских времен и активно используемым А. Лукашенко.

В этом смысле взгляд со стороны, прежде всего – экспертов других европейских стран, именно на эту область наиболее полезен и востребован в Беларуси. Можно также предположить, что именно от усиления этой исследовательской оптики зависит и дальнейшее формирование экспертной оценки в самой Беларуси, и не только в области культуры, но и в политике и социальной сфере. Поскольку, как показывают авторы статей о культурной сцене и культуре памяти, обращение к полю культуры позволяет более отчётливо увидеть динамику беларусского общества в целом, в котором определённые группы – например, молодёжь – уже заявляют о себе, в то время как другие, в силу доминирующей культуры памяти – например, женщины, – находятся под прессингом табу и клише. Независимая культурная сцена, включающая разные генерации, ориентированная на Европу и объединяющая людей, наиболее чувствительных к разного рода табу и мифам, может в итоге стать тем мостом к модернизации, о котором писал в своём тексте Р. Линднер.

Ольга Шпарага

БЕЛОРУССКАЯ ВЕРСИЯ «9/11»

Журнал *ARCHE* 1, 2 – 2011
(19 сьнежня 2010: Плошча)

Если трактовать «временн*у*ю дистанцию» в качестве преимущества наблюдательной позиции (поскольку, как настаивает Гадамер, такая дистанция позволяет отделить «мух» от «котлет» и увидеть вещи в их истинном свете), авторы первого в 2011 г. (сдвоенного) номера журнала *ARCHE* оказываются в сложном положении. События 19 декабря случились совсем недавно, люди погружены в атмосферу депрессии, политически активные писатели должны как-то определиться по отношению к сложной нравственной проблеме политических заключённых, не впадая при этом в истерику, столь препятствующую «объективному анализу». С другой стороны, у такой временн*о*й позиции имеются и свои преимущества, поскольку первые «аналитические» реакции на исторические события 19 декабря закладывают определённый *path dependence* (колею) всех последующих восприятий и трактовок. В этом смысле участники указанного номера располагают явными преимуществами, в то время как сам журнал становится одним из ключевых исторических документов, многопланово фиксирующих «12/19», эту белорусскую версию «9/11».

Значительная часть номера отдана двум объёмным аналитическим отчётам, посвящённым избирательной кампании 2010 г. (напечатаны с сокращениями) – правозащитного центра «Весна» и Белорусской ассоциации журналистов, – которые довольно широко публиковались в различных изданиях. Не останавливаясь на этих документах, отмечу, что они остаются и будут оставаться хорошим базовым подспорьем для последующих анализов. Имеются в номере и другие значимые перепечатки, прямо либо косвенно касающиеся проблематики «диалога» и его драматического разрешения. Особняком стоит статья Виталия Силицкого *Русіфікацыя + каланіялізм = грамадзянская нацыя? Сацыялогія моўна-культурнага пытання ў Беларусі* (которая базируется на результатах исследований Белорусского института стратегических исследований). Особняком в том смысле, что она связана не столько с тематической установкой данного выпуска журнала, сколько с его «периодической» установкой. Наконец, базовый контент номера составлен из двух основных частей – репортажной (фотографии, рисунки, свидетельства очевидцев событий) и аналитической, которая преимущественно отстраивается как репортажная.

В качестве замечания на полях: обычно я полагал, что пересказ событий (в частности, с презумпцией «я сам это видел») не является их анализом, но в данном случае отклонения оправданы. Скажем так: будем полагать это особенностью данного выпуска *ARCHE*, и это в принципе не должно снижать значимость размещённых здесь анализов (не говоря уже о репортажах и иллюстративном материале, которые выше всяких похвал).

Теперь следовало бы перейти к контенту, в котором я выделил бы три доминанты.

1. Провокация, случайность, историческая ирония, солидарность? Говоря коротко, первая тематическая линия связана с вопросом: спровоцирован ли штурм Дома правительства белорусскими спецслужбами (варианты: лидерами оппозиции, Кремлём), или же он случился спонтанно? Легко предугадать, что ответы на данные вопросы варьируют от статьи к статье. Одни авторы допускают, что имела место провокация спецслужб, другие настаивают на случайности (см., например, с. 110). В абсолютном меньшинстве оказываются те, кто, подобно Денису Мельянцову, указывает на конкретные личности:

> «Хроніка падзеяў ад *Хартыі-97*, размешчаная на Фэйсбуку, аднак сведчыць пра тое, што штаб Андрэя Саннікава цалкам падтрымліваў ідэю штурму Дома ўрада і што штурм здзяйснялі ўдзельнікі акцыі, а не правакатары, як гэта падавалі журналісты і асобныя кандыдаты ў прэзідэнты» (с. 119).

Однако вне зависимости от того, признаётся факт провокации или нет, участники номера принципиально сходятся в том, что лидеры оппозиции – они же кандидаты на пост президента РБ – не контролировали ситуацию, т. е. были не в состоянии управлять

толпой (поскольку провокациям, как явно или подспудно авторы полагают, можно более или менее эффективно противостоять). Это обстоятельство вменяется им в вину (с различной степенью акцентирования внимания на этой вине).

И всё же: массовость или контроль? Толпа или дисциплинарный порядок? Это противоречие в высшей степени показательно для белорусского интеллектуального сообщества. С одной стороны, это сообщество адресует упреки партийной оппозиции в том, что та не выходит за пределы «оппозиционного гетто», с другой – упрекает в том, что, фактически выйдя за пределы этого гетто и тем самым обеспечив массовость, она эту массовость не контролирует. Но для того чтобы контролировать толпу, необходимо располагать специалистами, которые умеют это делать, причём должно быть определённое соотношение этих специалистов и «толпы»: 1 к 10, 1 к 20 или 1 к 100 – я точно не знаю, хотя об этом можно спросить, скажем, у организаторов футбольных матчей и других массовых зрелищ. Известно, что когда А. Лукашенко встречается с «толпой» рабочих, скажем, Минского автозавода, то её состав предварительно фильтруется, и эта толпа контролируется специально обученными людьми. Таким образом, коллектив авторов данного номера обозначает скрытый ответ на один из ключевых вопросов *Площади*: де-факто оппозиционные лидеры не планировали захвата Дома правительства и не строили планов относительно контроля над толпой, то есть не формировали специальных «революционных» структур.

2. Почему Площадь не победила? Именно в силу указанного выше обстоятельства.

> «Каб выстаяць, трэба было паўмільёна, – настаивает блоггер байнета, участник событий 19 декабря *Silver Wraith*. – Таму што перамагчы такім спосабам было немагчыма. Дыктатуры не падаюць падчас “выбараў” – у часы дыктатуры не бывае выбараў. У большасці тых, хто прыйшоў, былі не проста мірныя мэты – мэты былі чыста сузіральныя. Рэвалюцыйна настроенай *Плошча* сапраўды не была» (с. 115).

Итак, революции не было, не было и революционной организации, которая могла бы всё это дело провернуть, и всё, что было (в том смысле, что соответствующие факты можно некоторым образом верифицировать), – это призыв кандидатов в президенты к людям выйти на улицы и опротестовать результаты «выборов», а также последующий массовый протест.

Вопрос о том, «чаму *Плошча* не перамагла» можно переформулировать следующим образом: какие условия должны быть выполнены для того, чтобы это случилось? Несложно допустить, что многие авторы описываемого номера *ARCHE* хотели бы знать ответ на данный вопрос, но во всей своей полноте он ставится в единственной статье – переводном репринте *Революция без насилия?* за авторством бывшего заместителя генерального секретаря ООН Брайана Уркварта. Статья, в свой черёд, является рецензией на две

книги.[1] Анализируя сконцентрированные в них статьи, автор приходит к глубоко печальному (в нашем контексте) выводу: шансы гражданского сопротивления на успех тем выше, чем мягче условия, в которых приходится действовать. Свободная пресса, нетерпимость общества к насилию, высокая политическая ответственность граждан (т. е. относительно широкое распространение элементов демократической политической культуры) способствуют успеху гражданского сопротивления, в то время как подавление свободы прессы, высокая терпимость к насилию и политическая безответственность граждан – наоборот, не способствуют. Анализируя успех Ганди по следам авторов рецензируемых сборников, Урквapp заключает, что

> «вучэнне Гандзі і яго філасофія ненасілля і "сацьяграхі" ("сілы праўды" ці "духоўнай сілы") сталася новым элементам індыйскай ідэнтычнасці і нацыянальнага гонару. Менавіта гэтыя палітычныя і духоўныя пераўтварэнні, а не сам па сабе грамадзянскі супраціў урэшце і зрабілі праўленне брытанцаў немагчымым» (с. 256).

С другой стороны, отсутствие атмосферы толерантности и неготовность СССР признать поражение социалистической модели общества привели к ещё большим репрессиям в отношении граждан. Что касается успеха польской «Солидарности», которую так часто ставят белорусам в пример, то этот путь занял без малого 20 лет (включая введение военного положения) и достиг успеха только после прихода к власти в СССР М. Горбачёва с его идеями «перестройки» (с. 258).

В концентрированном виде эти заключения можно было бы выразить на манер известного политолога, специалиста по системам государственного управления Люкана Вэя: чем легче власть идёт на применение насилия, тем ниже шансы на успех гражданского (или ненасильственного) сопротивления. И наоборот. Таким образом, получается, что успех *Плошчы* как символа гражданского сопротивления фактически зависит от доброй воли властей. Девятнадцатого декабря 2010 г. белорусский режим доброй воли не проявил. Он проявил злую волю к насилию – и это обстоятельство прямиком подводит нас к ключевой тематической линии.

3. ***Насилие.*** Репортажи, фотографии и другие документальные материалы (включая копии постановлений судов) буквально кричат о том, что «толерантные» белорусы очень склонны к насилию. Или, говоря проще, могут быть квалифицированы как грубые варвары на фоне своих европейских соседей. Тема насилия так или иначе присутствует во всех материалах номера *ARCHE*. Юные блогеры и маститые авторы воленс-ноленс склоняются к вопросу о том, зачем, почему и ради чего насилие было применено в масштабах, превос-

[1] Roberts A., Ash T.G. (eds.) *Civil Resistance and Power Politics: The Experience of Non-violent Action from Gandhi to the Present.* Oxford University Press, 2009. 407 p.; Ash T.G. *Facts Are Subversive: Political Writing from a Decade Without a Name.* Yale University Press, 2010. 441 p.

ходящих условно нормативный уровень. Покидая пределы *ARCHE*, можно продолжить в том же духе: не слишком ли суровые приговоры вынесены Санникову, Статкевичу и другим, менее именитым участникам событий 19 декабря? Не менее интересен вопрос о том, зачем властям потребовалась вся эта игра в «диалог» и «выборы» накануне столь драматической развязки?

> «Напярэдадні маштабнай прыватызацыі рэжыму патрабавалася ўзмацненне кантролю над грамадствам, насаджэнне страху ў штодзённым жыцці і прэзентаванне беларускіх уладаў як маналітнай структуры, здольнай утрымацца пры любых абставінах» (с. 231).

Это, разумеется, хороший ответ на поставленный вопрос – хороший в том смысле, что ясный, краткий и его легко запомнить. И всё же это неверный ответ – как раз здесь мы можем говорить о преимуществах исторической дистанции (пусть даже очень короткой). Ибо никакой масштабной приватизации после «запугивания» людей не последовало, и пока такая приватизация даже не предвидится. Более того, оглянитесь, посмотрите: «насаждение страха» вовсе не привело к андроповской дисциплине (как её видит и жаждет Лукашенко), оно прямо способствовало утрате легитимности власти и, как следствие, утрате доверия к национальной валюте. И теперь Лукашенко в принципиально унизительной позе просит у России 3 миллиарда долларов стабилизационного кредита, в то время как накануне выборов ровно эту сумму ему предлагали контрагенты «диалога» с западной стороны.

Почему насилие было применено, почему оно было применено в столь грандиозных масштабах? Почему в белорусском обществе столько насилия? (Теракт «4/11» функционирует как отголосок этих вопросов.) Эти вопросы остаются открытыми, авторы журнала на них не отвечают. Насилие в нынешних вполне комфортных (даже в контексте Беларуси) «евроусловиях» процветает некой аномалией. Но процветает. «19 декабря» – это аномалия (в чём убеждено подавляющее большинство авторов номера). И, следовательно, эти вопросы должны ставиться вновь и вновь.

Анатолий Паньковский

Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,86. Тираж 300 экз.
Отпечатано: «Petro Ofsetas»
Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius